

Научное издание

ВЕСТНИК

Луганского государственного
педагогического университета

Серия 5

Гуманитарные науки.
Технические науки

№4(69)
2021

№4(69) • 2021 ВЕСТНИК ЛУГАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

КНИТА

Издатель ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
«Книга»

ул. Оборонная, 2, г. Луганск, 91011, т/ф (0642)58-03-20

Министерство образования и науки
Луганской Народной Республики
Государственное образовательное учреждение
высшего образования
Луганской Народной Республики
«Луганский государственный педагогический университет»

ВЕСТНИК

Луганского
государственного
педагогического
университета

Серия 5

Гуманитарные науки.
Технические науки

№ 4(69) • 2021

Сборник научных трудов

Луганск
2021

УДК 08.378.4(477.61)ЛГПУ:[3+62(062.552)]
ББК 95.4я43+60я5+3я5
В 38

Учредитель и издатель
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»

Основан в 2015 г.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
№ ПИ 000196 от 22 июня 2021 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор

Черных Л.А. – доктор психологических наук, доцент

Заместитель главного редактора

Ротерс Т.Т. – доктор педагогических наук, профессор

Дейнека И.Г. – доктор технических наук, профессор

Выпускающий редактор

Калинина Г.Г. – заведующий редакционно-издательским отделом

Редактор серии

Темникова С.В. – кандидат технических наук, доцент

Редактор рубрики «Гуманитарные науки»

Дибас О.А. – кандидат исторических наук, доцент

Редактор рубрики «Технические науки»

Калайдо А.В. – кандидат технических наук, доцент

Состав редакционной коллегии серии:

Авершина А.С.	– канд. техн. наук	Крысенко Д.С.	– д-р. ист. наук, доц.
Атоян А.И.	– д-р. филос. наук	Кудинов В.А.	– д-р. ист. наук, проф.
Бакаева Н.В.	– д-р. техн. наук, проф.	Лепа Р.Н.	– д-р. экон. наук, проф.
Барышева Е.И.	– канд. психол. наук, доц.	Логиновский С.С.	– д-р. филос. наук, доц.
Беспалова Т.В.	– канд. полит. наук, д-р. филос. наук, доц.	Максименко Е.Г.	– д-р. психол. наук
Бредихин А.В.	– д-р. ист. наук, проф.	Михайловская О.Г.	– канд. полит. наук, доц.
Васюк А.Г.	– канд. психол. наук, доц.	Моргиков В.В.	– д-р. экон. наук, проф.
Вербенко И.А.	– д-р. физ.-мат. наук	Муртузалиев С.И.	– д-р. ист. наук, проф.
Горбенко Е.Е.	– канд. физ.-мат. наук, доц.	Поцелуев С.П.	– д-р. полит. наук, доц.
Даренский В.Ю.	– д-р. филос. наук, доц.	Проскурина Е.А.	– д-р. полит. наук, проф.
Дрозд Г.Я.	– д-р. техн. наук, проф.	Резниченко Л.А.	– д-р. физ.-мат. наук, проф.
Дымарский Я.М.	– д-р. физ.-мат. наук, проф.	Сильчева А.Г.	– канд. физ.-мат. наук, доц.
Ерхов Г.П.	– д-р. ист. наук, проф.	Скороход Н.Н.	– канд. экон. наук, доц.
Заика И.П.	– канд. экон. наук, доц.	Татаренко Т.М.	– д-р. полит. наук, проф.
Звонок Н.С.	– д-р. филос. наук	Чубова И.И.	– канд. психол. наук
Кагермазова Л.Ц.	– д-р. психол. наук	Швыров В.В.	– канд. физ.-мат. наук, доц.
Капустин Д.А.	– канд. техн. наук, доц.	Шевченко М.Н.	– д-р. экон. наук, проф.
Киреева Е.И.	– канд. техн. наук	Шелюто В.М.	– д-р. филос. наук
Карпов В.В.	– канд. техн. наук, доц.	Шепко Л.Г.	– д-р. ист. наук, проф.

В38 **Вестник Луганского государственного педагогического университета :**
сб. науч. тр. / гл. ред. Л.А. Черных; вып. ред. Г.Г. Калинина; ред. сер.
С.В. Темникова. – Луганск : Книта, 2021. – № 4(69): Серия 5. Гуманитарные
науки. Технические науки. – 120 с.

Настоящий сборник содержит оригинальные материалы ученых различных отраслей наук и групп специальностей, а также результаты исследований научных учреждений и учебных заведений, обладающие научной новизной, представляющие собой результаты проводимых или завершенных изучений теоретического или научно-практического характера.

Адресуется ученым-исследователям, докторантам, аспирантам, соискателям, педагогическим работникам, студентам и всем, интересующимся проблемами гуманитарных и технических наук.

Издание включено в РИНЦ

Печатается по решению Ученого совета Луганского государственного педагогического университета (протокол № 6 от 28.01.2022 г.)

УДК 08.378.4(477.61)ЛГПУ:[3+62(062.552)]
ББК 95.4я43+60я5+3я5

© Коллектив авторов, 2021
© ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Философские науки

- Даренский В.Ю.** Эвристичность концепции протоформ мышления 5
Даренская В.Н. Актуализации традиции в ситуации кризиса
Постмодерна как проблема социальной философии.....13
Кривуля Р.Е. Культурные основы нравственного развития личности в
философии А.С. Панарина.....22

Исторические науки и археология

- Дибас О.А., Ковшарь М.К.** Подходы к теоретическому
определению места и роли посредничества как фактора разрешения
политических конфликтов.....29
Ищенко В.В. Англо-испанские отношения и политика Англии в
Леванте в первой половине XVII века.....36
Милокост Л.С., Мохамед Али Санаа Омер Абдель Баги Проблема
мультикультуральности в Великобритании в XXI веке.....44

Политология

- Муртузалиев С.И.** Актуальность изучения проблем горных
территорий.....49
Делянченко В.Н. Терроризм как фактор политического насилия...57

Психологические науки

- Барышева Е.И.** Переживание тревожности молодыми людьми:
особенности и условия возникновения.....65

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Физико-математические науки

- Темникова С.В.** Некоторые параметры изотермической
кристаллизации пентапласта из расплава и закалённого состояния...73
Швыров В.В., Сентяй Р.Н. Использование латентно-семантического
анализа в задачах автоматизации распределения учебной
нагрузки.....79

Технические науки

- Капустин Д.А., Гавриленко П.Н.** Повышение эффективности работы форсунок совершенствованием их проточной части.....85
- Корнеева А.Н., Калайдо А.В.** Ключевые аспекты в организации работы по охране труда в педагогическом университете.....92
- Сидельникова О.П., Кружилин В.В.** Анализ обеспечения безопасности в строительстве.....98

Экономические науки

- Куделя Л.В.** Сущность и основные составляющие организационно-экономического механизма управления экономической безопасностью сельскохозяйственных предприятий.....102

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ111

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ113

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Философские науки

УДК 101.1 : 316.33

Даренская Вера Николаевна,
канд. филос. наук, доцент,
и.о. зав. кафедрой философии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»

Актуализации традиции в ситуации кризиса Постмодерна как проблема социальной философии

В статье рассмотрена актуализация традиционной культуры в условиях кризиса Постмодерна как специфический предмет исследования социальной философии. Современное общество, возникшее как преодоление традиционного, обнаружило такие внутренние противоречия, которые приводят его к саморазрушению. Показано, что в современных условиях возможно сохранение и воспроизведение тех главных элементов традиционной культуры, которые могут обеспечить необходимый уровень духовно-нравственного развития и социальных качеств людей.

Ключевые слова: традиционная культура, философия культуры, личность, ценности.

Традиционная культура является весьма специфическим предметом для исследования в социальной философии, поскольку современная мысль в основном была сформирована философией Нового и Новейшего времени, в которой традиционная культура воспринималась как некий «пережиток», требующий своего скорейшего преодоления. Однако современные реалии заставляют посмотреть на традиционную культуру иначе. Современное общество, возникшее как преодоление общества традиционного, обнаружило такие внутренние противоречия, которые приводят его к саморазрушению. В первую очередь, саморазрушительной оказалась та модель «независимого индивида», на которой оно изначально построено. Оказалось, что развитие человека по этой модели имеет свои имманентные пределы, в первую очередь, в сфере элементарного выживания социума. Данная модель развития человека, возникшая в Новое время, приходит к логическому завершению в современном феномене «вымирающего общества», которое уже физически не воспроизводится вследствие разрушения семьи.

Целью данной статьи является исследование вопроса о том, каким образом возможно в современных условиях сохранение и воспроизведение тех главных элементов традиционной культуры, которые могут обеспечить тот уровень духовно-нравственного развития и социальных качеств людей, который необходим для воспроизводства института семьи.

Данная проблема в настоящее время стала предметом исследования ряда авторов. Например, З.А. Будаева отмечает: «В условиях глобализации содержательные принципы и ценностные ориентиры традиционной культуры способны стать своеобразным фильтром и даже барьером на пути стремительно развивающихся негативных тенденций глобализации, а также претерпеть существенные изменения под ее влиянием. На сегодняшний день этот процесс аккультурации допускает несколько путей развития, таких как ассимиляция, интеграция, сегрегация или сепарация, а также маргинализация» [2, с. 229]. Также акцентируется внимание на том, что традиционная культура в современных условиях не тождественна, как это считалось ранее, формам народной культуры, но может существовать и в новых формах при сохранении своего ценностного содержания [1].

Модель «независимого индивида» изначально охватывает только сферу частной жизни, а в сфере социальных отношений «независимость» всегда является очень относительной и даже вообще сомнительной – ведь в истории наблюдается только смена одних видов зависимости другими, и вопрос о том, когда было «независимости» больше – в традиционном обществе или современном – остается открытым. Если в традиционном обществе жизнедеятельность человека регулировалась очень жесткими общественными правилами, которые были «прозрачны» и всем понятны, то в современном обществе его жизнедеятельность регулируется ничуть не менее жесткими и эффективными методами манипуляции (экономической, информационной и психологической), которые, как правило, людям «не видны» и непонятны. И какое регулирование жестче – открытое и явное или же скрытое и неявное – это, скорее, дело вкуса. Современный человек предпочитает последнее, поскольку он к нему привык; но если бы человека традиционной цивилизации поместили в современное общество, он бы не воспринял это как «свободу», а воспринял бы как массу непонятных ему запретов, с одной стороны, и как огромную вседозволенность – с другой. Характерным примером является история Дерсу-Узалы, для которого тот факт, что в городе воду нужно покупать, хотя ее можно набрать бесплатно, стал таким шоком, что он впал в депрессию, испугался современной цивилизации и вскоре погиб. С другой стороны, внезапное освобождение масс людей от жестких рамок традиционной цивилизации всегда приводит к появлению массы маргиналов, отрицающих всякие нормы вообще; они становятся движущей силой социального хаоса и исторических катастроф в виде революций и гражданских войн. Но даже и в том случае, когда разрушение традиционного общества проходит «гладко», оно приводит к обвальной моральной и духовной деградации общества.

Именно последний аспект и стал наиболее актуальным в наше время. «Выпадающая» из структур традиционной цивилизации, человек если и не утрачивает полностью смысл жизни и моральные устои, то они становятся неустойчивыми и зависящими от случайных жизненных обстоятельств, а не от мировоззрения человека, которое также становится неустойчивым и аморфным. Традиционное мировоззрение, основанное на исповедании определенной религии и твердых нравственных правилах, унаследованных от предков вместе с яркими жизненными образцами поведения, было очень устойчиво и

давало человеку такие опоры в жизни, которые делали его устойчивым перед любыми жизненными испытаниями. Эти опоры он свято хранил и защищал. После разрушения традиционного мировоззрения современная цивилизация пытается его заменить на мировоззрение якобы «научное», но на самом деле искусственно сконструированное из давно устаревших и мифологизированных обломков научных теорий, которые подогнаны под мировоззрение, с наукой вовсе не связанное (как правило, это антирелигиозное мировоззрение). В свою очередь, образцы поведения и моральные нормы в посттрадиционной цивилизации формируются случайными обстоятельствами и носят адаптивно-приспособленческий характер, то есть уже не имеют отношения к морали как таковой. Каким образом возможно в современных условиях сохранение и воспроизведение тех главных элементов традиционной культуры, которые могут обеспечить тот уровень духовно-нравственного развития и социальных качеств людей, который необходим для воспроизводства института семьи?

В целом «новый» человек посттрадиционной цивилизации – это, как правило, легко манипулируемый индивид с ограниченным жизненным опытом и примитивным мировоззрением, при этом, однако, мнящий себя «прогрессивным» и всезнающим. Главным практическим следствием этого является разрушение той социальной структуры, которая обеспечивала физическое воспроизводство социума – семьи. Все посттрадиционные общества – это общества вымирающие, совершенно независимо от уровня материальной жизни: общества «золотого миллиарда» вымирают с той же скоростью, как и общества «третьего мира», если последние уже стали достаточно «цивилизованными» (например, республики бывшего СССР). Разница лишь в том, что в бедных «цивилизованных» странах вымирание идет в чистом виде, поскольку не компенсируется наплывом мигрантов. Например, на Украине и в России вымирание коренного населения идет с одинаковой скоростью, но население России все равно растет за счет мигрантов, а население Украины стремительно сокращается.

Правители коллективного Запада, судя по их политике разрушения традиционной семьи и массового привлечения мигрантов, поставили своей целью радикальное сокращение коренного населения и замену его новыми пост-этническими общностями, лишенными культурных корней и поэтому легко манипулируемыми массами «потребительского общества». Русская цивилизация, наоборот, ставит своей задачей спасение коренных народов от вымирания на основе сохранения и возрождения традиционных ценностей, в первую очередь, семьи. Например, в одном из выступлений президента В.В. Путина в 2021 году прозвучал тезис о том, что современной «национальной идеей» в России является семья. Этот тезис, на первый взгляд, делает понятие национальной идеи слишком приземленным и упрощенным, однако на самом деле это не так, поскольку в данном тезисе слово «семья» имеет также и особый символический смысл и обозначает не только определенный социальный институт, но является своего рода культурным символом, обозначающим все традиционные ценности и устои жизнеспособного общества в целом. Исходя из такой базовой стратегии выживания и возрождения общества и государства, современная социальная философия должна осмыслить новую

принципиальную проблему: как возможно сочетание современного информационного высокотехнологичного социума с базовыми элементами и ценностями традиционной культуры, без которых невозможны выживание народа и жизнеспособность государства? Ответ на этот вопрос в первую очередь дает уже сама социальная практика. Она показывает, что люди, сохраняющие приверженность к традиционной культуре (семья, религиозность, трудовая этика, бытовая мораль и т.д.), оказываются и наиболее успешными в своих социальных практиках (в профессиональной, коммуникативной и др. сферах). Т.е. в современном обществе традиционные ценности делают человека жизнеспособнее, сильнее и успешнее, однако парадокс ситуации состоит в том, что само современное общество эти ценности не формирует и не поддерживает, а наоборот, разрушает. Тем самым, они должны сформироваться у человека на какой-то другой основе, т.е. на основе «параллельного» существования и в «координатах» другой, традиционной цивилизации. Эти «координаты» можно создать только в семье, поскольку в обществе, т.е. в современной информационной и образовательной среде, они почти отсутствуют.

Этим и определяется принцип «сосуществования» современной и традиционной культур и цивилизаций в современном социуме. В культуре мы имеем публичную сферу «постмодерна», т.е. всеобщего релятивизма, с одной стороны, и частную сферу личности, которая уже по своей природе такова, что не может быть релятивисткой, но выстраивается на основании личностных ценностей. А эти последние всегда тяготеют к образцам классической культуры и далее – к культуре традиционной, связанной с религиозной традицией. Тем самым, в современном социуме складывается два «слоя» культуры – личностный, тяготеющий к традиционализму; и публичный – тяготеющий к релятивизму. Ныне человек живет в обоих культурных мирах одновременно. Но есть тип человека без внутренней личностной культуры, живущий только одними внушениями социума (это и есть «человек массы»), а с другой – есть также весьма распространенный в современном обществе тип человека, замкнутого в «своем мире», то есть в мире своих личностных ценностей, часто даже противопоставленных обществу. Такой феномен возникает вследствие кризиса той культурной традиции, которая ранее обеспечивала гармонию ценностей личного и индивидуального уровней, поскольку «традиция есть некое связующее звено между культурным наследием и творчеством, осуществляющее не только преемственность культур, но и их диалог» [6, с. 56].

Однако в современной русской философии достаточно распространены и весьма пессимистические взгляды на возможность воспроизводства аутентичного традиционного смыслового «ядра» русской культуры. Например, известный автор В.А. Кутырёв в книге «Последнее целование. Человек как традиция» (2015) в параграфе «Нужна философия сопротивления» пишет: «На трудном пути человечества к расцвету и самоотрицанию (падение всегда начинается с вершины) с большей или меньшей определенностью можно усмотреть 5 этапов, 5 “де”: демифологизация, детеизация, деантропоморфизация, десубъективизация и, наконец, деантропологизация... Дойдя до пункта, с которого явственно виден обрыв пути развития традиционного человека, важно в этом признаться самим себе и искать спасительные направления

приложения усилий к самосохранению. “Возвратиться к истокам”, призывал М. Хайдеггер, первым, как никто, почувствовавший близость конца человеческой истории. Этот призыв много и с удовольствием повторяют, но главный, вытекающий отсюда вывод делать опасаются: согласившись с его правотой, надо соглашаться с необходимостью великого консервативного поворота всей идеологии и философии при условии, что она ещё хочет оставаться собственно человеческой» [5, с. 131]. Только «великий консервативный поворот всей идеологии и философии» в России сможет остановить надвигающуюся катастрофу – полное господство глобальной антикультуры, в которой, по определению этого автора, «техническое, в пределе – бессловесное мышление как бы незаметно, но довольно быстро становится господствующим, нормой, своего рода парадигмальным способом отношения к миру. Это отказ от собственно гуманитарных форм человеческого бытия, который не все готовы принимать с открытыми глазами, или, кто видит, не хотят сопротивляться ему. Отсюда технологизм современного гуманитарного сознания, даже философского, его трансформация, с одной стороны, в чистое “зомбическое мышление”, близорукий характер, а с другой, хаотизация, склонность к перверсии и самообману» [5, с. 251].

Однако такого рода диагноз и призыв уже сами по себе далеко не новы и традиционны – они были сформулированы еще 100 лет назад представителями европейского «интегрального традиционализма», в частности, в книге Юлиуса Эволя (1898–1974) «Восстание против современного мира» (1934). А в книге «Люди и руины» (1953) он писал: «Мы решительно выступаем против мифа так называемого “социального прогресса” как еще одной навязчивой и болезнетворной идеи, типичной для экономической эры в целом, поскольку ее исповедуют не только представители левых движений. В этом отношении эсхатологические марксистские воззрения совпадают с “западными” мечтами о prosperity в обоих случаях исходное мировоззрение и последствия по сути тождественны <...> утверждается концепция материалистического общества, отчуждающая человека и социальный строй ото всякого высшего порядка и высшей цели, признающая в качестве последней исключительно пользу в чисто физическом, растительном, приземленном понимании, ставшую критерием прогресса и полностью перевернувшую ценности, присущие традиционным структурам. Ведь законом, смыслом и достаточным основанием подобных структур всегда было стремление связать человека с чем-то превосходящим его, с тем, по отношению к чему экономика и материальные достаток или бедность занимают подчиненное положение. На индивидуальном уровне наиболее ценные в человеке качества, собственно и делающие его человеком, нередко пробуждаются в суровой атмосфере нужды и несправедливости, в обстановке, которая бросает человеку вызов, подвергает его духовному испытанию; однако эти качества почти неизбежно угасают, когда человеческому животному обеспечены максимально удобная, безопасная жизнь и равная доля благоденствия и счастья, пристойного стадному животному, которое остается таковым несмотря на радио, телевидение и самолеты, Голливуд и спортивные стадионы или культуру Reader’s Digest. Повторим вновь: духовные ценности и уровень человеческого совершенства никак не связаны с общественно-эконо-

мическим достатком или нуждой» [8, с. 99–100]. «Руины» – это философская метафора Ю. Эвола, обозначающая то, что осталось от мира без Традиции, в котором люди фактически утратили духовную жизнь и понятие духовной иерархии, а все их устремления ушли в одну лишь корыстную, утилитарную плоскость.

Как в свое время остроумно отметил И.Г. Гердер, «если европейская чернь гордится Просвещением, Искусством, Наукой, если толпа надменно презирает три прочие части света, так это пустое тщеславие; европеец, как безумец в рассказе, считает своими все корабли в гавани, все изобретения людей, и все только потому, что, когда он родился, все эти изобретения, все эти традиции уже существовали рядом с ним. Жалкий! Придумал ли ты что-нибудь сам? И, впитывая все эти традиции, думаешь ли ты что-либо?» [4, с. 257]. Именно последний аспект и стал наиболее актуальным в наше время.

Целенаправленная дискредитация самого понятия «традиция» происходила в идеологии, назвавшей себя Просвещением, хотя во многих отношениях это было явление, прямо противоположное подлинному Просвещению (А.С. Пушкин назвал это «полупросвещением»). Принцип предвзятого и неадекватного отношения идеологии Просвещения к традиции хорошо сформулирован М. Прасоловым: «Просвещение наделило традицию метафорами, от которых ей до сего дня приходится отрешиваться. Традицию поставили в один ряд с предрассудком, неразумностью, невежеством, мракобесием, религиозным фанатизмом, рабством, тупостью, варварством, бессознательностью, ложью, извращением, иллюзией, ненавистью, жестокостью. Традиция была объявлена врагом Разума и Природы – двух божков Просвещения, союз которых породил миф о естественном порядке. Поэтому традиция определялась как нечто неразумное и неестественное. В первом качестве она являлась как бессознательное (здесь начинается блестящая карьера бессознательного; в представлениях о традиции), неумное, не обладающее самосознанием, как ложное суждение, раболепие перед авторитетами (не перед авторитетом “Энциклопедии”, конечно же), недостаток просвещения и воспитания, а во втором качестве – как нечто извращенное, искусственное, болезненное, неживое, незаконное, созданное специально и со злым умыслом. Традиция предстает в образе внеорганической и надындивидуальной необходимости, которая мешает проявлению “естественных” качеств человека. Утверждается рационально-метафизическая противоположность традиции, разума и человеческой природы, они взаимоотчуждаются» [7, с. 27].

Но уже в ту эпоху один из деятелей Просвещения И.Г. Гердер стал рассматривать концепт традиции как один из наиболее значимых для социальной философии и определял ее в аспекте социализации человека: «Человек воспитывается только путем подражания и упражнения: прообраз переходит в отображение, лучше всего назвать этот переход преданием, или традицией» [4, с. 243]; «традиция, – писал он, – вот мать языка и начатков культуры, мать религии и священных ритуалов» [4, с. 267]; «Сама по себе традиция – это превосходное установление, без которого не может жить человеческий род; традиция заведена самой природой; однако если традиция парализует всяческую деятельность ума и в практических мероприятиях государства, и в обу-

чении, если она решительно препятствует поступательному движению человеческого разума, совершенствованию и улучшению в связи с наступлением новых условий, новых времен, то тогда традиция становится настоящим опимом для духа – и для государств, и для вероисповеданий, и для отдельных людей» [4, с. 369]. Но в целом он был убежден в том, что традиция содержит «самое необходимое для нас знание» [4, с. 286]. Гердер обращал внимание на избирательность усвоения традиции новыми поколениями, но опора на традицию создает преимущество в том, что «никто не придумывает себе свой особый разум» [4, с. 272].

Эта мысль Гердера была позже развита Г.В.Ф. Гегелем: «Обладание самосознательной разумностью, присущее нам, современному миру, не возникло сразу и не выросло лишь на почве современности, а его существенной чертой является то, что оно есть наследие и, говоря точнее, результат работы всех предшествовавших поколений человеческого рода. Подобно тому, как искусства, служащие устройству внешней жизни, масса средств и сноровок, учреждения и привычки общежития и политической жизни суть результат размышления, изобретательности, нужды и бедствий, находчивости и остроумия, стремления и свершения предшествовавшей нашей современности истории, точно так же и то, что мы представляем собою в науке и, ближе, в философии, тоже обязано своим существованием традиции, которая через все, что преходяще и что поэтому минуло, тянется, по сравнению Гердера, словно священная цепь, и она сохранила и передала нам все, что произвели предшествовавшие поколения. Но эта традиция не есть лишь домоправительница, которая верно оберегает полученное ею и, таким образом, сохраняет его для потомков и передает им его не умаленным, подобно тому, как течение природы, в вечном изменении и движении ее образов и форм, остается навсегда верным своим первоначальным законам и совсем не прогрессирует. Нет, традиция не есть неподвижная статуя: она – живая и растет подобно могучему потоку, который тем больше расширяется, чем дальше он отходит от своего истока. Содержанием этой традиции является то, что создал духовный мир, а всеобщий дух никогда не останавливается в своем движении» [3, с. 70].

В настоящее время можно обозначить два полюса, вокруг которых концентрируются обыденные представления о категориях «традиция» и «традиционная культура». На одном из них традиция представлена как нечто архаичное, косное, устаревшее, консервативное, мешающее современному развитию культуры, на другом – традиция выступает как идеал, абсолютная ценность, требующая серьезных усилий по поддержанию, восстановлению, реанимации. Для обеих позиций характерно ярко выраженное ценностное отношение к феномену традиции. В современном социуме традиционная культура не может доминировать в публичном пространстве, однако является самой важной частью личностной культуры и воспитания. Как отмечал К.Г. Юнг, «порождать рационалистов, материалистов, специалистов, техников, короче существователей, которые, не сознавая своего происхождения, погрязли в современности и содействуют расщеплению социальности, не может быть задачей воспитания» [9, с. 88]. Задачу воспитания личности в современных условиях осуществляет только традиционная культура.

Философское исследование русской культурной традиции всегда актуально в силу многих идейно-теоретических, социально-политических и моральных факторов, главными из которых являются назревшая потребность российского общества в осмыслении и восстановлении национальной духовной традиции как важнейшего фактора выживания и развития социума. Поэтому основой государственной политики России в настоящее время становится защита цивилизационного суверенитета и народосбережение на основе возрождения традиционных ценностей русской цивилизации.

Список литературы

1. **Агалавова З.Г.** Традиционная культура в контексте социально-философского анализа / З.Г. Агалавова // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2001. – № 11. – С. 183–189.
2. **Будаева З.А.** «Традиционная культура» в контексте социальной философии и культурологии / З.А. Будаева // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. – 2011/6. – С. 226–230.
3. **Гегель Г.В.Ф.** Лекции по истории философии. – Кн. 1. – СПб. : Наука, 1993. – 349 с.
4. **Гердер И.Г.** Идеи к философии истории человечества / И.Г. Гердер. – М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2013. – 760 с.
5. **Кутырёв В.А.** Последнее целование. Человек как традиция / В.А. Кутырёв. – СПб. : Алетейя, 2015. – 312 с.
6. **Праздников Г.А.** Традиция как диалог культур / Г.А. Праздников // Советская этнография. – 1981. – № 3. – С. 54–56.
7. **Прасолов М.** Традиция и личность: проблема персоналистической коммуникации традиции / М. Прасолов // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. – Вып. 1. – Воронеж : Изд. ВГУ, 2001. – С. 25–41.
8. **Эвола Ю.** Люди и руины / Ю. Эвола. – М. : Опутошитель, 2019. – 296 с.
9. **Юнг К.Г.** Один современный миф. О вещах, наблюдаемых в небе / К.Г.Юнг. – М. : Наука, 1993. – 192 с.

Darenskaya V.N.

Actualization of Tradition in a Postmodern Crisis Situation as a Problem of Social Philosophy

The article considers the actualization of traditional culture in the Postmodern crisis as a specific subject of research in social philosophy. Modern society, which emerged as a overcoming of the traditional, has discovered such internal contradictions that lead it to self-destruction. It is shown that in modern conditions it is possible to preserve and reproduce those main elements of traditional culture that can provide the necessary level of spiritual and moral development and social qualities of people.

Key words: *traditional culture, philosophy of culture, personality, values.*

Даренский Виталий Юрьевич,
д-р филос. наук, доцент,
профессор кафедры философии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПИУ»
darenskiy1972@rambler.ru

Эвристичность концепции протоформ мышления

В статье рассмотрена эвристичность концепции протоформ мышления, предложенной луганским философом Д.А. Ждановым (1929–1986). Показано, что первоначальная «праформа» мышления в своем развернутом и внутренне расчлененном виде остается исходной, фундаментальной формой сознания и мироотношения современного человека. Понимание протоформ мышления как своего рода «диалогем», непосредственно включенных в предметно-коммуникативную практику человека как его конструктивный элемент, позволяет углубить понимание конкретных «механизмов» общения не только первобытного, но и современного человека.

Ключевые слова: Д.А. Жданов, протоформа, мышление, диалогема.

Как это ни парадоксально, но «ключ» к пониманию наиболее сложных форм человеческого мышления лежит в области поиска не только этих высших и наиболее развитых форм, но и наоборот, тех первичных интегрально-нерасчлененных форм восприятия и осмысления мира, которые всегда имеются в каждом человеке – и именно они становятся основой для развития любых высших форм. Это объясняется тем, что самые сложные формы сложны именно потому, что складываясь из множества отдельных развитых элементов, они, тем не менее, сохраняют в себе эту первичную целостность. Тем самым, речь идет о первоначальной форме мышления, которую можно назвать «архаической» не только в историческом аспекте, но и в сущностном, что раскрывается в семантике древнегреческого слова αρχή – «начало», «исток», «основа». То есть речь идет о поиске и исследовании такой первоначальной формы мышления, которая всегда остается основой, фундаментом, *conditio sine qua non* человеческого мышления на всех этапах его эволюции, но самым непосредственным образом проявляется именно на его ранних этапах. Разрушение этой формы приводит и к разрушениям специализированных форм мышления более позднего происхождения. Это объясняется тем, что расщепление «цельного разума» (И. Киреевский) на отдельные элементы, противостоящие друг другу (рефлексия – интуиция, анализ – синтез и т.д.) обедняет и лишает содержания сами эти элементы.

Традиционно такие первичные формы мысли исследуются как формы мифологического мышления, а значит, можно сказать, что в подходе к названной проблеме господствует своеобразный мифоцентризм. И это понятно, ведь действительно первичное мышление происходит в форме мифа. Однако, на самом деле, в сформулированной проблеме есть особый логико-гносеологический аспект, лежащий в другой плоскости. А именно, речь идет не о мифе

как уже результате определенного образа мышления, а именно о конкретном «механизме» последнего, который и порождает миф как универсальную форму сознания. В мифоцентрическом исследовании первобытных форм сознания сложилась мощная и внутренне разнообразная традиция. Среди ее основных достижений следует отметить, прежде всего, концепцию А.Ф. Лосева о мифе как интегральной реальности, в основе которой лежит откровение («Диалектика мифа»); близкую к ней в некоторых аспектах концепцию Я.Э. Голосовкера о мифе как «имагинативном абсолюте» («Логика мифа»); герменевтико-феноменологическую концепцию К. Хюбшера о мифе как универсальной внутренней форме культуры («Истина мифа»); концепцию мифа как результата «магического мышления» Л. Леви-Брюля («Первобытное мышление»); а также доминирующий в культурологических исследованиях структурно-функциональный подход, рассматривающий миф как семиотическую систему, регулирующую жизнедеятельность людей (Б.Малиновский, К. Леви-Стросс, В. Тернер, «Тартуская школа» и др.). Благодаря этой традиции сложилась достаточно развитая система научно-философских представлений о первичной картине мира, типе мышления и принципах их анализа.

Однако специфический логико-гносеологический аспект первичного мышления, остающийся фундаментом человеческого мышления как такового и в более поздние периоды, в этой традиции специально почти не рассмотрен (интересные подходы к этой теме можно найти только у А.Ф. Лосева и К. Хюбшера). По нашему мнению, важное место в разработке этого аспекта первобытного мышления должна занять и концепция луганского философа Д.А. Жданова (1929-1986), обоснованная в его монографии «Возникновение абстрактного мышления», а также в статьях [3; 4]. Им создана интересная концепция «протоформ» мышления, которые в целом, нерасчлененном виде содержат в себе соединение его более поздних форм.

В отличие от мифоцентрического подхода, Д.А. Жданов концентрирует свое внимание на том аспекте первобытного мышления, который не отличает его от мышления современного человека, а наоборот, является общим с ним. Характерно, что Д.А. Жданов выражает весьма критичное отношение к концепции Л. Леви-Брюля именно потому, что она, по его мнению, утверждает «абсолютное отличие первобытного мышления от современного» [3, с. 28]. (Интересно это сопоставить с критикой Л. Леви-Брюля со стороны А.Ф. Лосева, который, напротив, считал его попытки отыскать нечто общее меж современным научным и «магическим» типами мышления результатом поверхностного понимания сущности мифа.) Тем самым, подход Д.А. Жданова к данной проблеме сугубо гносеологичен, поскольку он в целом разворачивается в рамках локковской дихотомии чувственного и абстрактного мышления (понятно, что хотя современная гносеология далеко отошла от этой дихотомии, последняя сохраняет свое значение как фундаментальная теоретическая абстракция «классического» типа).

Воспроизведем рассуждения Д.А. Жданова в его собственных формулировках. «Мы думаем, – писал он, – что органическое вращение формируемых элементов абстрактного в ткань воображения привело к возникновению качественно особых, переходных форм отражающей деятельности, которые в

определенном отношении уже перестали быть представлениями, но еще не стали логическими формами мышления» [3, с. 107–108]. Д.А. Жданов указывает на своих предшественников, которые уже высказывали подобное мнение, но не давали ему широкого обоснования и концептуализации. Среди философов он называет Б. Фогараша, П.В. Копнина и С.Б. Крымского, писавших о существовании исторически первичного мышления, еще не дифференцированного на отдельные формы [3, с. 109]. С другой стороны, о существовании первично-нерасчлененного типа мышления, по мнению Д.А. Жданова, свидетельствуют и данные лингвистики об особенностях речи детей в раннем возрасте и о языке примитивных племен. Он исходил из теоретического принципа, согласно которому «движение отражающего образа в голове современного человека является воспроизведением в снятом и обобщенном виде исторического развития мышления», и потому «не будет ошибкой утверждение о возможности промежуточных между представлениями и понятиями образов и в зрелом современном человеке. По крайней мере, некоторые исследования убедительно доказывают их существование» [3, с. 108–109].

Д.А. Жданов предложил называть эту первоначальную структуру мыслительных процессов «протоформой», конкретизируя содержание этого термина следующим образом. «Определенные признаки вещей и ситуаций, – пишет он, – в протоформе выходят на первый план и, хотя еще не абстрагированы от целостного образа, но внутри него уже отличаются от других признаков. Этим протоформа приближается к понятию, в котором общее уже содержит в себе обнаруженные различия: в понятии абстрагированы лишь некоторые черты вещей, которые мыслятся как таковые, хотя реально в такой изолированности они не существуют. Благодаря этому целостный чувственный образ в протоформе как бы “размывается” и его содержание теряет свою обусловленную восприятием временную и пространственную конкретность. Образ как бы отходит от действительности. Этот отход, однако, был необходим для дальнейшего развития способности к чисто мыслительной абстракции, диктуемой практическими потребностями... Таким образом, мышление на уровне протоформы все еще оперирует цельным образом, а не его расчлененными и абстрагированными друг от друга элементами. Поэтому такое мышление следует рассматривать как все еще наглядно-образное, как предельный случай последнего» [3, с. 112]. Отметим, помимо прочего, что описанным признакам протоформы очевидно соответствует специфика художественного образа, хотя последний, разумеется, имеет также и другие принципы структурирования более позднего происхождения. Более принципиальный вывод заключается в том, что протоформа на последующих этапах развития мышления приобретает функции внутреннего интегратора человеческого сознания как сочетающая и связывающая между собой разноуровневые и разнокачественные ее компоненты. А значит, что если слабое развитие или абстрактного мышления, или воображения сами по себе еще не являются угрозой для функционирования сознания, то разрушение протоформы уже представляет такую угрозу и может приводить к психическим патологиям (прежде всего, шизоидному типу). В свою очередь, протоформе как первоначальному способу мышления, отвечала и «особая речевая конструкция, которая представляла

собой единый звуковой комплекс, качественно отличающийся как от слова, так и от предложения, однако, вместе с тем, включала уже в себя функции того и другого» [3, с. 118].

Хотя племен с таким самым архаичным типом речи до настоящего времени не сохранилось, однако этот тип наглядным образом проходит каждый овладевающий языком ребенок. Как пишет об этом сам Д.А. Жданов, «все исследователи подчеркивают, что закономерен такой этап в развитии речи ребенка, когда его высказывания ограничиваются всего лишь одним словом или даже фрагментом слова, выполняющего функцию предложения... На эту закономерность формирования речи детей указывал А.А. Потебня, ее подчеркивал и К.Д. Ушинский, полагая, что “в первых словах младенца: мама, няня, дай, больно и т.д. содержатся, разумеется, для ребенка не отдельные слова, а целые предложения, выражающие уже и чувства, и желания, а в зародыше – уже и мысль”. Тонкий знаток особенностей детского языка, К.И. Чуковский очень остроумно назвал это закономерное явление “спрессованными фразами”» [3, с. 118–119]. Однако, отметим, что и в более развитых, даже очень изощренных формах речи, подобные протоформы играют огромную роль – а именно там, где происходит диалогическое взаимодействие с глубоким смысловым и личностным контекстом, прежде всего, в общении очень близких друг другу людей. Как правило, такие люди имеют целый арсенал языка для «внутреннего употребления», который непонятен и даже смешон всем остальным. Фактически наличие или отсутствие такого «языка» является одним из объективных критериев душевной близости людей. Особое значение протоформ мысли для диалогического общения мы рассмотрим далее.

Указанный Д.А. Ждановым «единый звуковой комплекс, качественно отличающийся как от слова, так и от предложения, однако, вместе с тем, включающий уже в себя функции того и другого» уже хорошо исследован в лингвистике и даже некоторыми философами. В частности, основатель «философии диалога» И. Бубер в своем главном трактате «Я и Ты» писал о языке «первобытных» народов: «Ядра их языка – слова-предложения, первичные дограмматические конструкции, из расщепления которых возникает все многообразие грамматических форм, – чаще всего выражают цельность отношения. Мы говорим: “Очень далеко”; зулус скажет вместо этого слово-предложение, которое значит: “Там, где кто-то кричит: “Мама, я потерялся!”» [1, с. 25]. Однако и на уровне «протоформы», то есть первичного «механизма» первобытного сознания, как отмечал французский культуролог Б. Же, архаическое мышление имеет своей основой «богатую и точную логику воображения, без конца повторяющийся сценарий, воспроизводя космическую ось социальности» [5, с. 143]. Конечно, такой универсальный «сценарий», моделирующий «космическую ось социальности», сам по себе не может быть лишь случайным и капризным творением человеческого воображения – поскольку только для того, чтобы просто сохраняться в качестве мировоззренческой интенции, он должен ежедневно подтверждаться и воспроизводиться целостной практикой. человеческого мироотношения во всех его актуальных измерениях (деятельностном, познавательном, созерцательном, нравственном).

В лингвистике академик И.И. Мещанинов (1883–1967), отталкиваясь от концепции Л. Леви-Брюля (1857–1939) о стадиях в развитии человеческого мышления и о дологическом первобытном мышлении, предположил, что грамматический строй языка соответствует различным стадиям мышления. Самый древний языковой строй И.И. Мещанинов определил как инкорпорирующий, когда целое предложение сливается в один комплекс-слово. В языках такого типа отдельные знаменательные корни не получают самостоятельных грамматических показателей, – соответствующие морфемы, обозначающие лицо и время, в определенном порядке включаются в общее слово-предложение. Инкорпорирующий строй, согласно И.И. Мещанинову, соответствует дологической стадии мышления, на которой еще не происходит дифференциации понятий. Следующая стадия развития языка – аффективная; в ее рамках подлежащее оформляется не как субъект действия, а как претерпевающий какое-либо ощущение или состояние: «подлежащее в эргативной конструкции становится зависимым членом предложения, управляемым содержанием выступающих в нем субъекта действия и субъекта состояния» [9, с. 219]. Эта стадия связана с первичным различием субъекта и предиката, предмета и события. Затем следует possessивная стадия, на которой действие рассматривается как принадлежность субъекта (условно говоря, вместо конструкции я делаю – мое делание). Эта стадия связана с первичным освоением мира, когда сознание познающего воспринимает мир как результат овладения им. Эргативная стадия соответствует представлению о том, что сам человек – это часть Универсума и орудие в руках высших сил (так как эргативный падеж многими исследователями в ту пору считался орудийным), и номинативная конструкция предложения соответствует стадии логического мышления, четко разделяющего субъект и объект.

В свою очередь, А.Ф.Лосев (1893–1988), опираясь на построения И.И. Мещанинова, попытался построить типологию развития человеческой мысли, объяснить переход от разных типов мифологического мышления к логическому. «Прономинальный строй, – писал А.Ф.Лосев, – взятый в чистом виде, все еще не знает разделения частей речи. Но, несмотря на это, языки, лишенные разделения частей речи, вдруг почему-то начинают вводить лично-местоименные показатели в свои глаголы-имена и тем самым приближать эти слова к глаголам... Прономинальный и possessивный строй выдвигают новую категорию в языке, или, вернее, две новые категории – субстанцию и принадлежность ей свойств. Субъект предложения и суждения указывает здесь уже не просто на факт вещи и потому определяется уже не просто своим местом в предложении и суждении, но он обладает показателями его субстанциальности и показателями принадлежности ему свойств, к нему относящихся. Но эти две категории получают тут же и свое, вполне понятное и тоже весьма естественное углубление, становясь показателями индивидуума, личности. Индивидуум – это все та же самая субстанция, т.е. “подставка” для известного рода свойств, но только подставка специфическая» [8, с. 388–389]. Такovy стадии развития языка, в целом соответствующие стадиям развития мышления.

Даже краткий обзор концепции протоформы подтверждает правоту надежды Д.А. Жданова, что «гипотеза о протоформах мышления требует, ко-

нечно, дальнейшего обоснования и развития» [3, с. 119]. Это развитие возможно, во-первых, в направлении конкретизации общего понимания интегративной функции протоформы в человеческом сознании, а отсюда, во-вторых, и ее ключевой роли в глубинно-диалогическом общении людей. Известный исследователь архаического мышления Ф. Кликс справедливо считает спонтанную символизацию определенных социальных и природных явлений тем первобытным «механизмом», на основе которого далее формируется речь и способность к рефлексии [7, с. 143]. В свою очередь, символизация возникает только в процессе знакового взаимодействия нескольких индивидов как результат спонтанного связывания ключевых, эмоционально нагруженных предметных смыслов, являющихся уже базовыми обобщениями нашего опыта, с отдельными образами и явлениями материального мира. Это первичная форма диалогических процессов, в которых непосредственно производится речь и другие культурные формы смыслообразования. В свою очередь, интериоризация символических структур образует внутренние смысловые модели, такие первоначальные «схемы» сознания, которые становятся порождающими языковыми «механизмами» любых конкретно-ситуативных смыслообразований в процессах общения и деятельности. Как писал известный лингвист М.И. Жинкин, «поскольку сама внутренняя речь является не высказыванием, а его регулятором, то следует полагать, что она может быть схематичной... внутренний язык можно представить как сжатый отрезок текста, на который рассчитан внешний язык. Человек не сможет сказать ничего, если не опередит заранее состав произносимых единиц, поскольку уже начало говорения диктует длину динамики начатой формы – именно с помощью его внутренней сжатой схемы» [6, с. 143]. Более того, «внутреннее звено речи богаче и полнее, чем внешнее» [6, с. 150]. Все это означает лишь тот простой факт, что внутренние символические «схемы» сознания всегда являются «избыточными» относительно «внешних» конкретно-языковых средств своего выражения ситуативных смысловых образований, возникающих в процессе реальной коммуникации, сохраняют в себе еще не исчерпанный смыслообразовательный потенциал, в котором аккумулирован предыдущий опыт.

Однако какой именно уровень сознания способен аккумулировать этот «избыточный», еще не актуализированный опыт? Мышление, по Л. Витгенштайну, предусматривает «порядок априорный, т.е. порядок возможностей, который должен быть общим для мира и мышления. Но кажется, что этот порядок должен быть крайне прост. Предваряя всякий опыт, он должен всецело пронизывать его; сам же он не может быть подвластен смутности или неопределенности опыта. – Напротив, он должен состоять из чистейшего кристалла. Но кристалла, явленного не в абстракции, а как нечто весьма конкретное, даже самое конкретное, как бы наиболее незыблемое (Harteste) из всего существующего» [2, с. 124]. Это именно модель Универсума, но явленная в его конкретно-образных, деятельностных формах, которые обобщаются символическим образом. Отметим, что понятие «Универсум» в наше время само по себе приобретает большую эвристичность вследствие проблематизации этого первичного мироощущения, который был теоретически зафиксирован в концепции «протоформы». Человеку нашего времени, действительно, трудно

понять, что для его не столь уж далеких предков Универсум был не мировоззренческой абстракцией, познание которой требовало специальных усилий, но наоборот, исходной интенцией мировосприятия и рефлексии.

Непосредственным проявлением «универсумного» мышления является живой диалог, поскольку в нем всегда присутствует мировоззренческий смысловой горизонт. Поэтому все элементы диалогической речи – отдельные слова, словосочетания, интонации и даже отдельные звуки, несущие свой смысл – образуются именно по законам протоформы, поскольку каждый из этих элементов сам по себе может означать не только целое предложение или сложное высказывание, но даже и символизировать собой целый жизненный сюжет. В целом «диалог, – отмечал Н.И. Жинкин, – можно рассматривать как бинарное и потому системное подкрепление динамики изменения эмоциональных значений. Но такой эмоциональный диалог не находит предметного развития. Это вариант первоначальной формы человеческого языка» [6, с. 138]. Следовательно, эта первичная форма остается в основании любого более сложного типа диалогических процессов. Позднее усложнение типов и форм диалога обусловлено наращиванием тезауруса символических структур актуальной культуры, опосредующих конкретные диалогические ситуации конкретных индивидов. Функция символа, в отличие от простого знака, заключается не только в закреплении общих смыслов в форме их общих предметных «шифров», но и в способности порождать, пробуждать в сознании человека состояния и соответствующие им смысловые образования, которые в принципе не могут возникнуть каким-либо «естественным» образом, только как результат деятельности или созерцания, не опосредованных соответствующими культурными «шифрами» смыслов. Символ является первоначальной объективацией универсальных смыслов человеческого бытия, обеспечивающих социальное взаимопонимание.

Вследствие этого диалог всегда остается реликтом мифомышления. «Диалог, – отмечает М.Ю. Савельева, – по форме остается хранителем мифического опыта познания. Это видно в характере цели, которая выступает формой диалога: в противовес развитию отчужденного отношения “человек – мир” и осознанию этой отчужденности, диалог неизбежно формирует представление о возможности снятия отчуждения, человеческого присвоения мира, которые способны реализоваться при условии сохранения мифических представлений о человеке как Я и мире как Ты... Диалог как феномен направлен на решение парадокса основания, то есть на преодоление противоположности мифа и рациональности и на восстановление непротиворечивости бытия» [10, с. 205].

Для проблемы сущности диалогического мышления особое значение приобретает рассмотренная ждановская концепция протоформ мышления, являющаяся логической интерпретацией предыдущих лингвистических и культурологических исследований. Понимание протоформ мышления как своего рода «диалогом», непосредственно включенных в предметно-коммуникативную практику первобытного человека как его конструктивный элемент позволяет углубить понимание конкретных «механизмов» общения не только первобытного, но и современного человека. Ведь, как уже отмечалось, первоначальная «праформа» мышления в своем развернутом и внутренне рас-

члененном виде остается исходной, фундаментальной формой сознания и мироотношения современного человека. Хотя остается вне рассмотрения вопрос о способах дальнейшего дифференцирования отдельных словесно-семиотических форм диалога и общения, но в рамках названной проблемы можно сделать следующие выводы. Исходной праформой смыслового взаимодействия людей (как вербального, так и невербального) является особое ментально-языковое формообразование, которое в нерасчлененном виде включает в себя различные функции многих более поздних специфицированных форм общения. Такой праформой является диалогема, представляющая собой целостную структуру, в которой символически и нерасчлененно свернуты, с одной стороны, ситуативные смыслы коммуникативно-деятельностной ситуации, а с другой, первобытные, архетипические смыслы и диспозиции мирочеловеческой целостности. Взаимодействие диалогом обусловлено индивидуальными жизнедеятельными ситуациями и габитусными предпочтениями людей, входящих в общение, а позже и взаимодействием мировоззренческих ориентаций. Диалогемная протоструктура коммуникативных процессов позволяет понять эмпирически имеющуюся возможность спонтанно-творческих переходов от одного символически личностного типа смысложизненных диспозиций к другому, что и оказывается глубинной логической основой мировоззренческих и личностных трансформаций.

Список литературы

1. Бубер М. Два образа веры / М. Бубер. – М. : Республика, 1995. – 464 с.
2. Витгенштейн Л. Философские работы. – Ч. I. / Л. Витгенштейн; пер. с нем. – М. : Гнозис, 1994. – 612 с.
3. Жданов Д.А. Возникновение абстрактного мышления / Д.А. Жданов. – Х. : Изд. ХГУ, 1969. – 175 с.
4. Жданов Д.А. Проблемы генезиса логических форм / Д.А. Жданов // Вопросы философии. – 1963. – № 10. – С. 51–62.
5. Же Б. Космогония и воображаемое. Разбор четырех сказок А.С.Пушкина / Б. Же // Разум и культура. Труды международного франко-советского коллоквиума. – М. : Изд. МГУ, 1983. – С. 131–135.
6. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации / Н.И. Жинкин. – М. : Наука, 1982. – 158 с.
7. Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. История развития человеческого интеллекта / Ф. Кликс. – 2-е изд. – К. : Вища школа, 1986. – 302 с.
8. Лосев А.Ф. О пропозициональных функциях древнейших лексических структур / А.Ф. Лосев // Знак. Символ. Миф. – М. : Изд. МГУ, 1982. – 480 с.
9. Мещанинов И.И. Эргативная конструкция в языках различных типов / И.И. Мещанинов. – Л. : Наука, 1967. – 248 с.
10. Савельева М.Ю. Діалог: співвідношення міфічного та раціонального / М.Ю. Савельєва // Діалог sub specie ethicae. – К. : ПАРАПАН, 2011. – С. 185–207.

Heuristics of the concept of proto-forms of thinking

The article considers the heuristic nature of the concept of proto-forms of thinking proposed by the Lugansk philosopher D.A. Zhdanov (1929-1986). It is shown that the original "proto-form" of thinking in its expanded and internally dissected form remains the original, fundamental form of consciousness and worldview of modern man. Understanding proto-forms of thinking as a kind of dialogue, directly included in the subject-communicative practice of a person as its constructive element allows us to deepen the understanding of specific "mechanisms" of communication not only primitive, but also modern man.

Key words: *D.A. Zhdanov, protoform, thinking, dialogeme.*

УДК 92.9 Панарин:17.022.1

Кривуля Роман Евгеньевич,
ст. преподаватель кафедры
профессионального мастерства, дизайна имиджа
и стиля ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
ya.suitepc@yandex.ru

Культурные основы нравственного развития личности в философии А.С. Панарина

В статье рассматривается сложная политическая ситуация формирования культурных основ нравственного развития личности, проанализированы основные западные стратегии разрушения Русского мира, по средствам влияния на главный культурно-формирующий сегмент – образование, через призму философии Александра Сергеевича Панарина. Так же проанализированы основные направления и законопроекты Российской Федерации по защите своей культуры, своей идентичности.

Ключевые слова: культура, нравственность, либерализм, Россия, фальсификация, гражданин, государство.

В современной философии и культурологии достаточно распространенным является представление о культуре как особой сфере актуализации и реализации нравственных поведенческих программ в социальном обществе, которые образуют сложные структурные соединения и слагаются в особую смысловую реальность. Культура и нравственность неразделимы. Если в обществе деградирует нравственность, деградирует и его культура, если аннигилируется культура, происходит падение нравственности (современным примером служит либеральное падение западной культуры и, следовательно, нравственности).

Для Российского государства, как гаранта культурно-нравственного развития общества «Русского мира», в который также входят республики Донбасса, формирование культурных основ нравственного развития личности должно стоять на первом месте. Ведь «Русскость», «русский патриотизм» в отличии от либерального «россианизма» ельцинской модели – это когда Россию любят как страну и нацию и видят в ней свое племя не в качестве повода для национализма, а в качестве члена единой коалиции племен, члена семьи [2, с. 142]. К сожалению, до настоящего времени государственный аппарат не в полной мере реализовал данную стратегию развития общества. Эта проблема до сих пор связана с либеральными взглядами части государственного аппарата, которые придерживаются западной модели развития общества, в которой преобладает выдвижение на первый план у гражданина своего частнообщественного интереса, что для него является апогеем индивидуального развития, а для государства – удобной формой управления каждым отдельным членом общества.

А.С. Панарин был для научного мира не только философом и политологом, но и идейным вдохновителем поиска путей в будущее. А для своих

студентов он навсегда останется «учителем». Как о нем писал В.Н. Расторгуев: «Новые поколения студентов считают его своим учителем, хотя им не посчастливилось слышать его речь, участвовать в той дискуссии, которую он вел постоянно, помогая закрепощенным раскрепоститься, избавиться от страха, знакомого каждому, кто идет в обучение профессии. Он умел раскрыть в каждом человеке дар, данный тому свыше. Раскрыть – в простом общении, в доброжелательном диалоге» [5, с. 13]. Его взгляды на развитие нравственности, особенно в Русском мире, можно рассматривать с точки зрения культурных основ формирования нового социума. Как писал А.С. Панарин, «социальный человек современной либеральной выучки – это всецело «человек текста», боящийся оступиться, выйти в открытый природный космос, войти в контакт с первоэлементами мира» [5, с. 158].

Поэтому мы можем сказать, что, к сожалению, пострадал, в первую очередь, главный институт формирования культурных основ государства и нравственности – образование. В частности, опираясь на модели либеральной педагогики, общее и среднее образование (9–11 класс), на сегодняшний день, в большей мере акцентировано на подготовку учащихся к сдаче государственной итоговой аттестации, а не на развитие обучающегося как личности. Характерно высказывание кандидата политических наук, научного руководителя факультета социальных наук и массовых коммуникаций финансового университета при правительстве Российской Федерации С.Ю. Белаконева, которое звучит так: «При обсуждении с государственным аппаратом системы формирования компетенций и ценностей в российских вузах была озвучена проблема ЕГЭ, которая заключается в том, что идеологическая работа и работа с ценностями, особенно в старших классах, хромает и страдает от того, что в 9, 10, 11 классах школьники ориентированы, прежде всего, на подготовку к ЕГЭ и подтягиванию своих компетенций. С ценностями работа провисает» [3, с. 76]. Мы считаем, что именно данное «провисание в школе», как в базовой структуре формирования культурных основ нравственного развития личности, ведет к застою в культурном и нравственном развитии всего общества и это уже является не образовательной, а государственной проблемой.

В.Н. Расторгуев отмечал: «научат даже в самом лучшем университете мира, а тем более по «болонской системе», которая подменяет незаменимого учителя (моего учителя) легкозаменимым посредником между обезличенным, «отоваренным» знанием и личностным сознанием – насквозь «протезированным», почти протезированным. Конечно, этот протез пытаются сделать все более совершенным – почти живым органом. Однако подражание жизни останется имитацией, в лучшем случае – искусной, но всегда искусственной, чужеродной» [5, с.14]. Из нее надо искать и находить выход под страхом полной культурной деградации общества [4, с. 144]. Культурный патриотизм в формате геокультуры в эпоху глобализации, когда граждане любой страны мира могут, практически беспроблемно, мигрировать в силу индивидуальных желаний и потребностей, играет ключевую роль в сохранении культурной идентичности любого народа. Это свобода в перемещении привела к тому, что современное общество готово вместо самопожертвования и подвигов во имя своей Родины (патриотизм), переместиться в другое культурное пространство

для продолжения своей жизнедеятельности. Соответственно, стандартный патриотизм не несет той сакральной ценности в нравственном формировании общества, который нес в недавнем прошлом. Поэтому для сохранения культурного кода и продолжения его формирования без привязки к определенной культурной территории и возникает необходимость формировать культурный патриотизм, в рамках которого любой гражданин, не зависимо от своего местоположения, будет сознательно себя идентифицировать с культурой своих предков и чтить свое прошлое.

Либеральная педагогика, которая оказывает прямое воздействие на образование и, тем самым, на формирование и развитие нравственности будущих поколений, является одним из инструментов гибридной войны, которая активно ведется против русского мира. Как хронологический пример, мы можем привести дату: 14 июня 2021 года на саммите министров обороны НАТО в Брюсселе в одной из основных стратегических целей выдвинули главную задачу – ослабление России через поддержку деструктивных сил внутри страны. Эту западную военную стратегию четко охарактеризовал министр обороны Российской Федерации С.К. Шойгу в своем выступлении перед участниками всероссийского образовательного форума «Территория смыслов» 10 августа 2021 года: «У западных партнеров есть методы и технологии, которые враги России могут использовать эффективнее, чем оружие массового поражения и новейшие военно-технические разработки». Данную технологию министр назвал «Внутренним разложением общества страны». Как отмечают аналитики, «это разложение идет, казалось бы, незаметно, но выстраивается такая система, такие настроения, которые тяжело удержать... Главная идея этой стратегии заключается в том, что постепенно происходит внедрение в головы граждан мысли о том, что у нас, как граждан страны, нет того, чем мы могли бы гордиться... Гибель Русской нации возможна не только из-за внешней угрозы, но и вследствие внутреннего разложения, причем опасность этого выше, чем происки внешних врагов» [3, с. 77]. Это говорит о том, что либерализм и демократия, которые внешне создают ауру свободы, внутри страны выстраивают процесс порабощения, как экономических процессов государства, так и морально-нравственных, и исторических.

Вторым инструментом, который является не менее опасным, нежели процесс «Разложения общества», как говорил А.С. Панарин, «до уровня несвязанного одноклеточного состояния», выступает процесс фальсификации истории России. Эта модификация гибридной войны подразумевает информационное противоборство в условиях ментальной войны. Основное направление данной «войны» состоит в ментальной информационной агрессии запада против русского мира. Это подразумевает изменение глобальной исторической политики по средствам внедрения альтернативной интерпретации, в первую очередь, событий второй мировой, великой отечественной войны, сами названия которых уже давно вычеркнуты из образовательных программ прозападного мира.

Например, битва за Москву 1941 года стала предметом активных усилий фальсификаторов с тем, чтобы сначала вызвать сомнения, а затем найти какие-то неправильные аспекты и очернить нашу историю. Главным фальсифи-

котором среди западных историков, по мнению Виталия Витальевича Разумного, в тот период стал Безил Лиддел Гарт – английский военный историк и теоретик, который на основе информации, полученной в ходе бесед с пленными генералами, в частности, с генералом пехоты Гюнтером Блюментритом, в своей книге «Немецкие генералы рассказывают» [6] описал эти события с позиции того, что Британия сыграла ключевую роль в битве за Москву 1941 года. Основную информацию он брал у пленных генералов вермахта и на основе их мыслей и рассказов издавали хронологию исторических событий. И эту фальсификацию в западном мире никто даже не осуждал, воспринималась она за истину.

Поэтому западный мир умело ведет гибридную войну уже не одно поколение и использует наше же культурное достояние против нас самих. В этом направлении очень точный пример сформулировал Д.А. Андреев, заместитель декана по научной работе исторического факультета Московского государственного университета: «Фильм “17 мгновений весны” сыграл очень двусмысленную роль в воспитании нашего общества, потому что он дал такую волну эстетизации Третьего рейха, а там было что эстетизировать, и чего мы удивляемся, что через 15–20 лет эта эстетизация стала вылезать и в повседневной жизни и в оппозиционном движении начала 90-х годов» [3, с. 89]. Поэтому мы утверждаем, что фальсификация исторических данных приведет к тому что либеральная система изменения исторических данных в образовательном процессе будет воспринята молодым поколением на уровне истины, в силу «заучивания» материала при подготовке к ЕГЭ, когда обучающиеся не будут исследовать материал, а просто его запоминать. Это приведет к тому, что моральная идентичность Русского мира будет сведена практически к нулю, что приведет к тотальному падению нравственности, а далее и самого государства.

Спасительным знаком является то, что данная глобальная проблема была замечена высшим руководством страны и принята в оборот решения. Еще в 2009 году президент Дмитрий Анатольевич Медведев создал комиссию по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Данная комиссия подвергалась нападкам со стороны либеральной общественности, которая считала, что фальсификации не существует. Но даже под давлением либералов данная комиссия проработала 3 года, после чего была ликвидирована в 2012 году и переродилась в «Российское открытое историческое общество», которое противодействует западной фальсификации по сей день. Этнологические факты и выводы, накопленные наукой к сегодняшнему дню, позволяют создать реалистическую и чёткую картину русского народа и русской цивилизации и послужить прочной основой для устойчивой национальной самоидентификации и национального воспитания русских, разоблачения русофобских мифов и фальсификаций. Для этого требуется, с одной стороны, упорядочение и систематизация, этнологическая интерпретация достижений, с другой – доступность массовому современному читателю [3, с. 138].

На сегодняшний день данный подход Запада так же обязует «не либеральный» государственный аппарат России выстраивать так называемую

«психологическую оборону», о которой уже говорилось на военно-техническом форуме «Армия-2021». В настоящее время уже сформирована и сформулирована основная стратегия защиты в глобальной гибридной войне Запада против Русского мира. Этой стратегией является «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации», утвержденная указом президента Владимира Владимировича Путина от 2 июля 2021 года [1].

В стратегии 2021 года мы выделим наиболее «защитные» направления:

1. Задача достижения Россией идейного и морального лидерства.
2. Выделение традиционных духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, как основы нравственного развития.
3. В число стратегических национальных приоритетов включены: обеспечение информационной безопасности; противодействие активному информационному и идейно-ценностному влиянию.
4. Задача противодействия попыткам фальсификации истории, защита исторической правды, сохранение исторической памяти.

Но поскольку главным полем битвы за культурные ценности и нравственное развитие общества мы выделяем образование будущих поколений как самой пластичной в плане ментальности и культурно-нравственной идентичности, то хотелось бы отметить, что главным продвижением в решении данной проблемы является то, что о важности культурных основ в нравственном развитии личности сегодня говорят уже на высшем государственном уровне. После выступления Владимира Владимировича Путина на пленарном заседании клуба «Валдай» в 2021 году, вопрос формирования культурных основ в нравственном развитии личности стоит на повестке дня международных конференций по различным тематикам государственного развития. То есть развитие данного направления вышло на международный уровень «Русского мира». В социальном мире произошел контакт государственного аппарата и образовательной сферы.

Современная культура включает в себя усвоенные, принятые системы социальных норм, которые подкрепляются нормативными государственными документами, сигнализирующими о приверженности конкретного общества к определенной системе культурных ценностей. К сожалению, на сегодняшний день, в период глобализации на ключевом этапе человеческой эволюции, культурно-политическая агрессия, основанная на системе двойных стандартов и фальсификации не только социальных норм, а также нравственно-моральных устоев, стала «топором раздора», который разделил мировое общество на частнособственнические субъекты. Эта культурная парадигма моралистически регулирует использование эгоистичных преимуществ субъекта отношений над общей семантикой и четкими правилами взаимодействия в обществе.

Реализация данной модели ведет к тому, что процессы же глобализации, понятой как цивилизаторство, связаны с атомизацией породившего цивилизаторский подход общества, и с расщеплением идентичности отдельного человека. Не видя в мире одухотворенных, человекоподобных макроструктур, цивилизатор утрачивает и в себе полноценную духовность и гуманитарность. Обесчеловечивая макрокосм, он лишает души и микрокосма [5, с. 293].

В таком формате разрозненного развития общества главным объединяющим фактором становится культура, которая в большей степени, в современных реалиях, на всех субъектов общества может повлиять через культурный патриотизм.

А.С. Панарин является теоретиком культурного патриотизма, который подразумевает осознанное понимание гражданином важности сохранения не только исторической памяти, но и культурных основ, ценностей и традиции идентичности своей нации, что приведет к тому, что исследовательский компонент развития личности, подавленный за последние годы «заучиванием» в школьном периоде, будет компенсироваться, на данный момент в высшей школе, а через некоторое время станет противовесом тормоза нравственного развития молодежи, что позволит свести на нет все действия западных фальсификаторов.

Именно «Русская идея» как нравственная категория определяет сохранение культурно-нравственной идентичности россиян. Идентичность позволяет создать благоприятные условия для формирования нравственных компетенций гражданина, которые базируются на справедливости, честности позволяют выстроить взаимозависимость с социальной гармонией и ролью культурной социализации в обществе. Возможные последствия, при сформированных нравственных компетенциях у большей части россиян, очень разнообразны. На уровне индивида уже сегодня наблюдается склонность к переменам в собственной идентичности с государством. Она проявляется главным образом в сознательной социально-общественной ответственности большей части граждан Российской Федерации.

Поэтому по своей сути «Русская идея» это образ России будущего, который включает в себя специфические черты русской культуры, нравственный облик русской нации, смысл русской истории и, как правило, уникальную миссию России во всеобщей истории человечества. Ведь в отличие от прозападного вектора отношения к истории, который заключается в искажении прошлого под удобные реалии настоящего, в России отношение к истории строится с позиции сохранения. Даже новое веяние толерантности среди населения планеты, основанной на либерализме и вышедшей из под контроля, которое заставляет на политическом уровне переписывать историю и искажать факты, Россия выступает как некий «Ковчег истории», где даже под внешним давлением сохраняют историю в ее настоящей интерпретации. Но история – не постоянная величина и зачастую напрямую зависит от правящей элиты, которая юридическим путем может изменить ее под выгодный этой элите курс.

Таким образом, возникает вопрос: на основании чего выстраивать процесс нравственного становления личности так, чтобы этот процесс был стабилен в любой политической ситуации? Ответом является культура. Культура, которая выступает тем ценностным мериллом, благодаря которому человек отождествляет себя с конкретной нацией, государством. Да, культура тоже не стабильна, на нее могут влиять политические институты, ее могут попросту уничтожить, но даже в самые темные времена истории культура всегда выживала. Благодаря ей мы многое знаем даже про древние народы, которые были полностью

уничтожены. Да, историки на ее основе строят гипотезы и предположения, но все они базируются именно на изучаемой культуре. Если смотреть еще глубже в вопросе нравственного становления личности, то становится понятным, что это не физический процесс, ему нельзя научить, его можно только прочувствовать. И именно чувство, которое в дальнейшем становится сутью и мерилем человека, произрастает из его взаимодействия с культурой.

Резюмируя вышесказанное, хочется отметить главное: все попытки «либеральной педагогики» проникнуть в Русский мир и уничтожить культурный код, на сегодняшний день уже не имеют большого эффекта, главным показателем в этом вопросе является объявление в России 2022 года – годом народного искусства. Поддержка государством данного направления даст возможность не только укрепить культурному коду Русского мира, но и, надеюсь, создаст культурное понимание общества своей значимости в этом процессе, что приведет к повышенному интересу со стороны граждан к вопросу нравственного развития своего и будущего поколений.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»
2. Аверьянов В.В. Стратегия Русской Доктрины. Через диктатуру к государству правды (Серия «Служить России») / В.В. Аверьянов. – М. : Книжный мир, 2014. – 512 с.
3. Аверьянов В.В. Доктрина Русского мира («Коллекция Изборского клуба») / В. Аверьянов, А. Проханов, А. Дугин, А. Кобяков, О. Платонов. – М. : Изборский клуб ; Книжный мир, 2016. – 640 с.
4. Бестужев-Лада И.В. Россия накануне XXI века. 1904–2004. От колосса к коллапсу и обратно / И.В. Бестужев-Лада. – М. : Российское педагогическое агентство, 1997. – 230 с.
5. Панарин А.С. Православная цивилизация / А.С. Панарин; сост., предисл. В.Н. Расторгуев; отв. ред. О.А. Платонов. – М. : Институт русской цивилизации, 2014. – 1248 с.
6. Liddell Hart В.Н. The German Generals Talk / В.Н. Liddell Hart.– NY: Quill, 1948; UK: Endeavour Press Ltd, 2014.– 188 p.

Krivulya R.E.

Cultural foundations of moral development of personality in the philosophy of A. S. Panarin

The article examines the complex political situation of the formation of the cultural foundations of the moral development of the individual, analyzes the main Western strategies for the destruction of the Russian world, by means of influencing the main culture-forming segment – education, through the prism of the prophetic philosophy of Alexander Sergeevich Panarin. Also analyzed are the main directions and bills of the Russian Federation to protect their culture, their identity.

Key words: culture, morality, liberalism, Russia, falsification, citizen, state.

Исторические науки и археология

УДК 323.1 (410) «20»

Дибас Оксана Андреевна,

канд. ист. наук, доцент,
доцент кафедры всемирной истории и
международных отношений
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
oksana-dibasa@rambler.ru

Ковшарь Мария Константиновна,

аспирант кафедры всемирной истории
и международных отношений
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»,
masha.kovshar@yandex.ru

Подходы к теоретическому определению места и роли посредничества как фактора разрешения политических конфликтов

В статье рассматриваются основные научные концепции и подходы к определению значения и роли посредничества как фактора разрешения политических конфликтов. Особое внимание уделено анализу современных отечественных и зарубежных научных подходов в изучении этого вопроса. Проанализированы виды и стратегии посредничества, используемые для урегулирования политических конфликтов.

Ключевые слова: конфликт, посредничество, урегулирование, типология, концепция.

Одной из особенностей современного состояния системы международных отношений является рост на локальном, региональном и даже международном уровне определенной политической, социальной и этноконфессиональной напряженности, которая при определенных условиях допускает возможность развития эскалации ситуации, вплоть до развития внешне- и внутреннеполитических конфликтов. В этом ключе крайне важным является изучение методов и форм деэскалации подобных конфликтов. С учетом того, что одним из наиболее популярных методов мирного урегулирования является посредничество, то рассмотрение теоретической основы этого вопроса представляется крайне актуальным.

Цель исследования состоит в разработке универсального аналитического материала, который систематизирует существующие научные концепции и подходы к проблеме посредничества, что в дальнейшем может быть использовано для проведения конкретных исследований исторических примеров.

Новизна исследования состоит в систематизации и анализе различных зарубежных и отечественных теоретических подходов, в которых нашла от-

ражение проблема места и роли посредничества в урегулировании политических конфликтов.

Прежде, чем рассмотреть основные теоретические подходы к определению места и роли посредничества в урегулировании политических конфликтов, необходимо дать определение самого термина «посредничество».

Институт посредничества – это закрепленный на международно-правовом уровне инструмент мирного разрешения конфликтов. Положение о посредничестве включено в Гаагскую конвенцию о мирном разрешении споров 1907 года, также входит в перечень предлагаемых средств мирного разрешения споров, указанных в Уставе ООН и Манильской декларации о мирном разрешении международных споров от 1982 года. Примечательно, что ни в одном из вышеупомянутых международно-правовых актов не приводится определения посредничества, рассматривая его, как нечто само собой разумеющееся.

«Дипломатический словарь», под общей редакцией министра иностранных дел СССР А.А. Громыко, определяет «посредничество» как одно из направлений дипломатической работы, суть которой сводится к активной деятельности «третьей стороны», не являющейся непосредственным участником конфликта, однако оказывающей содействие сторонам в соответствии с нормами международного права в организации и проведении переговоров с целью достижения мирного урегулирования конфликта. При этом подчеркивается, что переговоры могут быть организованы исключительно по инициативе и при наличии согласия обеих сторон. Обращаем внимание, что, в соответствии с этим определением, посредничество не может быть квалифицировано как вмешательство «третьей стороны» в конфликт [1, с. 406].

Одним из видных современных исследователей в области теории посредничества является американский социолог и конфликтолог Роналд Фишер. Он определяет «посредничество» в разрешении конфликтов как «человека или группу людей, которые оказывают воздействие на конфликтные отношения и конфликтующие стороны с определенными целями и задачами, но не являющиеся при этом непосредственными участниками конфликта» [7, с. 228–229]. Такой подход рассматривает посредничество в наиболее общем виде, не конкретизируя ни субъект, ни объект, особенности деятельности.

Пожалуй, ведущий отечественный исследователь в сфере урегулирования конфликтов, доктор политических наук М.М. Лебедева отмечает, что «посредничество» и «оказание добрых услуг» – это весьма близкие термины, которые зачастую приравниваются. Однако, «посредничество» подразумевает все же более существенное участие третьей стороны, которая не только оказывает содействие в организации переговорного процесса, но и способствует оптимизации поиска взаимоприемлемых подходов в решении противоречий между сторонами. Таким образом посредник – это активный участник процесса мирного урегулирования конфликта, а не простой наблюдатель [3, 63–64].

Большинство исследователей, в том числе российских, имеют схожий подход к определению посредничества, акцентируя внимания на том, что это деятельность, нацеленная на урегулирование конфликта различными методами, осуществляемая «третьей» стороной, которая, в свою очередь, должна

соответствовать ряду критериев и главное – быть активным участником мирного процесса.

Таким образом, в настоящее время посредничество нередко рассматривается в качестве наиболее общей формы постороннего воздействия на конфликт. В таком виде посредничество понимается шире, нежели одна из дипломатических процедур, реализуемая наряду с такими формами участия «третьей стороны», «оказанием добрых услуг» или челночной дипломатией. Однако в таком случае возникает, пожалуй, один из главных вопросов – насколько допустимо оставаться опосредованным и в то же время активно вовлечённым, где грань между беспристрастностью и вовлечённостью? Данный вопрос является, пожалуй, одним из главных предметов многих научных исследований последних лет. Тем более, что ряд локальных конфликтов с конца 1990-х и начала 2000-х годов дал обширный научный материал для исследования.

Кандидат социологических наук Е.Н. Соломатина [6, с. 29–31] отмечает, что сегодня сложно провести грань между вмешательством в конфликты внешних сил ради своих интересов и относительно беспристрастным вмешательством ради восстановления мира и стабильности. При этом существует мнение, что если конфликтные ситуации возникают вне поля геополитических интересов великих держав, международная деятельность по урегулированию конфликта сводится к имитации активности без применения значимых усилий.

Рассматривая проблематику внешнеполитического сотрудничества в конфликте, М.А. Хрусталева указывала, что предпосылкой такового является «наличие некоторого массива общих интересов. В противном случае, кооперативное взаимодействие носит единичный спорадический характер и не представляет собой процесса в строгом смысле этого слова» [8, с. 56].

Р. Фишер в одном из своих исследований приходит к выводу о том, что многие посредники включаются в процесс урегулирования исключительно для того, чтобы «протолкнуть свои односторонние интересы, не намереваясь идти на компромисс или искать совместное решение, а порой и для того, чтобы оттянуть время для консолидации сил для альтернативных стратегий». При этом он также отмечает, что если в конфликте определенную пользу могут принести пристрастные посредники со своими политическими целями и материальными интересами, это лишь расширяет возможности посредничества [9, с. 50–55].

В российских академических кругах хоть и не исключается вероятность недобросовестного посредничества, но при этом довольно распространена позиция о том, что третья сторона вмешивается в конфликт именно с целью его мирного урегулирования, а не для оказания помощи одному из участников, поскольку последнее, в зависимости от характера вмешательства, ведет к тому, что третья сторона становится прямым или косвенным участником конфликта [2, с. 425].

Так или иначе, большинство исследователей подчеркивают, что важность третьей стороны значительна в урегулировании конфликтов различного рода и масштаба. Таким образом, имеет смысл более детально рассмотреть субъектов посредничества, их типы и роль в урегулировании конфликтов.

Среди основных типов мирных вмешательств выделяют следующие [7, с. 235]:

1. Улаживание разногласий – третья сторона, пользующаяся доверием сторон конфликта, обеспечивает неформальную связь между ними. Цель этого вида вмешательства состоит в выявлении проблем, лежащих в основе конфликта, снижении уровня напряженности при налаживании прямого взаимодействия. Обычно проводится в форме переговоров.

2. Консультирование – третья сторона использует свое научно-социальное понимание причин конфликта и таким образом помогает сторонам посредством анализа найти путь решения противостояния.

3. Посредничество – третья сторона, путем переговоров помогает сторонам достичь переговоров. При этом используются такие инструменты, как навыки аргументации, убеждения, разработка альтернатив и т.д.

4. Словое посредничество – посредничество дополняется рычагами влияния и принуждения в форме обещанных наград и угроз наказания. Также третья сторона может выступать гарантом соглашения и следить за его выполнением.

5. Арбитраж – арбитр выслушивает каждую из сторон, анализирует ситуацию и налагает обязательства для каждой из сторон, которые будут честными, справедливыми и беспристрастными.

6. Поддержание мира. – третья сторона предоставляет военный контингент, который осуществляет контроль за прекращением огня и соблюдением соглашений.

7. Оказание «добрых услуг» – способ урегулирования конфликта третьими лицами, побуждающими конфликтующие стороны разрешить конфликт мирными средствами, предоставляя им условия для такого разрешения, с согласия лишь одной из сторон.

Следует отметить также и существование различных типов воздействия третьей стороной на урегулирование конфликтов. Р. Фишер выделяет силовые и не силовые методы вмешательства третьих сторон. Как основной способ не силового участия исследователь называет посредничество. Посредничество – это мирный, непринудительный и необязывающий подход к урегулированию конфликта, в котором стороны учувствуют добровольно. Таким образом, «посредничество является одним из методов целенаправленного решения проблемы, стоящей перед обеими сторонами, обычно не затрагивающей характера социальных отношений между ними» [10, с. 78–79].

Как отмечают многие исследователи, субъекты посредничества могут значительно варьироваться. Ими могут быть как государственные официальные субъекты, так и не государственные структуры или даже отдельные личности. В этом ключе удобным представляется рассмотрение и применение классификации третьих сторон в политических конфликтах, которая была предложена исследователями Даймондом и Макдональдом [5, с. 56]. В ней они выделяют три основных уровня посредничества, каждый из которых имеет своих субъектов, сферу работы и инструментарий (см. Табл. 1).

Таблица 1

Уровни и стратегии посредничества

	1-й уровень	2-й уровень	3-й уровень
Актеры	Актеры высшего политического уровня (политические и военные лидеры, официальные власти, выступающие стороной или представителем стороны конфликта)	Актеры, способные обеспечить гражданское посредничество (отдельные лица, активисты, ученые, эксперты, международные и местные НПО)	Актеры местного уровня (отдельные представители общественности, местных организаций, организаций по защите прав человека, отдельные лица, имеющие авторитет среди населения)
Стратегии	Ориентированы на результат: официальные принудительные (санкции, арбитраж, силовое давление) и не принудительные меры (фасилитация, переговоры, посредничество, миссии и добрые услуги).	Ориентированы на процесс: неофициальные и непринудительные меры фасилитации, консультирование, посредничество.	Ориентированы на процесс и/или структуры: развитие местного потенциала, работа с психическим состоянием людей, тренинги для местного населения, развитие и защита прав человека.

Среди основных мотивов для использования посредничества выделяют [5, с. 230–232]:

– «Мотив удовлетворения» – предлагает вариант решения проблемы, удовлетворяющий интересы всех сторон, в отличие от прямого противостояния;

– «Мотив социальной справедливости» – помогает сплотить людей со схожими интересами, которые становятся менее подвержены воздействию извне и могут укрепить свои позиции;

– «Мотив притеснения» – напротив, помогает одной из сторон притеснить другую;

– «Мотив трансформации» – способность трансформировать как участников конфликта, так и среду его действия.

Предлагается также выделение типов посредников по следующим принципам:

1. Посредник в социальной сети (связан со сторонами конфликта сложной паутиной взаимоотношений, поэтому у них есть некие обязательства по участию в роли посредника).

2. Влиятельный посредник (находится в формальных отношениях со сторонами, а также имеет на них определенное воздействие).

3. Независимый посредник (отдельные авторитетные люди, специалисты, эксперты).

Роль посредничества в урегулировании конфликтов может варьироваться в зависимости от того, какой метод разрешения конфликта был избран субъектами противостояния. Так, к примеру, К. Рейманн отмечает, что при «прекращении конфликта» основной задачей третьей стороны является изменение конфликта с нулевой на ненулевой, что дает возможность для создания условий заключения политического соглашения. Основные акторы в данном подходе – военные, политические, религиозные лидеры. Их стратегии включают: непринудительные меры (добрые услуги, миссии, переговоры, посредничество) и принудительные (силовое посредничество, санкции, арбитраж) [5, с. 59].

При использовании подхода «разрешения конфликтов» роль третьей стороны состоит в консультировании, которое помогает в установлении потребностей, опасений и интересов сторон и поиск подходящего решения коренных проблем конфликта. В этом случае наиболее эффективными представляются различные организации гражданского общества, ученые из различных областей, группы посредничества и дипломатии, международные НПО. То есть, все участники второго уровня – неофициального [5, с. 59–60].

При подходе «трансформации конфликтов» в процесс урегулирования вовлекаются различные стороны, в этом отношении роль дополнительного вовлечения участников, прямо не являющихся сторонами конфликта, имеет важное значение. Основная форма вовлечения третьих сторон – посредничество. Данная форма вовлечения имеет целью содействовать в налаживании диалога между игроками различных уровней [4, с. 77–79].

Таким образом, были выделены основные направления в подходах к пониманию места, роли, целей и средств воздействия посредничества; рассмотрены уровни и стратегии посредничества, типы посредничества, а также обозначены основные мотивы обращения к услугам посредничества. Все это позволило всесторонне и комплексно рассмотреть основные теоретические подходы к определению места и роли посредничества в урегулировании политических конфликтов. Проведенный анализ и обобщение теоретического материала позволяет использовать полученные данные для исследования и квалификации посредничества на конкретных исторических примерах, что, в свою очередь, в дальнейшем может быть применено для оценки процессов урегулирования политических конфликтов.

Список литературы

1. **Дипломатический** словарь. – В 3-х томах : Т. 2. / гл. ред.: А.А. Громыко, А.Г. Ковалев, П.П.Севостьянов, С.Л. Тихвинский. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1985.– 504 с.
2. **Зобин А.В.** Консультация как механизм управления международными конфликтами: сравнительный анализ концепций Р.Дж. Фишера и П.А. Гудева / А.В. Зобин // Теория и практика общественного развития. – 2013. – №11. – С. 425–428.
3. **Лебедева М.М.** Политическое урегулирование конфликтов / М.М. Лебедева. – М. : Аспект Пресс, 1999. – 271 с.

4. **Майалл Х.** Трансформация конфликтов: комплексная задача / Х. Майалл; пер. с англ. Л. Зимина, Н. Кулакова // Этнополитический конфликт: пути трансформации. – М. : Наука, 2007. – С. 76–97.
5. **Рейманн К.К.** трансформации конфликта: обзор современных теорий урегулирования конфликтов / К.К. Рейманн; пер. с англ.; ред. В. Тишков, М. Устинова // Этнополитический конфликт: пути трансформации. – М. : Наука, 2007. – С. 51–75.
6. **Соломатина Е.Н.** Концепция трансформации современных социальных конфликтов Льюиса Крисберга / Е.Н. Соломатина, Я.Д. Игнатчук // Теория и практика общественного развития. – 2016. – №7. – С. 28–32.
7. **Фишер Р.Дж.** Методы вмешательства третьих сторон / Р.Дж. Фишер; пер. с англ.; ред. В. Тишков, М. Устинова // Этнополитический конфликт: пути трансформации. – М. : Наука, 2007. – С. 227–248.
8. **Хрусталева М.А.** Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии / М.А. Хрусталева. – М. : МГИМО-НОФМО, 2008. – 208 с.
9. **Fisher R.J.** Interactive Conflict Resolution / R.J. Fisher. – Syracuse. N.Y.: Syracuse University Press, 1997. – 361 p.
10. **Fisher R.J., Uri W., Patton B.** Getting to Yes: Negotiating Agreement Without Giving In / R.J. Fisher, W. Uri, B. Patton. – N.Y.: Houghton Mifflin Harcourt, 1991. – 207 p.

**Dibas O.A.,
Kovshar M.K.**

Approaches to the theoretical definition of the place and role of mediation as a factor in resolving political conflicts

The article explores the basic scientific concepts and approaches to determining the meaning and role of mediation as a factor in resolving political conflicts. Particular attention is paid to the analysis of modern domestic and foreign scientific approaches to the study of this issue. The types and strategies of mediation used to resolve political conflicts have been analyzed.

Key words: conflict, mediation, conflict resolution, typology, concept.

УДК 94(410:460:56):327 «160/164»

Ищенко Валентина Владимировна,
канд. ист. наук, доцент кафедры
конституционного права и
историко-правовых дисциплин
ГОУ ВО ЛНР «ЛГУ имени Владимира Даля»
beauty_v78@mail.ru

Англо-испанские отношения и политика Англии в Леванте в первой половине XVII века

В статье затрагиваются вопросы развития англо-испанских и англо-турецких торговых и дипломатических отношений в период правления первых представителей династии Стюартов на английском престоле. Политика Англии в Леванте в первой половине XVII века рассматривается в контексте ее общеевропейской политики.

Ключевые слова: *английский абсолютизм, Левант, Левантийская компания, Ост-Индская компания, капитуляция.*

Смерть бездетной английской королевы Елизаветы I Тюдор привела не только к пресечению династии, но и к окончанию «золотого века» английского абсолютизма. В последующее правление первых представителей шотландской династии Стюартов в Англии сложились предпосылки буржуазной революции – это период, представляющий особый интерес для исследователей, изучающих процессы трансформации феодального общества в буржуазную формацию. Первая половина XVII века также ознаменовалась укреплением колониальных позиций Англии, которое происходило вопреки разворачиванию кризисных явлений внутри страны. В этом контексте особый интерес представляет изучение политики первых Стюартов в Восточном Средиземноморье – наиболее оживленном межконтинентальном рынке, доступ к которому Англия получила во второй половине XVI века, скрепив созданием и деятельностью Левантийской торговой компании.

В средние века и новое время Левантом называли географический регион, охватывающий Малую Азию, Сирию, Палестину, Египет, Грецию и острова Эгейского моря. В первой половине XVII века эти территории находились под властью Османской империи. Таким образом, осуществляя политику в Леванте, Англия находилась в тесном контакте с Османской империей, что в значительной мере влияло на ее общеевропейскую политику. В советской историографии политика Англии в Леванте не являлась предметом масштабных исследований. По сути, единственным значимым исследованием по истории взаимоотношений Англии и Османской империи является кандидатская диссертация Г.И. Цыпуриной и написанные ею статьи на эту и смежные темы [11]. Однако, ее работы посвящены исследованию англо-турецких отношений в период правления Генриха VIII и Елизаветы I Тюдор, а более позднего периода касаются опосредованно. Некоторым вопросам политики Стюартов в Леванте уделено внимание в работах, посвященных экономической истории

или колониальной экспансии Англии. В частности, к таким работам можно отнести научные труды В.В. Штокмар [10]. В целом же более детально отношения Англии со странами Средиземноморья проанализированы в работах зарубежных историков: М. Эпштейна, А. Вуда и Д. Колмана [4; 9; 3]. Особая ценность последних из указанных работ заключается в том, что их авторами были введены в научный оборот недоступные для нас материалы архивов Англии, в частности, протоколы английской Левантийской компании.

Левант стал занимать значительное место во внешней политике Англии еще в годы правления Елизаветы I Тюдор. Королевский двор и английское дворянство были заинтересованы в развитии торговых и политических связей в Восточном Средиземноморье, поскольку левантийская торговля во второй половине XVI века не только приносила им доходы в виде пошлин и личного участия в прибыли, но и являлась в то время практически единственным источником восточных товаров – пряностей, оружия из дамасской стали, ковров, ювелирных и парфюмерных товаров и др. Все это, разумеется, потреблялось в первую очередь дворянством. Правда, к концу XVI века товарные приоритеты сместились в сторону изюма (сырья для сахарной промышленности), шелка-сырца и хлопка, в которых нуждалось развивающееся капиталистическое производство [4, с. 41]. Ради поощрения и защиты этой торговли, приносящей баснословные доходы, в 1580 г. Англия и установила дипломатические отношения с Османской империей. Подтверждая эту мысль, отметим, что все расходы по дипломатическому представительству корона возложила на купцов Левантийской компании, а не на официальных государственных лиц [9, с. 64].

Важно отметить, что развитие отношений с Османской империей отвечало интересам английской короны и в связи с проводимой ею в конце XVI века политикой в Европе. Османская империя была непримиримым противником католической Испании. Основой конфликта была не столько религиозная рознь, сколько то, что Испания отстаивала свою монополию на морскую торговлю с Ост-Индией, а Порта владела более коротким сухопутным путем в этот регион через Левант. Значительны были и столкновения стран в Северной Африке [6, с. 110]. В свою очередь Англия при Елизавете I возглавляла антииспанский лагерь в Европе и вела длительную войну против Испании. В связи с этим Османская империя являлась естественным союзником Англии в борьбе против Испании. Не удивительно, что Порта удовлетворяла все призывы о помощи Англии в ее борьбе против Испании на море, поскольку также стремилась сохранить доходы от прежних завоеваний на фоне общего упадка Османской империи [6, с. 119].

Развитие выгодной для Османской империи торговли с Англией и активное дипломатическое сотрудничество способствовало укреплению политических позиций Англии в Леванте. К началу XVII века ей удалось потеснить позиции Венеции и Франции, которые имели здесь традиционное влияние. Этому способствовало ослабление французского влияния в Порте после заключения франко-испанского мира в 1598 г., в то время, как Англия продолжала войну с Испанией. Также общая пассивность французской внешней политики была связана с обострением внутривосточной обстановки в стране

ввиду гугенотских войн. Об успехах английской дипломатии в Леванте наиболее ярко свидетельствовало предоставленное Османской империей в 1601 г. англичанам право платить трехпроцентную пошлину за ввоз и вывоз товаров (все остальные европейцы платили пошлину в 5%) [5, с. 67].

Следует отметить, что и для Англии этого времени дипломатические отношения с Османской империей играли значительную роль во всей внешней политике Елизаветы I Тюдор. Английский посол в Стамбуле входил в число пяти постоянных послов, аккредитованных за границей, и имел в своем распоряжении обширный штат сотрудников – около 50 человек [5, с. 80]. Кроме того, консулы были аккредитованы в Египте и Сирии, а дипломатические представители более низкого ранга – в Александретте, Алеппо, Триполи, Каире, Александрии и других крупных городах-портах Леванта.

Приход к власти Якова I в 1603 г. привел к изменениям в политике Англии в Леванте, основной причиной которых стало начало деятельности английской Ост-Индской компании. Основанная в 1600 г., эта компания своими более дешевыми восточными товарами, полученными без посредников, быстро вытеснила левантийских купцов из торговли пряностями и предметами роскоши, сделав их основной статьёй своего вывоза из Индии. Купцы Ост-Индской компании отдавали предпочтение экспорту именно этих дорогостоящих товаров, поскольку их продажа в Англии в большей степени окупала транспортные расходы и обуславливала более высокую норму прибыли по сравнению с Левантийской. В целом, норма прибыли Ост-Индской компании превосходила левантийскую примерно в 3 раза [9, с. 91]. Об этом красноречиво говорит перетекание капитала из сферы левантийской торговли в сферу более прибыльной Ост-Индской: в 1599 г. в создании Ост-Индской компании приняло участие 23 левантийских купца, в 1600 г. их было уже 31, а в 1604 г. – 64 человека [9, с. 96].

Однако эта наметившаяся тенденция не означала закрытие левантийской торговли: растущая потребность английской промышленности в сырье и сбыте своих товаров способствовала сохранению английского торгового и дипломатического представительства в Восточном Средиземноморье. Так, ввоз английских тканей в Левант увеличился в первой половине XVII века с 6,8 тыс. кусков до 30 тыс. кусков. В то же время вывоз тканей в Ост-Индию не достигал и половины этого объема, хотя в денежном эквиваленте объем ост-индской торговли был значительно большим [3, с. 112].

Ввиду этого вполне понятны потеря интереса у английского дворянства к левантийской торговле и рост заинтересованности в более прибыльной ост-индской торговле. В 1609 г. в состав компании вошли видные представители феодальной знати, в том числе два казначея Англии – Роберт Солсбери и Чарльз Ноттингем. Всего же в Ост-Индской компании к концу первой четверти XVII века из 954 членов 110 были представителями дворянства [3, с. 131]. Левантийская компания не могла похвастаться таким блистательным представительством. Кроме того, Ост-Индская торговля давала значительно больший доход казне, чем левантийская – 36 тыс. ф.ст. в год против 5,5 тыс. ф.ст. соответственно [9, с. 39–40].

Потеря интереса к левантийской торговле обусловила пассивность внешней политики Англии в Леванте и ее заинтересованность в развитии диплома-

тических отношений с Османской империей. Давая инструкции английскому послу в Порте Т. Пиндару, Яков I в 1611 г. говорил: «Я не имею ничего общего с турецким султаном и отправляю к нему посла только ради защиты моих подданных, торгующих в его владениях» [1, с. 405].

Однако потеря экономической заинтересованности английской короны при первых Стюартах в развитии левантийской торговли в полной мере не объясняет причину резкого изменения политики Англии в Леванте, тем более, что эта политика становилась не просто пассивной, но и откровенно враждебной к недавнему союзнику по антииспанской борьбе.

Корни этой метаморфозы крылись в общеевропейской политике Стюартов. 18 августа 1604 г. Англия и Испания подписали мирный договор. Выступая в парламенте, Яков I отметил, что война была лишь распрей государей, и смерть Елизаветы I устранила препятствие к примирению с Испанией. За этими высокопарными словами крылась истинная причина заключения мира: война стоила колоссальных расходов казне, породивших хронический дефицит бюджета. В последние десятилетия правления Елизаветы I расходы казны составили около 4 млн. ф.ст., а доходы – менее 3 млн. Елизавета оставила после себя долг в полмиллиона ф.ст., что вынудило новое правительство принять решение о переплавке части серебра из Тауэра для чеканки монеты [11, с. 7]. Очевидно, что война, хоть и победоносная в конце концов, была разорительна, и Яков I первым делом поспешил ее закончить.

Кроме того, сближение с Испанией должно было укрепить позиции новой династии, привлечь на сторону английского короля католическое духовенство Герефорда, Уэльса и северо-восточных графств страны. Но, пожалуй, наибольшие надежды король возлагал на финансовую помощь Испании в условиях дефицита серебра, которую, по свидетельству венецианского посла в Мадриде, Англия начала получать сразу же после заключения мира. Подобная финансовая помощь оговаривалась отдельным договором от 1630 г., в котором указывалось, что треть полученного серебра англичане будут использовать для чеканки монеты [5, с. 82–83]. Отметим, что в период 1630–1640 гг. в Англии было отчеканено монеты на 7 млн. ф.ст. – в полтора раза больше, чем за все правление Елизаветы I [5, с. 92].

С надеждами на испанское серебро были связаны и провальные матриониальные планы английской короны: Яков I надеялся получить от Испании 1 млн. ф.ст. в качестве приданого и займов, а затем ежегодно получать 50 тыс. ф.ст. на содержание супруги своего сына [1, с. 294].

Накануне революции уже Карл I получил 140 тыс. ф. ст. и 8 тысяч испанских солдат для помощи английскому королю в Шотландии.

Нужно отметить, что Испания охотно шла на сближение с Англией, а ее щедрость объясняется несколькими причинами. Во-первых, примирение с Англией давало доступ к передовому для того времени английскому оружию, а во-вторых обеспечивало безопасное сообщение между Испанией и ее владениями в Нидерландах по морю. Испанские корабли получили возможность укрываться от кораблей голландцев в английских водах под защитой английских пушек, а также пользоваться английскими судами для переброски солдат во Фландрию. Наконец, сближение с Англией давало возможность

оторвать ее от протестантского лагеря в Европе. В целом происпанская политика Англии усилила католический лагерь накануне Тридцатилетней войны – Англия в ней практически не участвовала.

В результате роль лидера антииспанского лагеря перешла к Франции, в то время, как Англия, следуя условиям договора 1630 г., отказалась помогать протестантам, в частности Голландии, и даже вела переговоры с Испанией о союзе против нее. Более того, Карл I предлагал такой союз и против Франции, обещая поддержать идею создания «свободных католических штатов» при условии, что это не будет противоречить интересам Испании [10, с. 74].

Происпанская политика Стюартов определила изменение политики Англии и в Леванте. Примирение с Испанией делало ненужным дальнейшее сотрудничество с Османской империей. Более того, уже при подписании англо-испанского мира 1604 г. испанский представитель призвал объединить все христианские силы против турок, и эта идея была принята с воодушевлением многими государственными деятелями Англии, например, лордом Кэрю, Френсисом Бэконом и др. [7, с. 120].

При поддержке Испании действия Англии в отношении Османской империи становились все более враждебными, проявляясь в оказании помощи противникам Порты в Европе. Например, в 1618 г. Англия предоставила испанскому наместнику в Италии 10 военных кораблей для войны против Венеции и Османской империи [6, с. 190]. В разгар польско-турецкой войны в 1621 г. Яков I предоставил Речи Посполитой заем в 10 тыс. ф. ст. и права набирать добровольцев в Англии [2, с. 218]. Английские дипломаты открыто поддерживали тех средиземноморских пиратов, которые нападали на турецкие корабли, а сам король жаловал всем желающим патенты на право захватывать суда и имущество турецких подданных в Красном море [6, с. 194]. Совсем неприкрытым актом враждебности были действия командира английской эскадры К. Дигби, который в 1628 г. по поручению Карла I разгромил турецкий порт Александретту, захватив богатую добычу [7, с. 156–157].

Очевидно, что такая политика вела к ослаблению позиций Англии в Леванте, что происходило на фоне укрепления франко-турецких взаимоотношений. С помощью Османской империи Франция надеялась сковывать австрийские войска на востоке в начале Тридцатилетней войны и добиться успехов в приближающейся новой франко-испанской войне. Действительно, уже в 1627 г. Франция получила от Порты 100 галер взамен на оказание помощи поврежденным турецким судам в своих портах [7, с. 160].

Курс на сотрудничество с Османской империей взяла и Голландия, поставившая оружие в ее североафриканские владения. Взамен в 1612 г., несмотря на противодействие английского посла, Голландия получила от османского султана первые капитуляции.

Свидетельством ослабления политических позиций Англии в Леванте является и исход длительной борьбы за святые места – Иерусалим, Вифлеем и др. Англия традиционно поддерживала притязания православных на святые места, однако в 1630 г. турецкая правительственная комиссия окончательно отвергла эти притязания. В 1639 г. исключительное право защиты всех христиан во владениях султана получила Франция [8, с. 24].

Ростом своего политического влияния в Леванте Франция в значительной мере компенсировала торговые неудачи, поскольку сближение с Османской империей позволяло ей противостоять английской конкуренции. В 30-е гг. XVII века Франция по-прежнему вела интенсивную торговлю с Левантом: только из Марселя сюда ежегодно приходило до 70 кораблей [8, с. 30]. Но еще больших успехов добились голландцы, торговавшие таким же ассортиментом товаров, что и англичане, однако имевшие солидную дипломатическую поддержку. Это позволило Голландии догнать Англию по объемам торговли. Другими словами, французы и голландцы уверенно укреплялись в Леванте, пользуясь охлаждением англо-турецких отношений. Тем временем английская развивающаяся промышленность остро нуждалась в рынках сбыта Леванта и практически единственном источнике хлопка, которым являлись для нее страны Восточного Средиземноморья.

Политика первых Стюартов в отношении Османской империи, ставшая следствием примирения с Испанией, несомненно, способствовала успехам конкурентов в Леванте и не отвечала интересам английского нового дворянства, связанного с левантской торговлей. С другой стороны, сближение с Испанией имело и некоторые положительные моменты. В рассматриваемый период Испания не могла быть конкурентом Англии в Леванте из-за непрерывных испано-турецких войн. В то же время Испания как страна средиземноморского региона объективно нуждалась в развитии экономических связей с другими регионами. Особенно она была заинтересована в балканской меди и зерне [10, с. 104]. Англо-испанский мир позволял испанцам воспользоваться английским посредничеством в установлении новых экономических контактов. Не случайно Левантская компания сразу после подписания мира включила в свою торговую хартию все крупные испанские порты в Средиземном море.

В примирении с Испанией были заинтересованы и определенные круги нового дворянства юго-запада Англии и Ирландии, так как эти регионы торговали с Испанией рыбой и хлебом. Кроме того, Испания была основным рынком сбыта высококачественной ткани «мэдли», производившейся на юго-западе Англии из привозной испанской шерсти [3, с. 171].

Стоит отметить, что в целом политика Стюартов в Леванте была достаточно непоследовательной, находящейся под постоянным давлением буржуазной оппозиции. Например, в 1607 г. государственный казначей Солсбери поддержал левантских купцов, протестующих против оказания помощи Тосканскому герцогу – злейшему врагу Порты. В 1619 г. под давлением левантских купцов была отменена экспедиция королевского флота против североафриканских пиратов, находившихся под покровительством османского султана [6, с. 184].

Таким образом, политика первых Стюартов, так же как и Тюдоров, в определенной степени соответствовала интересам правящего сословия Англии, но в первой половине XVII века буржуазия и новое дворянство требовали большего содействия государства, особенно в дальнейшей торговой и колониальной экспансии. В частности, Левант многими уже рассматривался в качестве плацдарма для дальнейшего проникновения на Балканы, в Черное море и в

Персию [11, с. 10]. Однако слабеющие финансовые позиции английской короны не могли обеспечить должной поддержки этих запросов – прерогативой Стюартов по-прежнему являлась финансовая поддержка феодальной знати, обходившаяся казне в 49% от ежегодных доходов [3, с. 128]. В свою очередь, буржуазия отказывалась давать средства королю, требуя от него взамен угодной политики. Парламенты 1604, 1606, 1614 гг. были распущены из-за отказа дать деньги королю, а в 1629 г. Карлу I было отказано в праве сбора налогов – наследственной прерогативы короны. Следствием этого стала хроническая нехватка средств, доходившая до того, что в 1619 г. из-за отсутствия наличных денег пришлось на несколько дней отложить похороны королевы [3, с. 171]. Стюарты вынуждены были распродавать коронные земли, прибегать к внешним займам, обращаться за помощью к Испании, как уже отмечалось выше. Несмотря на все эти меры, к 1635 г. королевский долг составил 1,2 млн. ф. ст. Все это заранее обрекало на неудачу большинство внешнеполитических планов Англии, губительно сказывалось на экономике страны и, в конце концов, способствовало формированию революционной ситуации.

Список литературы

1. **Calendar** of State Papers, Domestic series, 1619–1623 / Ed. By M.A. Everett Green. – L. : Kraus Reprint LTD, 1967. – 740 p.
2. **Tudor** Economic Documents : in 2 vol. : V.2 / Ed. by R.H. Tawney. – L. : Longmans, 1924. – 410 p.
3. **Coleman D.C.** The economy of England, 1450–1750 / D.C. Coleman. –L. : Oxford University Press, 1977. – 244 p.
4. **Epstein M.** The English Levant Company / M. Epstein. – L. : George Routledge and Sons LMD, 1908. – 288 p.
5. **Feavearyear A.** Pound Sterling / A. Feavearyear. – L. : Clarendon Press, 1963. – 468 p.
6. **Fisher G.** Barbary legend: War, trade and piracy in North Africa, 1415– 1850 / G. Fisher. – Oxford : Clarendon Press, 1957. – 349 p.
7. **Diplomacy** in the Near and Middle East. A documentary record: 1535– 1914 / Ed. by J.C. Hurewitz. – N.Y. : D. Van Nostrand Company, 1972. – 320 p.
8. **Industry** and Government in France and England, 1540–1640 / Ed. By J. Nef. – N.Y. : Great Seal Books, 1969. – 184 p.
9. **Wood A.** A history of the Levant Company / A. Wood. – L : Frank Cass and Co LTD, 1964. – 296 p.
10. Штокмар В.В. Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху его расцвета / В.В. Штокмар. – Л. : Издательство Ленинградского университета, 1962. – 155 с.
11. **Цыпурина Г.И.** Английская дипломатия в Османской империи во второй половине XVI в. / Г.И. Цыпурина // Англия в эпоху абсолютизма (статьи и источники). – М. : Наука, 1984. – С. 3–19.

Ishchenko V.V.

**Anglo-Spanish relations and the policy of England in the Levant
in the first half of the XVII century**

The article deals with the development of Anglo-Spanish and Anglo-Turkish trade and diplomatic relations during the reign of the first representatives of the Stuart dynasty on the English throne. The policy of England in the Levant in the first half of the XVII century is considered in the context of its pan-European policy.

Key words: *English absolutism, Levant, Levantine Company, East India Company, capitulations.*

УДК

Милокост Любовь Сергеевна,
канд. ист. наук, доцент,
и.о. заведующего кафедрой
всемирной истории и международных отношений
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»

Мохамед Али Санаа Омер Абдель Баги,
аспирант кафедры
всемирной истории и
международных отношений
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
sanalight14@yahoo.com

Проблема мультикультуральности в Великобритании в XXI веке

В статье показаны сущность мультикультурного вопроса для современной Великобритании, его обострение в связи с прошедшим референдумом о выходе Соединенного Королевства из Европейского союза, восприятие миграционных проблем в британском обществе, а также меры правительства по решению иммиграционной проблемы и снижению общественной тревоги по поводу присутствия в стране иммигрантов.

Ключевые слова: *Великобритания, мультикультурализм, Европейский союз, референдум, иммиграция.*

На данном этапе все больше обществ сталкиваются с поликультурностью, а в современных государствах проживают разные этнокультурные и религиозные группы населения, имеющие различные ценности. Это происходит не только в переселенческих странах, но также и в странах Западной Европы. Решение проблемы поликультурности общества требует специальных политических механизмов.

В последнее время наибольшей популярностью в решении проблем поликультурности общества в западных странах пользовался мультикультурный подход. Однако, уже в последнее десятилетие такая политика утратила свою популярность, особенно в западноевропейских странах, к которым мультикультурализм пришел из США. В отличие от переселенческих государств, в которых политика мультикультурализма в общем считается довольно успешной, в странах Западной Европы политика, носящая то же название, считается неэффективной.

Все изложенное свидетельствует о необходимости внимательного изучения британского опыта решения проблемы мультикультуральности в Великобритании, актуальность которого определяется всей сложностью этнокультурной ситуации современного мира. Тема приобретает особую актуальность в условиях миграционного кризиса, так как в настоящее время идет поиск путей выхода из сложившейся ситуации.

Следует отметить, что проблема мультикультуральности тесно связана с иммиграционным вопросом, который сейчас стоит на повестке дня в современной Великобритании и связан с Брекзитом. Итоги референдума в Великобритании вызвали волну очередных беспорядков на почве расовой нетерпимости. По данным ежегодных докладов аналитического агентства Опиниум, которые посвящены мультикультуральным аспектам в обществе, после референдума наблюдается тревожный рост преступлений на почве нетерпимости. Вызывает беспокойство тот факт, что независимо от расы британцы считают Великобританию менее толерантным местом для жизни, чем до референдума.

В докладе за 2016 год указано, что почти половина (46%) этнических меньшинств посчитали, что Великобритания была менее расистской страной, чем два десятилетия назад. Однако, в 2019 году только чуть более трети (38%) британских меньшинств считают, что Великобритания является менее расистской страной, чем была раньше. Еще более поразительно то, что половина (52%) этнических меньшинств считают, что Британия стала менее толерантной после голосования о выходе из Европейского Союза, а среди британских меньшинств второго поколения их количество увеличилось до 62%. Это особенно остро заметно среди мусульман – 59% считают, что Великобритания стала менее толерантной [3].

По данным аналитического агентства можно заметить, что расовая и этническая дискриминация возрастает, и что эта тенденция продолжается. В 2020 году почти три из четырех (73%) меньшинств заявили, что столкнулись с дискриминацией. Этот показатель в целом схож на данные 2019 года (71%), однако, доля меньшинств, заявивших, что они сталкивались с дискриминацией несколько раз, увеличилась до чуть менее половины (46%) с 40% в 2019 году [2].

Увеличился уровень расовой дискриминации среди определенных этнических групп. Трое из четырех (76%) в 2020 году китайцев сообщили о дискриминации, по сравнению с 68% в предыдущем году. Среди чернокожих меньшинств также наблюдается рост уровня дискриминации: 81% заявили, что стали жертвами расовой дискриминации по сравнению с 74% в 2019 году. Однако дискриминация, с которой сталкиваются белые британцы, также возрастает: 19% говорят, что сталкивались с расовой или этнической дискриминацией по сравнению с 10% в октябре 2016 года [7].

Также продолжает расти контент расистского содержания в социальных сетях. В конце 2016 года 37% сталкивались с расизмом в социальных сетях на ежедневной основе, который в настоящее время вырос до 51% и возрастает до трех из пяти (63%) среди молодого поколения (меньшинства в возрасте от 18 до 34 лет) [7].

Что касается самой иммиграции, то, по данным исследовательского агентства Соединенного Королевства Ипсос МОРИ, иммиграция продолжала занимать первое место в ряду факторов, вызывающих тревогу у населения страны (42% – самый высокий показатель среди европейских стран – участниц опроса) [4].

По данным Миграционной обсерватории COMPAS, уровень сторонников сокращения иммиграции среди населения в Великобритании умеренно

высок. Количество сторонников сокращения числа иммигрантов, прибывающих в Великобританию в 2019 году, составляло 44% (22% считают, что иммиграцию необходимо «сильно сократить», а еще 22% – «немного сократить»). Также, 39% заявили, что предпочли бы, чтобы количество иммигрантов оставалось примерно таким же (наиболее распространенный ответ), в то время, как сторонников увеличения были в меньшинстве – 17%. Однако, тот же вопрос, заданный в ходе опроса в 2013 году, показал, что 77% респондентов выступали за сокращение числа иммигрантов, что свидетельствует о предположительном изменении отношения к иммиграции [10].

Важно отметить, что в реакции британского общества на проблему иммиграции наблюдаются новые явления, явно требующие экспертного осмысления и отслеживания. Среди них следует выделить выход миграционной проблемы в поле публичного обсуждения. Запрос общества на рассмотрение иммиграционных проблем созрел в Британии уже давно, о чем свидетельствует рост инцидентов на почве ксенофобии. Однако, пока еще не ясно как стоит проговаривать эти проблемы в толерантном британском обществе в формате конструктивного диалога. За последние несколько лет документальные проекты и реалити-шоу стали примечательной тенденцией в попытках общественного анализа миграционной проблемы Великобритании.

В то же время в Великобритании разгорелся иммиграционный скандал «поколения Windrush», касающийся отношения к мигрантам, сокращения числа которых в стране добиваются британские власти. Главу МВД Великобритании упрекнули в дезинформировании палаты общин относительно существования в министерстве целевых показателей по депортациям. В марте 2020 года вышел отчет [9], подготовленный Венди Уильямс, о причинах скандала.

В расследовании был сделан вывод о том, что отношение Великобритании к «поколению Windrush» и к иммиграции были вызваны институциональными неудачами в понимании расы и расизма. Данные меры формировались вследствие десятилетий ограничительных иммиграционных законов. Скандал вызвал критику мер «враждебной среды», введенных для борьбы с нелегальной иммиграцией.

Для решения иммиграционной проблемы и снижения общественной тревоги по поводу присутствия в стране иностранцев премьер-министр Великобритании Борис Джонсон пообещал, что будет настаивать на введении иммиграционной системы, возродив одно из ключевых обещаний кампании по выходу из ЕС [1]. 19 февраля 2020 года правительство презентовало новую британскую миграционную систему [8], основанную на баллах, которая начала функционировать с января 2021 года. Это ознаменовало конец эпохи иммиграционной политики Терезы Мэй, в течение которой главной целью было сокращение численности иммигрантов.

В новой миграционной системе заметна приверженность правительства к прекращению свободного передвижения и переходу к «австралийской» системе баллов, в которой отношение к мигрантам из ЕС и не из ЕС будет одинаковое. В новом подходе заметны значительные сдвиги как в общественном мнении, так и в политике правительства в отношении иммиграции в целом.

Опросы общественного мнения показывают, что избиратели одновременно стали гораздо меньше беспокоиться об иммиграции и гораздо более позитивно оценивать ее влияние [6]. Более того, замена Терезы Мэй, которая занимала особенно ограничивающую позицию, на Бориса Джонсона, занявшего относительно либеральную позицию по иммиграции во время своего пребывания на посту мэра Лондона, сигнализировала об изменении относительных приоритетов в правительстве, связанных с экономическими выгодами от иммиграции.

Таким образом, политическая цель новой системы заключается не столько в сокращении миграции, сколько в том, чтобы сделать ее более разнообразной (в географическом плане) и более избирательной.

Однако, по сравнению с предыдущей системой, новые предложения представляют собой значительную либерализацию политики для мигрантов из стран, не входящих в ЕС, с более низкими порогами заработной платы и навыков и без общего ограничения численности. Примерно 68% сотрудников в Великобритании работают на должностях, требующих навыков уровня RQF3 или выше. Мигранты, приезжающие на работу на низкоквалифицированные и оплачиваемые должности, больше не смогут получить разрешение на въезд. Даже тем, кто будет соответствовать требованиям, потребуется, чтобы их потенциальные работодатели подали заявление от их имени, которым придется заплатить значительные сборы, а также у них будет значительно меньше прав, например, в отношении доступа к системе льгот. Однако, в сравнении с большинством стран – членом ЕС, которые обычно применяют гораздо более ограничительные требования, новая система значительно либеральна в отношении мигрантов из неевропейских стран.

Учитывая либерализацию в отношении работников из стран, не входящих в ЕС, общее влияние на численность может быть относительно небольшим, даже если правительство сохранит приверженность к сокращению чистой миграции. В краткосрочной и среднесрочной перспективе кризис Covid-19 и его последствия, вероятно, будут гораздо более важными в вопросе стимулирования миграционных потоков, чем изменения в миграционной системе [5].

Политика мультикультурализма в Великобритании не была нацелена на интегрирование общества по вопросу разнообразных этнокультурных групп в диалог определения общего консенсуса. Наоборот, мультикультурные институты были использованы для создания видимости многокультурного диалога с целью не допустить ряд малочисленных этнокультурных групп к участию в общегражданском диалоге, а также для снижения общей напряженности. Таким образом, специфическая политика в отношении иммиграции не имеет ничего общего с самой политикой мультикультурализма.

Как видно, иммиграционная проблема после референдума о Брексите находится в прежней стадии – ее решение откладывается к тому моменту, когда станет четче картина новых взаимоотношений с Европейским союзом (но ситуация только накаляется, что показывают доклады). Придется решать не только вопросы, связанные с выходом из Европейского союза, но и провести ревизию прежних ориентиров во внутри- и внешнеполитической сфере. Особой задачей будет примирить разные слои населения и сплотить, насколько

возможно, сторонников и противников Брексита, следовательно, правительству нужно будет прислушаться к ожиданиям тех и других.

Список литературы

1. **Boris Johnson vows push on immigration points system.** 2019. Mode of access: <https://www.theguardian.com/politics/2019/jun/27/boris-johnson-vows-push-on-immigration-points-system>
2. **Multicultural Britain 2020: A turbulent year.** 2020. p. 5–12 Mode of access: <https://www.opinium.com/wp-content/uploads/2020/11/Multicultural-Britain-2020.pdf>
3. **Multicultural Britain** in the 21st century. 2017. Mode of access: <https://www.opinium.co.uk/wp-content/uploads/2017/07/Multicultural-Britain-2017-v6.pdf>
4. **New global poll finds Britons most worried about immigration.** Mode of access: <https://www.ipsos-mori.com/researchpublications/researcharchive/3791/New-global-poll-finds-Britons-most-worried-about-immigration.aspx>
5. **Portes, J.** Immigration between the referendum and Brexit/ UK in the changing Europe, 2021 Mode of access: <https://ukandeu.ac.uk/long-read/immigration-between-the-referendum-and-brexit/>
6. **Runge, J.** Overview of UK attitudes towards immigration/ National Institute of Economic and Social Research, 2019. – p. 6–8.
7. **Success and equality** of the opportunity in multicultural Britain. 2019. Mode of access: <https://www.opinium.co.uk/wp-content/uploads/2019/07/Success-and-Equality-of-Opportunity-in-Multicultural-Britain-Report.pdf>
8. **The UK's points-based** immigration system: policy statement. 2020. <https://www.gov.uk/government/publications/the-uks-points-based-immigration-system-policy-statement/the-uks-points-based-immigration-system-policy-statement>
9. **The Windrush review** is unequivocal: institutional racism played its part. 2020. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/mar/21/windrush-institutional-racism-hostile-environment>
10. **UK Public** Opinion toward Immigration: Overall Attitudes and Level of Concern. The Migration Observatory COMPAS, 2020. Mode of access: <https://migrationobservatory.ox.ac.uk/resources/briefings/uk-public-opinion-toward-immigration-overall-attitudes-and-level-of-concern/>

**Milokost L.S.,
Mohamed Ali Sanaa Omer Abdel Baghi**

The problem of multiculturalism in the UK in the XXI century

The article shows the essence of the multicultural issue for modern Britain, its aggravation in connection with the referendum on the United Kingdom's exit from the European Union, the perception of migration issues in British society, as well as government measures to solve the immigration problem and reduce public anxiety about the presence of immigrants in the country.

Key words: *Great Britain, multiculturalism, European Union, referendum, immigration*

Политология

УДК 94(23.00) – 021.121–047.23

Муртузалиев Сергей Ибрагимович,
д-р. ист. наук, профессор,
профессор кафедры всемирной истории
и международных отношений
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
msihistory2000@yandex.ru

Актуальность изучения проблем горных территорий

Анализируются европейские и республиканские законы и программы, посвященные горным территориям. Комплексное изучение причин миграции из Республики Дагестан (граничит с другими странами) представляет интерес не только с научной точки зрения, но и с практической – государственной – в таком поликультурном и поликонфессиональном регионе, как ЮФО, имеющем важное геополитическое и стратегическое значение для РФ.

Ключевые слова: Республика Дагестан, горная территория, миграция, ЮФО, законы, программы.

Человек начал осваивать горы как минимум с эпохи палеолита. Суровые условия жизни предопределили не только сферу и виды хозяйственной жизнедеятельности (напр., террасное земледелие), но и архитектурную специфику жилища, одежды, пищи и т.д. Среда обитания сформировала особые черты характера, присущие населению гор.

Цель исследования – рассмотреть проблему изучения горных территорий, исходя из специфики развития региона (на региональном уровне). В рамках нашего исследования предметная область ограничена территорией Республики Дагестан (РД). Такой подход в исследовательской работе в целом оправдывает себя фактором национально-региональным как «совокупности национально-культурных условий, влияющих на характер» [8, с. 242] перемен в горной зоне Дагестана.

Источниковедческая база исследования представлена документами зарубежных стран и нормативно-правовой базой Российской Федерации, так как проблема развития горных территорий находится не только в плоскости политических исследований, но и требует значительной проработки в рамках законотворческой инициативы соответствующих структур.

Во второй половине двадцатого века в ряде зарубежных стран были приняты основополагающие документы, посвященные проблемам горных территорий, к разработке которых были привлечены представители стран, имеющих в рамках своих территорий данные местности. Анализ ситуации, реальному положению и перспективам развития этих территорий в Европе посвящены десятки внутригосударственных и международно-правовых документов, в числе которых необходимо выделить: Конвенцию о биологиче-

ском разнообразии (1992 г.); Конвенцию об изменении климата (1992 г.); Киотский протокол (1997 г.); Конвенцию об охране всемирного наследия (1972 г.); Конвенцию о международной торговле видами дикой фауны и флоры (CITES) (1973 г.) и о мигрирующих видах (CMS) (1979 г.); Альпийскую конвенцию (1991 г.), Карпатскую конвенцию (2003 г.); Бишкекскую горную платформу (2002 г.) и целый ряд других постановлений.

В уже указанных и иных документах признается отсутствие какого-то единого шаблона для устойчивого развития горных регионов, отмечается, что каждое государство должно разработать свою собственную политику, исходя из учетов особенностей как физико-географических, ресурсных, так и демографических горных территорий. Однако, в Российской Федерации на федеральном уровне подобная нормативно-правовая база, устанавливающая и регламентирующая особый статус горных территорий и регулирующая ее устойчивое развитие [6], к сожалению, до сих пор отсутствует.

Анализ процесса заселения и этнокультурного разнообразия высокогорных районов, в том числе и Дагестана как части территории Северного Кавказа (СК), свидетельствует о чрезвычайно широком диапазоне различий и контрастов. Это объясняется их дисперсным расселением в самых различных природно-климатических зонах (чем выше в горы – тем различия сильнее) и совокупностью других факторов. Именно от этого зависела не только история освоения и расселения в горах, но и обеспеченность необходимыми для жизни ресурсами, способ управления ими, а в конечном итоге – культура (в самом широком смысле этого слова), самобытные традиции и, естественно, сформировавшийся под воздействием данных факторов менталитет проживающих здесь автохтонных/старожильских народов.

В данном случае мы считаем вполне уместным привести цитату Ф. Энгельса, писавшего: «Между отдельными странами, областями и даже местностями всегда будет существовать известное неравенство в жизненных условиях, которое можно будет свести до минимума, но никогда не удастся устранить полностью. Обитатели Альп всегда будут иметь другие жизненные условия, чем жители равнин» [5, с.104].

Особо отметим, что в советский период своей истории Дагестан, как горная республика, не особенно выделялся на фоне Армении, Грузии, Киргизии, где располагались более крупные горные системы. Однако, после распада СССР в 1991 г. ситуация кардинально изменилась, так как в рамках территории Российской Федерации статус Дагестана как горной территории претерпел кардинальные изменения. Политическая карта страны четко зафиксировала, что отныне на фоне других Северо-Кавказских республик Дагестан по праву является одним из самых горных субъектов Российской Федерации. Данное утверждение вовсе не случайно, так как Дагестану еще в седой древности был присвоен титул «Страны гор».

После завершения Второй мировой войны и формирования новой архитектуры международных отношений, международное сообщество стало уделять проблеме защиты прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов все большее внимание. Актуализация данной проблемы в конце XX века объясняется тем, что в современной Европе, наряду с

народами, образовавшими самостоятельные государства, проживает около 100 национальных меньшинств и этнических групп, разнообразие которых, а зачастую и ограниченность пространства сожительства с соседями, являются серьезным потенциальным источником споров и конфликтов. С распадом государств и федераций ситуация резко обострилась, о чем свидетельствуют примеры бывших Чехословакии, Югославии, наконец, Советского Союза. Особо упомянем миграционные потоки последних лет из стран Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии и Африки, народы которых буквально наводнили Западную Европу, но это тема отдельного исследования.

Беря во внимание европейский опыт, стоит обратиться к выводам Анджее Крахера, который отмечает, что во избежание конфликтов, особенно на территориях, населенных нацменьшинствами, как правило, им предоставляется право 1) территориальной или 2) личной автономии (заметим, что на международном уровне второй случай упоминается крайне редко и весьма осторожно) [1, с. 34]. Думается, что к этой категории правомерно отнести и коренное население горных территорий Дагестана.

Поскольку горные территории существуют у многих стран мира, от очень богатых и развитых до достаточно бедных, с низкими темпами роста, то и опыт в отношении развития горных территорий также весьма разнообразен. Наиболее полно ситуация относительно горных территорий и философия подходов к их развитию были изложены во всеобъемлющем документе ООН «Повестка дня на 21 столетие», принятом Конференцией ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро 3–14 июня 1992 г..

Глава 13 этого документа как раз посвящена проблемам и развитию горных территорий. Стоит заметить, что в этом документе ООН сделан анализ ситуации в горах и констатируется, что в целом для горных территорий характерным является отток населения, более высокий уровень бедности, утрата населением навыков хозяйствования с минимальной нагрузкой на экосистему. Следовательно, увеличение нагрузки на достаточно чувствительные к внешнему воздействию горные экосистемы ведет к их деградации. Оползни, чрезмерные разрушительные наводнения, лесные пожары, разрушение дорожной инфраструктуры являются индикаторами такой деградации экосистем. Особенно опасной не только для живущих в горах, но и для населения окружающих равнин является деградация горных территорий в зонах формирования водозаборов

Цивилизованное общество давно осознало, что горы и население горных территорий нуждаются в особом подходе, который практикуется во многих странах мира. К примеру, в законе Франции «О развитии и сохранении горных территорий» от 9 января 1985 г. отмечается, что горная территория – это целостное географическое, экономическое и социальное образование, где рельеф, климат, природная и культурная среда требуют проведения специфической политики развития, устройства и сохранения. Специфичность горных районов осознается нацией и учитывается государством. В «Хартии горных народов», принятой на Всемирном горном форуме во Франции в июне 2000 г., отмечалось, что в контексте разворачивающейся глобализации горные территории и сообщества народов приобретают «дополнительную привлекательность и ценность, ... начинают представлять стратегический интерес» [9].

Актуальным направлением совершенствования законодательства в области регулирования и защиты прав коренного малочисленного населения горных территорий России все еще продолжает оставаться развитие и совершенствование положений Рамочной конвенции о защите КМН, которая в 1998 г. была ратифицирована нашим государством. Это требует дальнейшей тщательной разработки, прежде всего, текущего отраслевого законодательства в таких важнейших областях, как система образования, здравоохранение, культура, использование родного/национального языка, социальная защита, сфера традиционного природопользования, защита исконной среды обитания, содействие развитию традиционной хозяйственной деятельности и различных национальных промыслов КМН. Иными словами, необходимо эффективное осуществление и обеспечение всех прав КМН.

Поскольку основным объектом изучения являются, прежде всего, люди, которые в нашем случае представлены коренным населением горной зоны Дагестана, то, сообразно с этим, окончательная формулировка цели нашего исследования выглядит следующим образом – изучение современной ситуации в горной зоне Дагестана и положений КМН республики в условиях радикальных социально-экономических и общественно-политических преобразований на рубеже XX – XXI столетий.

Хронологические рамки исследования определяются фазисными характеристиками процесса трансформации российского государства и общества в период с 1991 по 2011 гг. Нижняя граница связана с распадом СССР в 1991 г., что придало более динамичный характер историческим переменам. В рамках нашего временного среза в Дагестане была принята Программа «Горы» (1991 г.), а затем принят новый закон о горных территориях (декабрь 2010 г.), реализация которого началась в 2011 г. Верхнюю границу исследования определяет фактическое завершение президентства Д.А. Медведева и повторный приход к власти В.В. Путина в марте 2012 г., с которым в тот период население страны связывало свои надежды на улучшение условий жизни и стабильность социально-экономической политики государства.

Важность изучения рассматриваемой проблемы заключается в том, что Северокавказский регион является своеобразным полигоном, где испытывается на прочность российский федерализм, национально-государственное строительство, национальная политика. В рассматриваемый нами период это был самый взрывоопасный регион на постсоветском пространстве, оказывавший серьезное влияние на проблемы сохранения целостности РФ. Еще в 1995 г. правительство понимало, что Северный Кавказ оказывает серьезное влияние на процесс сохранения единства Российской Федерации, военно-политическую обстановку на юге России [7]. И очень многое зависело от решения насущных проблем населения Северного Кавказа с обязательным учетом всего комплекса факторов.

Проблемы в Дагестане (как и на Северном Кавказе) обуславливаются следующими факторами:

– полиэтничность (более тридцати коренных народов и этнических групп) и перенаселенность (самый густонаселенный макрорегион России – 57 чел./ км², при небольших размерах территории – 258,3 тыс. км² и это

при остром недостатке равнинных земель). По численности населения Дагестан занимал в рассматриваемое время второе место на СК;

– демографические проблемы (неравномерное заселение, миграционные процессы, проблемы беженцев и др.);

– поликонфессиональность (ислам, православие, иудаизм, буддизм, протестантизм, другие религиозные течения);

– проблемы коренных малочисленных народов;

– специфика проблем горных территорий;

– незавершенность решения проблем некоторой части репрессированных народов, произвольное определение границ без учета исторически установившихся территорий проживания и, как следствие, территориальные споры как внутри субъектов РФ, так и между ними;

– наличие и влияние национальных, транснациональных, трансрегиональных партий, движений, общественно-политических организаций, придерживающихся порой прямо противоположных ориентаций и оказывающих заметное влияние на геополитическую ситуацию в регионе;

– наличие нескольких «центров влияния», и, как следствие, проблемы сепаратизма и регионализма;

– в регионе представлены различные статусы субъектов федерации (республики и края, т.е. национально-государственные и административно-территориальные единицы) [3];

– проблемы с экстремизмом и терроризмом и др.

Дагестан, как это уже было много раз в его седой истории, в последние десятилетия вновь стал субъектом и объектом международных отношений. Сегодня на Кавказе сфокусированы геополитические амбиции и стратегические интересы нескольких мировых держав и новых государств, возникших после распада СССР. В связи с образованием национальных государств в Закавказье и вовлечением их в сферу так называемых «жизненных интересов» прежде всего стран ЕС, США, Турции и блока НАТО, последние прилагают значительные усилия для расширения своего влияния и на Северо-Восточном Кавказе и в Закавказье.

Острота перечисленных проблем сохраняется и на современном этапе. Коллективное исследование дагестанских и российских ученых (2018 г.) показало, что повышенный интерес к Северо-Кавказскому региону обусловлен рядом причин. Уже при первом приближении высвечиваются следующие четыре проблемы.

Во-первых, с давних времен и по сегодняшний день происходит острое соперничество мировых держав в плане удержания Северо-Кавказского региона в поле своего влияния. Во-вторых, длительное использование природных ресурсов в том виде, в каком оно долгое время осуществлялось и осуществляется поныне, сопровождается нарастанием экологических проблем, угроз и рисков для ландшафтов и населения этого региона. В-третьих, представляется чрезвычайно актуальным то обстоятельство, что современные социально-экономические и экологические проблемы резонансно совпали с глобальными процессами климатической перестройки Земли. В-четвертых, социально-экономическое развитие Северо-Кавказского региона происходит

в условиях непростого и в социальных аспектах весьма драматического перехода к новому технологическому укладу, требующему больших затрат сил и энергии [4, с.169–174].

Следует отметить и встречающиеся разночтения в определении горной зоны, как в России, так и за ее пределами. Например, понятие «горная зона» законом РД о горах (2010 г.) определялось как фактическая площадь данной зоны, составляющая 39 % от общей площади республики.

В новом варианте «Декларации о Горной хартии России» от 2016 г. (разработана и представлена в правительство РФ инициативной группой исследователей РД и РФ) отмечается, что в понятие «горная территория» и т.п. каждый актор вкладывает свое понимание. Поэтому в новом варианте «Декларации» 2016 г. отмечается: «1. Исходя из целей настоящей Декларации, Стороны интерпретируют термин «горные регионы» как местности, где высота, рельеф и климат создают особые условия, влияющие на повседневную человеческую деятельность. 2. Определение конкретной территории как *горной местности, горного района, горной зоны и горного региона ...* дается по согласованию с представителями соответствующей территории» [2, с. 6]. Эти разночтения являются одним из показателей реального отношения к проблемам горных территорий и отсутствием единого/общего для всех определения.

В горной местности Дагестана от 500 метров и выше из всего 1645 населенных пунктов республики – 1186 расположены в горах, из которых 492 отнесено к труднодоступным местностям, где проживают более миллиона человек. Некоторые села уже полностью обезлюдели и получили название «аулы-призраки». По неофициальным данным количество таких аулов перевалило за 1–2 сотни сел. Понятие «неперспективное горное село» должно уйти в прошлое – в этом заключалась конечная цель Закона «О горных территориях Республики Дагестан» – основы для регулирования отношений в горных районах. Преимущество этой цели сохранена и в «Декларации о Горной хартии России» 2016 г.

Хотя предпринято достаточно много усилий, направленных на улучшение условий жизни и развития горных территорий, однако одними из ключевых проблем продолжают оставаться:

1. Развитие горных поселений сдерживается недостаточно разветвленной транспортной и коммунальной инфраструктурой. Это негативно влияет на конкурентоспособность этих территорий и снижает их инвестиционную привлекательность.

2. Промышленность и сельское хозяйство неразвиты и, как следствие, – безработица и низкий уровень заработной платы. Характерной особенностью населенных пунктов, которым предоставлен статус горных, является трудовая миграция.

3. Медицинское обслуживание для горного населения часто недостижимо. Очень острой остается проблема слабого оснащения медицинских учреждений, особенно в условиях Covid-19.

4. Накапливаются проблемы в сфере образования, а именно: малая наполненность классов средних учебных заведений, растущая потребность в школьных автобусах для перевозки учащихся.

5. На горных территориях складывается неблагоприятная экологическая ситуация, связанная с такими природными явлениями, как паводки и наводнения.

6. Ограниченное финансирование ресурсов местных бюджетов не отвечает потребностям социально-экономического развития горных территорий.

7. В горных районах происходит постепенное сокращение традиционного для гор хозяйства – овцеводства, молочного животноводства, сократились местные промыслы.

В настоящее время горная политика в России на федеральном уровне отсутствует. Необходима взаимосвязанная политическая, социально-экономическая и национальная политика как Федерального Центра, так и региональной власти по выводу республики из системного кризиса в целях стабилизации общественно-политической и социально-экономической ситуации. Для нормализации ситуации принята и «Концепция миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы».

В этой связи у автора этих строк возникла идея – предлагаю кавказоведам (и не только им) подумать над тем, чтобы провести широкомасштабные специальные исследования с целью выявления в фольклорных и литературных произведениях, в словарях и т.д. как термины «горы» и «горцы» трактуют коренные жители гор и население низменных территорий в их сопоставлении. Активное участие в этой работе могут и должны принять лингвисты, историки, работающие с историческими текстами, психологи, философы, имагологи и представители других научных дисциплин. Желательно проследить и вероятную временную и иную ретроспекцию изменения этих понятий. Желательно широкое участие зарубежных специалистов самых разных научных направлений. Конечным результатом такой коллективной работы может стать междисциплинарная международная энциклопедия гор и горцев.

Энциклопедия призвана охватить все многообразие форм и видов существования и жизнедеятельности гор и горцев, начиная от процессов горообразования, специфики флоры и фауны, первобытных стоянок до современных туристических брендов. В создании энциклопедии должны участвовать геологии и сейсмологи, имагологи. Необходимы лингвистические и биологические исследования, а также изучение мировоззрения, менталитета, законов/адатов, этикета, образа жизни, сферы занятий, гендерного распределения обязанностей, орудий труда, оружия, быта, типов жилищ, пищи, одежды, обуви, транспорта, верований, мифологии, воспитания детей, сказок, пословиц, поговорок, ремёсел, декоративно-прикладного искусства, природных ресурсов, медицины, целебных вод и т.д.

Список литературы

1. **Анджей Крахер** Проблемы сосуществования народов и национальных меньшинств / А. Крахер // Alma mater. Вестник высшей школы. – 2000. – № 12. – С. 28–35.
2. **Декларация о Горной хартии России** / Ю.П. Баденков [и др.] ; отв. редактор Д.Ш. Халидов. – Махачкала, 2016. – 20 с.

3. **Кашироков З.К.** Этнополитические аспекты российского федерализма: на примере Северо-Кавказского региона / З.К. Кашироков // Правоведение. – 1998. – № 3. – С. 47–54.
4. **Кочуров Б.И.** Современные проблемы природопользования на Северном Кавказе и пути их решения / Б.И. Кочуров // Устойчивое развитие горных территорий Кавказа : коллект. моногр. –/ научн. ред. : И.А. Керимов, В.А. Снытко, В.А. Широкова. –Т. I. – М. : ИИЕТ РАН, 2018. – С. 169–173.
5. **Маркс К.** Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс : 2-е изд. – Т. 34. – С. 104.
6. **Повестка дня на XXI век.** Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21(дата обращения : 06.05.2021).
7. **Северный Кавказ:** проблемы межнациональных отношений, укрепление единства Российской Федерации : материалы парламент. слушаний, 21 марта 1995 г. / Федерал. собр. – парламент Рос. Федерации, Гос. Дума. – М. : Гос. Дума : Известия, 1995. – 109 с.
8. **Федерализм. Энциклопедический словарь** / под ред. Э.Б. Алаевой, Р.В. Архипова. – М. : Инфра-М, 1997. – 288 с.
9. **Шадже А.Ю.** Динамика социокультурных трансформаций на Северном Кавказе / А.Ю. Шадже, О.Н. Дамения. – Майкоп, 2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ej.kubagro.ru/2006/03/pdf/23.pdf> 74 (дата обращения: 30.07.2021).

Murtuzaliev S.I.

The relevance of studying the problems of mountain areas

European and republican laws and programs dedicated to mountainous areas are analyzed. A comprehensive study of the causes of migration from the Republic of Dagestan (bordering on other countries) is of interest not only from a scientific point of view, but also from a practical - state - in such a multicultural and polyconfessional region like the Southern Federal District, which has important geopolitical and strategic importance for the Russian Federation.

Key words: Republic of Dagestan, mountainous territory, migration, Southern Federal District, laws, programs.

Делянченко Виталий Николаевич,
канд. пед. наук, доцент кафедры
политических наук и регионалистики
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
delyanchenko79@bk.ru

Терроризм как фактор политического насилия

Статья посвящена анализу терроризма как формы политического насилия через призму процессов глобализации и либерализации современного общества. В исследовании рассматривается структура данного явления, приводятся основные факторы его проявления, раскрываются причины возникновения и тенденции возможного развития.

Ключевые слова: политический терроризм, глобализация, политическая трансформация, политическое насилие.

Состояние современного мира характеризуется процессами глобализации. Это объективное явление, сопровождающееся информационной, экономической, политической трансформацией, а также влиянием неолиберального глобализма, направленного на захват и универсализацию рынков сбыта, что зачастую не совпадает с курсом развития того или иного государства, его национальных интересов. Приверженцы неолиберализма широко применяют квинтэссенцию глобализации для доказательства единственно возможного и верного пути развития в рамках мировой эволюции, возможности реализоваться в ходе неолиберальной трансформации, складывающихся экономических отношений и связанных с ними социокультурных изменений.

Очевидно, что данная стратегия развития цивилизации содержит скрытую противоречивость и генерирует глобальное неравенство как атрибут современного мира, стимулируя его прогрессивную динамику. По данным экспертов ООН, лишь 1% людей в мире относится к самым богатым, что приравнивается к доходам 57% самого бедного населения нашей планеты [5, с. 15].

Поляризация бедных и богатых, перманентная борьба за ресурсы и рынки сбыта, агрессивный экспорт ценностей Западного мира – эти атрибуты политики неолиберального глобализма вызывают закономерную реакцию в различных регионах и странах представителей различных слоев населения и конфессий, что чревато проявлениям самых радикальных форм ксенофобии, экстремизма, фундаментализма, проявляющихся в различного рода конфликтах, в том числе таком их крайнем проявлении, как терроризм.

Терроризм – явление в человеческой истории не новое. Особенно обострилась эта опасность в наше время, причем практически во всех уголках мира. Акции террористов в мирных городах и населенных пунктах стали распространенным средством выдвижения политических требований преступных группировок, незаконных вооруженных формирований, а также сведения счетов между политическими партиями и государствами. Особую тревогу мирового сообщества вызывает то обстоятельство, что использова-

ние террористами средств уничтожения, изготовленных на основе новейших технических достижений, не всегда удастся преодолеть или остановить, что делает угрозу теракта реально осуществимой.

Терроризм стал серьезной угрозой для всего цивилизованного мира. Он превращается в фактор, от которого, без преувеличения, зависит судьба как отдельных государств, так и всего человечества. Поэтому возникает необходимость в исследовании терроризма как формы насилия и политического насилия, в частности.

Насилие – это преднамеренное действие, направленное на нанесение человеку убытков или на его уничтожение [6, с. 72–82]. Политическое же насилие можно определить как особый тип действий, посредством которого воля одного лица или группы лиц навязывается остальному обществу, чаще всего с целью овладения властью, прежде всего, государственной, ее реализации, распределения, защиты. Для этого используются самые разнообразные средства, а чаще всего – физическое насилие.

Одной из распространенных форм современного политического насилия является терроризм. Это особый тип действия, когда воля террористов, террористических организаций навязывается, как правило, представителям власти, должностным лицам с помощью физической расправы или угрозы ее использования. Террористы преследуют конкретную цель – свержение существующего режима, изменение курса правительственной политики, дестабилизацию положения в отдельных странах, регионах и т.п.

Особенностью терроризма является, во-первых, связь насилия, которое используют террористы, с установкой на запугивание объектов террористических действий и, во-вторых, публичный характер его осуществления, ориентация на широкую огласку и общественный резонанс.

Итак, терроризм – это форма политического насилия, направленная на осуществление политических целей путем принуждения государственных органов, международных и национальных организаций, государственных и общественных деятелей, отдельных граждан или их групп к совершению тех или иных действий в пользу террористов методом реализации последними угроз в отношении определенных лиц или групп, а также объектов жизнеобеспечения общества, источников повышенной опасности для людей и окружающей среды [2, с. 36–53].

Для того, чтобы разобраться в предпосылках политического терроризма, осуществим структурный анализ терроризма как формы политического насилия, исследуем основные его компоненты, рассмотрим совокупность факторов, представляющих оболочку этого явления и характеризующих условия и причины его возникновения, а также основные тенденции развития.

В качестве основных причин проявления терроризма принято считать политические, социальные, экономические, религиозные, идеологические, националистические, сепаратистские, этнографические, психологические, территориальные и другие явления, которые могут породить различные, иногда непримиримые, противоречия и конфликты в обществе. Их решение субъекты террористической деятельности видят только в насильственном воздействии на представителей властной элиты или на определенные группы общества.

Системообразующими в детерминации причин терроризма являются политические факторы. По мнению П.А. Кабанова и Т.С. Муллагалеевой, основными из них являются: репрессии со стороны правящей элиты в отношении оппозиционных политических партий; навязывание правящей элитой нетрадиционных для общества социально-политических нововведений; обострение внутривнутриполитических конфликтов внутри самой страны; столкновения политических интересов государств в определенном регионе; ошибки правительства в национальной политике; целенаправленное разжигание национальной розни отдельными людьми, группами, партиями; агрессия по отношению к другому государству и его оккупация; поощрение терроризма на уровне государственной политики; недовольство деятельностью правительств иностранных государств, через которые осуществляются террористические акты против его представителей и учреждений [7, с. 47–60].

Одним из важнейших элементов терроризма как формы политического насилия являются его субъекты. Они образуют довольно разветвленную сеть государственных и негосударственных структур, которые часто находятся в сложных отношениях взаимодействия и противоборства друг с другом. Эти субъекты можно разделить на две условные группы – заказчиков и исполнителей.

Заказчиками террористических актов могут выступать отдельные государства, политические партии и движения. Они инспирируют или поддерживают определенные террористические организации, используя их в собственных политических интересах. Исполнители – это террористические или экстремистские организации, которые непосредственно осуществляют террористические акты. К ним относятся, во-первых, международные и национальные террористические организации, такие, в частности, как правые организации профашистской, расистской и другой реакционной направленности: («Серые волки» в Турции, «Расистский-национальный фронт» в Великобритании, «Арийские нации» в США), левые ультрареволюционные террористические организации («Красные бригады» в Италии, «Деф-Сол» в Турции, «Японская красная армия»), националистические организации («ИРА» в Великобритании, «ЭТА» в Испании, «Черный сентябрь» в Палестине), революционно-политические террористические организации («Хезболла» в Ливане, «Братья-мусульмане» в Египте, Сирии, Саудовской Аравии), исламские экстремистские террористические организации («Аль-Каида», «ИГИЛ» на территории Сирии и Ирака). Во-вторых, исполнителями террористических актов могут быть и экстремистские организации антиконституционной направленности внутри отдельной страны, использующие насилие как основной метод политической борьбы и предполагающие применение терроризма. Сейчас такие организации существуют как в традиционных районах распространения терроризма, так и в странах, где о нем раньше ничего не знали. В-третьих, преступные мафиозные организации международного и национального уровня все чаще прибегают к использованию террористических методов или тесно блокируются с собственно террористическими структурами. Яркий пример – мафиозные наркоструктуры в Латинской Америке и других регионах мира.

К субъектам террористической деятельности могут относиться также спецслужбы определенных государств и их подразделения, созданные для осуществления террористических акций. Речь идет, прежде всего, о государствах с антидемократическими, авторитарными режимами или о странах, которые находятся в остром противоборстве с внешнеполитическими противниками и ведут борьбу с политической оппозицией в зарубежье, в среде эмигрантов. Однако под влиянием изменений в международной обстановке и под давлением мировой общественности практика участия спецслужб в террористической деятельности постепенно сокращается.

Объектами терроризма, то есть теми, на кого направлено воздействие террористов, чью волю они узурпируют и от кого требуют совершения выгодных для них действий, становятся как должностные лица, представители органов государственной власти, так и мирные граждане стран и регионов. Речь идет о том, что неперменной чертой терроризма является его ориентация на достижение психологического устрашения, эффекта запугивания, вызванного терактом. Террористические акты транслируют послания, адресованные не только политическим и государственным деятелям – то есть тем, кто непосредственно должен осуществить выгодные террористам действия, они направлены и на обычного человека, «кого необходимо заинтересовать» в совершении теракта. Это могут быть определенные социальные слои, этнические, религиозные, национальные сообщества. От объектов терроризма следует отделять объекты террористических устремлений. Это то, чем непосредственно наносится ущерб или угроза его причинения. С учетом особенностей механизма осуществления террористической деятельности можно выделить две основные группы таких объектов. Условно их можно назвать государственные и частные.

Первая группа – государственные объекты – это общие объекты стремлений, по которым предъявляются цели их ослабления, подрыва, дезорганизации. К ним относятся международная безопасность, внутренняя и внешняя безопасность страны, ее международные связи, позиции и интересы; основы общественного строя, политическая организация общества, государственная власть и ее институты; общественная безопасность.

Вторая группа – частные объекты – жизнь, здоровье, свобода конкретных лиц; безопасность большого количества людей на разных объектах, средствах транспорта, промышленных производствах; существование и нормальное функционирование определенных материальных объектов – органов жизнеобеспечения населения, предприятий по производству, использование или хранение особо опасных материалов и т.д.

Все они являются объектами непосредственного насильственного, террористического воздействия. Применяя в отношении их насилие или угрожая применить его, террористические организации рассчитывают на запугивание политических противников и таким образом предусматривают добиться задекларированных целей.

В самом общем виде конечной целью терроризма является изменение поведения объектов терроризма – дезорганизация работы органов власти и управления, срыв мероприятий, имеющих политическое значение, осуществ-

вление выгодных террористам тех или иных действий: получение различных уступок, освобождение единомышленников; морально-психологичное подавление или ослабление противников и т.д. [4, с. 11–16].

Цели террористических организаций в значительной степени определяют выбор объектов насилия, методов и средств их осуществления. В зависимости от направленности деятельности террористических группировок, сферы политических отношений, в которой эта деятельность осуществляется, можно выделить внутривнутриполитические и внешнеполитические цели терроризма.

Внутриполитическими целями становятся изменение общественного строя, политического режима страны; дестабилизация внутривнутриполитической обстановки; подрыв авторитета власти и доверия к ней населения; дезорганизация деятельности государственного аппарата; провоцирование государственной власти на осуществление действий, которые могут скомпрометировать ее в глазах населения и оправдать действия террористов; срыв определенных мероприятий органов власти и управления; подрыв влияния конкурирующих политических партий и организаций; дезорганизация их деятельности посредством организации покушений на их лидеров и активистов.

К внешнеполитическим целям терроризма можно отнести изменение курса взаимоотношений той или иной страны с другими государствами с целью освобождения от иностранной зависимости; срыв международных акций по решению региональных или международных конфликтов; создание неблагоприятных условий для деятельности граждан и учреждений государств за рубежом; протест против внешней политики отдельных стран или блоков; подрыв авторитета определенных государств на международной арене и т.п.

Кроме классификации по объектам террористического воздействия, цели терроризма можно разделить на стратегические и тактические. Главным критерием разграничения здесь является масштаб и содержание террористической деятельности. Так, возможными стратегическими целями террористических организаций является свержение существующего политического режима, изменение курса правительственной политики и т. п. Реализация их является необходимым условием достижения конечных целей программных установок террористических структур.

Тактические цели характеризуют повседневную деятельность террористических организаций и могут варьироваться. В общем виде они направлены, во-первых, на достижение промежуточных, ограниченных результатов для подготовки реализации крупномасштабных, стратегических целей. Во-вторых, значительное место среди тактических целей занимает обеспечение материальных и финансовых средств для продолжения деятельности организаций, проведения террористических акций.

Методы терроризма как формы политического насилия определяют то, каким образом осуществляется навязывание воли субъектов террористической деятельности остальным лицам, то есть, как осуществляются собственно террористические акты. В целом эти методы можно сгруппировать в четыре условных блока.

Первыми появились методы, связанные с прямым физическим причинением ущерба жизни, здоровью или ограничением свободы человека. Это так

называемые исторически традиционные методы осуществления террористической деятельности. К ним относятся посягательства на жизнь и здоровье людей, лишение или ограничение их свободы путем незаконного пленения, похищения, насильственного лишения людей возможности связаться с внешним миром, удержание силой в месте нахождения – в транспортном средстве, служебном помещении и т.п.

Вторая группа методов предусматривает совершение разрушительного влияния на промышленные предприятия, средства жизнеобеспечения населения, объекты энергетики, коммуникации и т.п.. Такие методы еще недавно не имели значительного распространения, однако в настоящее время используются в связи с возможностью осуществления таким способом влияния на большие массы людей и на объекты, разрушение которых может вызывать масштабные экологические катастрофы. Другими словами, качественный рост роли методов этой группы в системе терроризма обуславливается новыми стратегическими установками террористических структур – усилить запугивание политических противников, что, по мнению террористов, должно повысить весомость целей и требований, которые они выдвигают.

Третья группа методов появились сравнительно недавно. Их называют методами психологического воздействия. Это, в основном, действия демонстративного, устрашающего характера. Главные из них – открытые или анонимные угрозы в адрес должностных лиц, общественных деятелей.

Четвертый блок методов террористической деятельности имеет организационный характер. Это многочисленные способы организации деятельности террористических структур и подготовки террористических актов. Главные из них – вербовка участников террористической деятельности, организация их обучения, поставка средств террористической деятельности и обеспечения террористов финансированием, документами прикрытия, предоставление конспиративного укрытия и скрытого содержания жертв террора.

В зависимости от целей и задач террористической деятельности, а также основных объектов стремлений террористических структур, терроризм может выступать в различных формах. На сегодняшний день основными из них являются организация взрывов, поджогов, разрушение и уничтожение материальных объектов, убийства и тяжкие телесные повреждения отдельных лиц (государственных и политических деятелей, бизнесменов, представителей СМИ, правоохранительных органов, общественно-политических организаций); похищение людей и удержание заложников, угроза расправой в адрес государственных и общественных деятелей, опасных для террористов; создание террористических организаций, оказание им помощи путем финансирования экстремистских структур, обеспечение их средствами террористической деятельности, обучение террористов, их укрытие после совершения теракта и т.п. Все это вытекает из сущности террористических организаций, их целей, субъектов, объектов и методов осуществления преступлений.

Что касается тенденций развития терроризма как формы насилия, то, по мнению Ю.И. Авдеева, основными из них являются: 1) интенсивный рост общественной опасности терроризма как для международных отношений и международной безопасности, так и для национальной безопасности, кон-

ституционного строя и прав граждан; 2) расширение социальной базы терроризма путем привлечения к террористической деятельности представителей различных слоев населения и формирование стабильных группировок, которые разделяют политические устремления террористических организаций; 3) превращение терроризма в долговременный фактор современной жизни; рост организованности и управляемости террористических организаций; 4) создание блоков террористических организаций в отдельных странах и во всем мире; 5) объединение терроризма и организованной преступности; 6) усиление связей между государственным, международным и внутренним терроризмом [1, с. 157–175].

Интенсивное изменение терроризма в сторону усиления его общественной опасности является интегративной тенденцией. Общественная опасность возрастает по нескольким направлениям: интенсивно растет количество актов террористической деятельности. За последние три десятилетия в мире совершено более 10000 широко известных террористических акций, нашедших отражение в мировых СМИ. Так, по данным Национального антитеррористического комитета России, только в 2020 году в Российскую Федерацию не пустили 149 человек, причастных к терроризму и экстремизму. Также сотрудники спецслужб и правоохранительных органов в этом же году предотвратили на территории России свыше 40 террористических актов, ликвидировали 49 боевиков, задержали 36 бандглаварей. Кроме того, изъято около 600 единиц огнестрельного оружия, 134 самодельных взрывных устройства, свыше 100 тыс. патронов, а также более 3 тыс. мин, гранат и иных боеприпасов, ликвидированы 50 нелегальных мастерских по производству и переделке оружия [8].

По уровню организованности терроризм на протяжении XX века развивался от деятельности террористов-одиночек до возникновения террористических групп, крупных организаций, политических террористических формирований левого, ультраправого, националистического и религиозного характера. Далее – к созданию транснациональных террористических объединений типа «Аль-Каиды» и «ИГИЛ». Кроме того, совершенствуется материально-техническое и финансовое обеспечение терроризма. Террористы используют мощные взрывные устройства, средства массового поражения (химические, биологические, ядерные) и даже людей-смертников для достижения своих целей.

По национальному и транснациональному масштабу деятельности терроризм ширится от локального места преступления до охвата целых городов, стран, регионов с организованной и систематической террористической деятельностью. Кроме этого, имеет место тенденция роста терроризма по степени тяжести его последствий и количеству человеческих жертв. В среднем темпы роста человеческих жертв на порядок опережают темпы роста самих террористических актов. По характеру и объему целей и объектов стремлений терроризм следует от убийства отдельного лица к свержению легитимной власти, разрушению государства, фактическому уничтожению целых народов.

Такие тенденции свидетельствуют, что политический терроризм становится фактором глобального значения, продуктом глобализации или «замене-

нителем новой мировой войны» [3, с. 3–23]. А потому с терроризмом сталкиваются правительства всех стран и мировое сообщество в целом. Очевидно, что изъятие терроризма как формы политического насилия из жизни человечества возможно лишь путем глобальной победы над экстремизмом, а также последовательного развития интеграционных тенденций в современном мире в борьбе с террористической угрозой.

Список литературы

1. **Авдеев Ю.И.** Основные тенденции современного терроризма / Ю.И. Авдеев // Современный терроризм: состояние и перспективы / под ред. Е.И. Степанова. – М. : Эдиториал УРСС, 2010. – С. 157–175.
2. **Авдеев Ю.И.** Терроризм как социально-политическое явление / Ю.И. Авдеев // Современный терроризм: состояние и перспективы / под ред. Е.И. Степанова. – М. : Эдиториал УРСС, 2010. – С. 36–53.
3. **Гаджиев К.С.** О природе конфликтов и войн в современном мире / К.С. Гаджиев // Вопросы философии. – 1997. – № 6. – С. 3–23.
4. **Гайдук Э.Г.** Терроризм в современном обществе: структура, основные виды и цели / Э.Г. Гайдук // Современное право. – 2002. – №1. – С. 11–16.
5. **Зеленков А.И.** Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития / А.И. Зеленков. – М., 2003. – С. 15
6. **Гусейнов А.А.** Этика ненасилия / А.А. Гусейнов // Вопросы философии. – 1992. – №3. – С. 72–82.
7. **Кабанов П.А.** Политический терроризм как разновидность криминального политического экстремизма и объект научного познания / П.А. Кабанов, Т.С. Муллагалеева // Противодействие преступности : сб. научн. тр. / под ред. П.А. Кабанова. – Нижнекамск, 2006. – Вып.8. – С. 47–60
8. **ТАСС** [Электронный ресурс]: режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/10197615> – Загл. с экрана. – Дата обращения: 11.12.2021.

Delyanchenko V.N.

Terrorism as a factor of political violence

The article is devoted to the analysis of terrorism as a form of political violence through the prism of the processes of globalization and liberalization of modern society. The article deals with the structuring of this phenomenon, its main components, the causes of its occurrence and the main trends of its possible development.

Key words: *political terrorism, globalization, political transformation, political violence.*

Психологические науки

УДК 159.9

Барышева Елена Ивановна,
канд. псих. наук, доцент,
заведующий кафедрой психологии, профессор
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
helenbar2008@rambler.ru

Переживание тревожности молодыми людьми: особенности и условия возникновения

В статье рассматривается проблема переживания тревожности современными молодыми людьми. Приведен краткий анализ содержания понятий «тревога», «тревожность». Названы ведущие ученые – исследователи проблемы тревожности. Представлены результаты эмпирического исследования различных проявлений и особенностей переживания тревожности молодыми людьми 18–33 лет, находящимися в разных социально-политических условиях. Выборка насчитывает 250 респондентов: 131 чел. проживают на территории Донбасса, 119 чел. – на территории Российской Федерации. В исследовании приняли участие 134 женщины, 116 мужчин.

Определены уровни ситуативной и личностной тревожности респондентов, исследованы показатели активности, самочувствия, настроения испытуемых, исследованы уровни тревоги относительно показателей депрессивности личности. Дано качественное описание данных, произведен их сравнительный анализ. Очерчен круг актуальных и перспективных проблем исследования тревожности в психологической науке и практике.

Ключевые слова: личностная тревожность, ситуативная тревожность, тревога, ресурсы личности, активность, настроение, самочувствие.

Одним из самых распространенных запросов клиентов психологической консультации является переживание высокой степени тревожности: ощущения небезопасного пространства, ожидание возможных неприятностей, опасения каких-либо страшных, опасных, критических событий, вероятности того, что что-то случится плохое. Проблема тревожности является одной из сложных для коррекции в ходе психологической работы. Появление чувства личностной тревожности непосредственно связано с состоянием стресса у человека, пребыванием его в состоянии перманентной напряженности и высокой интенсивности деятельности.

Ситуация на Донбассе последних лет является тем тревожным фоном, который при кажущейся подконтрольности ситуации, формирует неблагоприятный психоэмоциональный контекст в социуме и создает условия для переживания личностью высоких стрессовых нагрузок, состояний тревоги и напряженности, нарушения психологической безопасности, что непосредственно влияет на состояние психологического и соматического здоровья общества. Значительное количество клиентов психологической консультации

нуждаются в психологической коррекции и психотерапии тревожности и тревожных расстройств.

В психологической литературе сосуществуют два базовых термина, которые в ряде случаев используются как синонимы, но чаще разводятся в качестве самостоятельных понятий: тревога и тревожность. При этом ещё полвека назад это различие было неочевидным. Сейчас эта дифференциация характерна как для отечественной, так и для зарубежной психологии [5]. В самом общем смысле, согласно «Краткому психологическому словарю», тревога определяется как эмоциональное состояние, возникающее в ситуации неопределенной опасности и проявляющееся в ожидании неблагоприятного развития событий. [3]. В отличие от тревоги, тревожность в современной психологии рассматривается как психическое свойство и определяется как склонность индивида к переживанию тревоги, характеризующаяся низким порогом возникновения реакции тревоги [3].

Тревога рассматривается как неблагоприятное по своей эмоциональной окраске состояние или внутреннее условие, которое характеризуется субъективными ощущениями напряжения, беспокойства, мрачных предчувствий [8]. По мнению Ч.Д. Спилбергера, она представляет собой генерализованный, диффузный или беспредметный страх, источник которого может оставаться неосознанным [8].

Определение тревоги (тревожности) как понятия находим в работах классиков психологии А. Адлера, Р. Лазаруса, З. Фрейда, А. Фрейд, К. Хорни и др. Исследования Г.М. Бреслав, А.И. Захарова, Т.Л. Крюковой, Н.Д. Левитова, А.М. Прихожан, Ч.Д. Спилбергера, Н.Ю. Синягиной, Ю.Л. Ханина и др. отечественных и зарубежных ученых внесли существенный вклад в понимание этого феномена [1; 2; 4; 5; 6; 7; 8]. Современные исследования открывают новые аспекты данной проблемы, об этом: С.А. Водяха, 2000; И.Г. Швец, 2001; С.В. Белов, 2001; Л.М. Костина, 2002; А.С. Дронова, 2003; Т.Л. Крюкова, 2004, 2005; Ю.А. Смирнов, 2007; О.В. Кузнецова, 2009 и мн.др.

Г.М. Бреслав определяет тревожность как личностную черту, отражающую уменьшение порога чувствительности к различным стрессовым агентам. Тревожность выражается в постоянном ощущении угрозы собственному «Я» в любых ситуациях. [1].

По А.М. Прихожан, тревожность – это переживание эмоционального дискомфорта, связанное с ожиданием неблагоприятного, с предчувствием грозящей опасности. Исследовательница выделяет тревожность как эмоциональное состояние и как устойчивое свойство, черту личности или темперамента [6].

Н.Д. Левитов рассматривает тревожность как психическое состояние, выражающееся в переживании опасений и нарушения покоя, вызываемых возможными неприятностями [4].

А.И. Захаров считает, что тревожность – это склонность к беспокойству, недостаточная внутренняя согласованность чувств и желаний.

Таким образом, понятие «тревожность» в психологической науке обозначает состояние человека, которое характеризуется повышенной склонностью к переживаниям, опасениям и беспокойству, имеющей отрицательную эмоциональную окраску [2].

Оценка тревожных переживаний как эмоционально негативных – характерная отличительная особенность обращений клиентов психологической консультации. Тревожность как проявление стрессовой симптоматики, особенно высокая деморализующая степень тревожности, требует коррекционных усилий. Однако стресс является неотъемлемой частью жизни, и оптимальный уровень тревожности – естественная и обязательная особенность активной деятельности личности. У каждого человека существует свой оптимальный уровень тревожности – это, так называемая, полезная тревожность. Она призвана выполнять «охранную», упреждающую функцию, дает возможность личности обратить внимание на определенные обстоятельства, имеющие потенциальную опасность, отрефлексировать текущую ситуацию. Напротив, высокая тревожность проявляется в тенденции оценивать объективно неопасные явления, события как источник тревоги. Тревожные люди ощущают, почти постоянно, присутствие потенциальной опасности, ожидают и боятся вероятности трагических событий, которые могут произойти с ними или их близкими, боятся трудностей, чувствуют себя неуверенно в обществе.

Мы понимаем, что тревожность должна иметь под собой какие-то основания, то есть она возникает либо по поводу каких-то угрожающих ситуаций (и тогда это объективная характеристика ситуации), либо отражает отношение к ситуации, которая субъективно воспринимается как угрожающая (и тогда это могут быть любые ситуации, а восприятие зависит от субъективного ощущения безопасности человека).

Традиционно тревожность подразделяют на ситуативную (возникшую по какому-либо поводу и исчерпавшую себя после завершения ситуации) и личностную (характеризующую локус отношения к окружающей действительности и приближающуюся к личностной характеристике человека, присутствующую у человека почти постоянно). Известным исследователем тревожности является Ч.Д. Спилбергер. Именно он выделяет две формы тревожности – как состояние (СТ) и как свойство (ЛТ) [8].

Ю.Л. Ханин объясняет личностную тревожность следующим образом: «Личностная тревожность – это относительно устойчивая индивидуальная характеристика человека, дающая представление о его склонности:

а) воспринимать достаточно широкий круг ситуаций как угрожающих его самооценке, самоуважению и престижу;

б) реагировать на эти ситуации проявлением состояния тревоги» [7].

Жизненный опыт человека, отражающий частоту и интенсивность испытываемых состояний тревоги, непосредственно влияет на формирование тревожности как черты личности. [6]. Есть целый ряд проблемных вопросов в изучении тревожности, например, является ли она врожденным, генетически обусловленным, свойством или все же доминирующим фактором в ее формировании являются травмирующие жизненные обстоятельства или объективно угрожающие ситуации. Интересным является и прояснение роли родительского воспитания и примера в ситуации реагирования на жизненные обстоятельства в формировании тревожности у ребенка, а затем и у подростка, молодого человека; как родительская позиция и ценности семьи могут обуславливать проживание личностью трудных жизненных ситуаций и справляться

с ними. Как видим, круг перспективных научных проблем в исследовании тревожности довольно широк.

В данной статье мы ставим своей целью рассмотреть особенности переживания тревожности молодыми людьми. Молодость – один из наиболее продуктивных и мобильных возрастов человека. С молодежью вполне справедливо связывают непосредственное будущее нашей цивилизации и ее дальнейшие перспективы. Можно сказать, что в современной психологии немного исследований, касающихся специфических именно для молодости особенностей переживания состояний тревожности, во всяком случае, их несравнимо меньше, чем информации о детских возрастах.

В качестве выборки в исследовании участвовали 131 чел., проживающие в Луганске и прилегающих территориях Донбасса, и 119 чел., молодых людей, проживающих в Ростовской области Российской Федерации.

Ситуация в Донбассе, сложившаяся с 2014 года и продолжающаяся до настоящего времени, поставила под удар психоэмоциональное состояние людей, проживающих в зоне боевых действий, в условиях экстремальных ситуаций. При этом страдает население не только обстреливаемой линии соприкосновения сторон, но в целом территория непризнанных республик, поскольку вся территория, все население живут и работают в условиях военного противостояния.

Такой выбор участников исследования дает нам возможность сравнить особенности переживания и наличие/отсутствие тревожности в жизненном пространстве молодых людей, проживающих в разных социально-политических условиях. Из всей выборки 250 чел.: 134 женщины и 116 мужчин, возраст от 18 до 33 лет. 131 респондент проживают в зоне военного конфликта на территории Донбасса и 119 чел., проживающих в РФ. В состав обеих групп вошла студенческая и работающая молодежь.

В исследовании использовался следующий диагностический инструментарий: 1) методика диагностики самооценки уровня тревожности Ч.Д. Спилбергера, в адаптации Ю.Ханина; 2) методика измерения уровня тревожности Тейлора, в адаптации Т.А. Немчинова; 3) диагностика тревожности и депрессии (ТИД); 4) опросник САН.

Остановимся на некоторых результатах.

По методике диагностики самооценки уровня тревожности Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина, молодые люди, проживающие в зоне боевых действий, 38,7% демонстрируют низкий уровень ситуативной тревожности, низкий уровень личностной тревожности на этой же выборке всего 3,2% респондентов. Высокий уровень ситуативной тревожности имеют 6,45% респондентов, высокий уровень личностной тревожности – у 51,6% выборки. Как видим, наиболее существенные показатели касаются личностной тревожности, показателей ее высокого уровня. Значительное количество людей переживают высокую напряженность, ощущение нестабильности, ненадежности социального пространства, окружающий мир не кажется безопасным, присутствует ощущение утраты опоры. Проживание в условиях экстремального социума создает постоянное ощущение тревоги или тревожного ожидания, к тому же то, что имеет значение особенно для молодежи, выстраивание своей жизнен-

ной перспективы и желание стабильности и уверенности в будущем, как раз находится под угрозой.

Молодые люди, проживающие в условиях мирного времени, демонстрируют по данной методике следующие результаты. Низкий уровень ситуативной тревожности у 63,15% респондентов, низкий уровень личностной тревожности – у 15,8% молодых людей. Высокий уровень ситуативной тревожности – 21%, высокий уровень личностной тревожности – 36,8%. Мы видим явную разницу высоких показателей ситуативной тревожности в сторону более высоких показателей в мирной выборке. очевидно, связано с доминированием переживаний, касающихся текущих ситуаций, повседневных стрессов, высокой интенсивности и насыщенности событиями. Даже если это повседневные стрессы, они все равно способны повысить уровень ситуативной тревожности в связи с пролонгированным воздействием в интенсивном режиме.

Личностная тревожность в разы выше в выборке респондентов, проживающих в зоне боевых действий. Это представляется логичным, поскольку постоянная ситуация нестабильности, неуверенности в будущем, переживания по поводу возможного ухудшения социально-политической обстановки создает постоянный тревожный фон, истощает нервную систему молодых людей. Кроме того, часть респондентов имеют травмирующий опыт, что усиливает симптоматику тревожности. Тревожность будет сопровождать активность личности в различных сферах ее жизни. Это в очередной раз убеждает нас в необходимости оказания психологической помощи людям с высоким уровнем личностной тревожности.

Результаты методики САН (самочувствие – активность – настроение), показывают, что молодые люди, находящиеся в зоне боевых действий, имеют хорошее самочувствие в 52% случаев, нормальное самочувствие – 45% выборки, о плохом самочувствии говорят 3% респондентов.

Показатели высокой активности обнаружены у 23% респондентов, низкая активность характерна для 3% выборки, нормальный уровень активности, ассоциированный со средним уровнем, характерен для 74% респондентов.

Несмотря на сложную в целом жизненную ситуацию, для молодежи Донбасса в большей степени характерен высокий уровень настроения – 57% респондентов, средний уровень настроения присущ 36% и низкий уровень настроения имеют 7% испытуемых.

У молодых людей, проживающих на территории Ростовской области, по методике САН были получены следующие результаты: высокий уровень самочувствия присущ 47% выборки, нормальный уровень самочувствия был обнаружен у 48% респондентов и плохое самочувствие оказалось у 5% испытуемых. Как видим, по данному параметру существенной разницы между различными выборками нет.

Высокий уровень активности характерен для 26% респондентов, нормальный уровень активности наблюдался у 63% молодых людей и низкий уровень активности обнаружился у 11% испытуемых. Показатели в целом сходны, низкий показатель по активности выше в «мирной» выборке. Несущественное количество людей с низкой активностью, проживающих в зоне боевых действий, на наш взгляд, объясняется тем, что проявление настоя-

чивости, инициативы, жизнестойкости – важные элементы для выживания в этих условиях. На территориях Донбасса остались люди, которые готовы отстаивать свою позицию, активно влиять на происходящие события, брать на себя ответственность. Это в полной мере относится и к молодежи. Пребывание же в условиях стабильного социума, возможно, не требует столь остро проявления своей активности, и поэтому появляется большее количество молодых людей, ведущих инертный образ жизни.

Высокий уровень настроения выявлен у 47% выборки, нормальный эмоциональный фон показывают 42% испытуемых и низкий уровень настроения был обнаружен у 11% молодых людей.

Несколько более оптимистичные показатели по шкале настроения в пользу выборки проживающих в зоне конфликта, возможно, свидетельствуют о наличии психологических ресурсов у молодых людей. Экстремальные ситуации в жизни, как правило, приводят к существенной переоценке жизненных смыслов и учат ценить повседневные радости, отличать существенное от рутинного и второстепенного. В силу своих особенностей – мобильности, позитивного мышления, становления в личностном и семейном плане доминирует все же позитивный эмоциональный фон. Возможно, они определяют этот период своей жизни и сложившуюся ситуацию как время психологической закалки и адаптации.

Методика измерения уровня тревожности Тейлора, в адаптации Т.А. Немчинова, в основном подтвердила результаты, полученные по методике диагностики самооценки уровня тревожности Ч.Д. Спилбергера, в адаптации Ю. Ханина.

Сделаем некоторые выводы.

1. На первый взгляд, проблеме тревожности в различных ракурсах ее изучения уделялось достаточное внимание в психологической науке, что, как правило, рассматривается как доказательство ее разработанности и как показатель достаточности наличествующих знаний по проблеме. Однако, как показывает практика, многие аспекты остаются недостаточно изученными: это и специфика психологического консультирования клиентов различных категорий с высоким дезорганизующим уровнем тревожности, и изучение выработанных личностью копинг стратегий в преодолении переживания тревожности, и определение компенсирующей роли копинг ресурсов и способности их расширения в преодолении данного состояния, и влияние различных факторов на появление разного уровня переживания тревожности и мн.др.

2. Проблема личностной тревожности, на наш взгляд, вышла на другой уровень осмысления, поскольку ее параметры изменились в связи с радикальными изменениями в жизни социума, ростом экстремальных ситуаций, с которыми люди могут столкнуться и которые зачастую им неподконтрольны. Как следствие, все большее количество людей переживает неуверенность в завтрашнем дне, ощущает неопределенность, утрату контроля над ситуацией, фрустрированность и, соответственно, высокий уровень тревожности, дезорганизующий жизнедеятельность. Таким образом, исследование тревожности в психологической науке уходит от изучения отдельных проявлений тревожности в каких-либо возрастах или видах деятельности и рассматривает этот

феномен как маркер современного состояния психоэмоциональной сферы общества, как показатель нарушения чувства психологической безопасности, результат цейтнот-синдрома.

3. В ходе проведенного исследования на выборках, находящихся в различных социально-политических условиях (зона боевых действий, территория Донбасса и условия мирной жизни, территория Ростовской обл.), мы обратили внимание, что у респондентов с высоким уровнем тревожности утрачивается способность ассоциировать собственное состояние тревожности с какими-либо конкретными происходящими ситуациями или личностными проблемами. Даже при отсутствии таковых, состояние тревожного ожидания способно дезорганизующим образом действовать на психическое состояние личности, вызывая напряженность, раздражительность, несобранность, растерянность, что говорит о высоком уровне стресса, происходит соматизация тревоги, проявляющаяся в обострении хронических заболеваний, нарушении сна, ухудшении когнитивных функций.

4. Стоит отметить, что описание переживаемых тревожных состояний респондентами, проживающими в различных условиях и имеющих отличия в жизненном опыте, говорят о том, что личность, находящаяся в экстремальных условиях, способна находить ресурсы для преодоления сложных жизненных ситуаций. Не последнюю роль в этом, на наш взгляд, играет способность к сопротивлению, способность брать на себя ответственность в той мере, в которой ты можешь повлиять на ситуацию, и способность принять то, что не можешь изменить. Кризисная ситуация может восприниматься жизнестойкой личностью как ситуация испытания, проверки себя, как ситуация переосмысления, прорыва, нового этапа развития и преодоления, что, на наш взгляд, расширяет диапазон используемых личностных ресурсов.

Таким образом, мы видим многогранность проблемы психологического осмысления феномена личностной тревожности и широкие перспективы изучения ее различных сторон в психологической науке и практике.

Список литературы

1. **Бреслав Г.М.** Психология эмоций : учеб. пособие для вузов. / Г.М. Бреслав. – М. : Смысл, 2007. – 544 с.
2. **Захаров А.И.** Неврозы у детей и подростков. / А.И. Захаров. – СПб., 2007.
3. **Краткий психологический словарь** / под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М. : Академия, 2007. – 432 с
4. **Левитов Н.Д.** Психическое состояние беспокойства, тревоги // Вопросы психологии. – 1969. – № 1. – С. 131–137.
5. **Микляева А.В., Румянцева П.В.** Школьная тревожность: диагностика, коррекция, развитие. / А.В. Микляева, П.В. Румянцева. – СПб. : Речь, 2007. – 248 с.
6. **Прихожан А.М.** Причины, профилактика и преодоление тревожности / А.М. Прихожан // Психологическая наука и образование. – 1998. – № 2. – С. 11–18
7. **Ханин Ю.Л.** Исследование тревоги в спорте / Ю.Л. Ханин // Вопросы психологии. – 1978. – № 6.

8. **Spielberger C.D.** Anxiety: Current trends in theory and research. N.Y., 1972. Vol. 1. P. 24–55

Barysheva E.I.

The anxiety in young people: features and reasons of arising

The article investigates ways in which modern youth deals with anxiety. The article aims to determine features of the experience of anxiety by young people aged 18 - 33 years. All respondents were in different social and political circumstances. The sample of the study is 250 people. 131 people live in the territory of Donbass, 119 people - in the territory of the Russian Federation. Overall, there are 134 women and 116 men, who took part in the study. The conclusions of the article contain qualitative data description, as well as comparative data analysis. The list of the actual and prospective problems to discuss and research in the field of anxiety is also described.

Key words: *personal anxiety, situational anxiety, anxiety, personality resources, activity, mood, well-being.*

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Физико-математические науки

УДК 678.14.045.9:536

Темникова Светлана Владимировна,
канд. техн. наук, доцент,
и.о. зав. кафедрой фундаментальной математики
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
temnikovasvetlana@rambler.ru

Некоторые параметры изотермической кристаллизации пентапласта из расплава и закалённого состояния

В статье проведено исследование процесса изотермической кристаллизации пентапласта из расплава и из закалённого состояния. Анализ полученных результатов выполнен в соответствии с уравнением Аврами.

Ключевые слова: пентапласт, метод теплового анализа, параметры изотермической кристаллизации, уравнение Аврами.

Благодаря уникальному комплексу эксплуатационных свойств, таких как устойчивость к действию растворителей и других реагентов; высокая теплостойкость; отсутствие выделения хлористого водорода при температуре переработки (463 – 503K) основными областями применения высокомолекулярного простого полиэфира – пентапласта (ПТП) являются аппаратура для химической промышленности, медицинская аппаратура, аппаратура (детали), работающие в коррозирующих средах и т.д. [1].

Пентапласт относится к полимерам с малой степенью кристалличности, которая может изменяться в пределах 15–35% [4]. ПТП кристаллизуется в виде двух кристаллических форм: α и β , разница между которыми обусловлена различиями в упаковке смежных цепей макромолекул. Характерным для ПТП является сосуществование α и β -модификаций в достаточно широком интервале температур. При медленном охлаждении расплава ПТП преимущественно образуется α -форма. При быстром охлаждении и последующей выдержке при комнатной температуре или прогреве выше температуры стеклования ($T_c = 278 - 280K$) образуется β -форма [4].

Пентапласт можно легко получить в аморфном состоянии закалкой расплава в жидком азоте, при этом в таком состоянии ПТП может сохраняться длительное время даже при температуре холодильника. Кристаллизация из закалённого состояния приводит к резкому изменению физико-механических характеристик пентапласта: повышаются твердость, теплостойкость, прочностные показатели [3; 4]. В литературе содержится сравнительно мало данных о морфологии структуры пентапласта при кристаллизации из закалённого состояния. Методом электронной микроскопии были выделены структур-

ные образования размером 200–400 Å [4]. Таким образом, пентапласт легко может быть получен как в частично-кристаллическом, так и в аморфном состояниях с достаточно широким интервалом изменения степени кристалличности. Наличие технологически разделенных режимов получения двух модификаций элементарной ячейки позволяет проследить сосуществование двух кристаллических модификаций и полиморфный переход.

Исследование кинетики изотермической кристаллизации пентапласта из расплава и из закалённого аморфного состояния было проведено методом теплового анализа [2]. Калориметр в течение нескольких часов выдерживался в термостате. Расплав пентапласта, выдерживавшийся при температуре 483K в течение $9 \cdot 10^2 c$ для разрушения структурной памяти, непосредственно или после быстрого охлаждения в жидком азоте помещался в рабочую ячейку калориметра.

Калориметрический метод, хотя и не различает процессы зародышеобразования и роста кристаллитов, а только регистрирует скорость валовой кристаллизации, позволяет во многих случаях провести анализ кинетики кристаллизации согласно с уравнением Авраами [2], описывающим переход вещества из жидкой фазы в кристаллическую как функцию времени:

$$\frac{x_t - x_\infty}{x_\infty} = \exp(-K_n t^n), \quad (1)$$

где x_∞ и x_t – доли вещества, подвергшихся фазовому переходу ко времени $t \rightarrow \infty$ и t соответственно, K_n – константа скорости валовой кристаллизации, n – показатель Авраами, зависящий от природы процессов зародышеобразования и роста кристаллитов. Константу скорости валовой кристаллизации можно выразить соотношением:

$$\frac{1}{n} \lg K_n + \frac{\Delta F_{ВЛФ}}{2,3RT} = A_n - \frac{K_g T_{пл}^0}{T \Delta T} \quad (2)$$

где $K_g = 4b_0 \sigma \sigma_e / 2,3k \Delta H_{пл}$, A_n – параметр, зависящий от количества гетерогенных центров зародышеобразования и максимальной скорости роста зародышей, b_0 – толщина поверхностного зародыша, $\Delta F_{ВЛФ}$ – энергия активации процесса переноса, $\Delta H_{пл}$ – энтальпия плавления, σ и σ_e – поверхностная энергия боковой и торцевой граней соответственно, $T_{пл}^0$ – равновесная температура плавления. Значения σ рассчитываются по формуле:

$$\sigma = 0,1 b_0 \Delta H_{пл} \quad (3)$$

Двойное логарифмирование уравнения (1) дает уравнение прямой:

$$\lg \left(-\ln \left(1 - \frac{x_t}{x_\infty} \right) \right) = n \lg t + \lg K_n. \quad (4)$$

Перепад температуры на диатермической оболочке калориметра при кристаллизации является пропорциональным удельной мощности тепловыделения N_k [2]:

$$x_t = \int_0^t N_k(t) dt, \quad (5)$$

полный тепловой эффект соответственно:

$$x_\infty = \int_0^\infty N_k(t) dt. \quad (6)$$

Интегрирование с последующей аппроксимацией полученных результатов линейной зависимостью (4) позволяет определить энтальпию процесса кристаллизации $\Delta H_{пл}$, константу скорости валовой кристаллизации K_n , показатель Аврами n , полупериод кристаллизации $t_{1/2}$, калориметрическую степень кристалличности χ .

Процесс кристаллизации протекает очень медленно при температуре ниже 303K и выше 420K. В интервале температур 338–398K он практически заканчивается за $3 \cdot 10^2$ с. Обработка результатов согласно с уравнением Аврами возможна только при достаточно низких скоростях кристаллизации, когда на диаграммной ленте потенциометра удастся записать весь тепловой эффект.

На рис. 1 представлены изотермы кристаллизации образцов пентапласта из расплава и из закалённого состояния.

При кристаллизации пентапласта из закалённого состояния прослеживается хорошее соответствие уравнению Аврами с показателем $n=1,40-1,44$; из расплава – $n=1,60-1,89$ (Табл. 1). На изотермах наблюдаются изломы (изменение показателей Аврами), что свидетельствует о наличии процесса вторичной кристаллизации.

Смещение изотерм кристаллизации пентапласта из расплава вниз вдоль оси ординат с ростом температуры свидетельствует о снижении скорости валовой кристаллизации. При кристаллизации из закалённого состояния с ростом температуры скорость валовой кристаллизации увеличивается (Табл. 1). Таким образом, температурная зависимость константы скорости валовой кристаллизации имеет максимум. Экстраполяция экспериментальных результатов дает для максимума константы скорости значение температуры кристаллизации $T_{кр} = 368$ К.

При больших переохлаждениях степень кристалличности образцов снижается вследствие того, что кристаллизация из расплава происходит очень быстро. При кристаллизации из закалённого состояния вследствие большой вязкости образцов реализуется только кристаллическая β -модификация, что вызывает уменьшение значений степени кристалличности по сравнению со степенью кристалличности образцов, закристаллизованных из расплава.

На рис. 2 и рис. 3 представлены зависимости удельной мощности тепловыделения при изотермической кристаллизации пентапласта из расплава и из закалённого состояния соответственно.

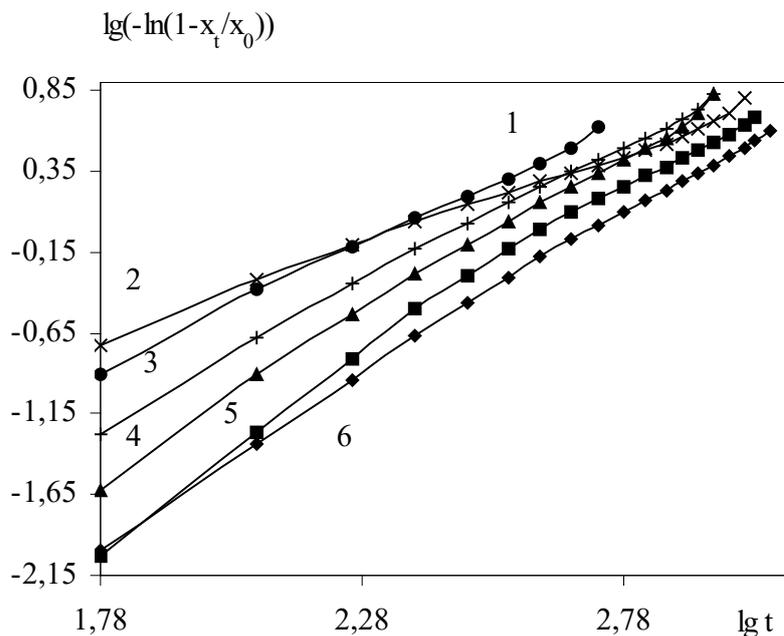

Рис. 1. Изотермы кристаллизации пентапласта из закалённого состояния при $T_{кр} = 331\text{ K}$ (1) и $T_{кр} = 325\text{ K}$ (2) и из расплава при $T_{кр} = 394,5\text{ K}$ (3), $T_{кр} = 400\text{ K}$ (4), $T_{кр} = 402,5\text{ K}$ (5) и $T_{кр} = 406,5\text{ K}$ (6)

Таблица 1

Основные параметры изотермической кристаллизации пентапласта

Температура кристаллизации $T_{кр}, \text{ K}$	Показатель Аврамини n	Логарифм константы скорости валовой кристаллизации $\lg K_n$	Полупериод кристаллизации $t_{1/2}, \text{ c}$	Калориметрическая степень кристалличности $\gamma, \%$
314	1,41	-3,58	260	22,1
319	1,44	-3,53	212	20,6
325	1,41	-3,30	167	14,8
331	1,40	-2,39	160	13,8
394,5	1,60	-3,95	230	25,9
400	1,82	-4,63	279	26,3
402,5	1,89	-4,99	348	27,2
406,5	1,89	-5,16	431	25,8

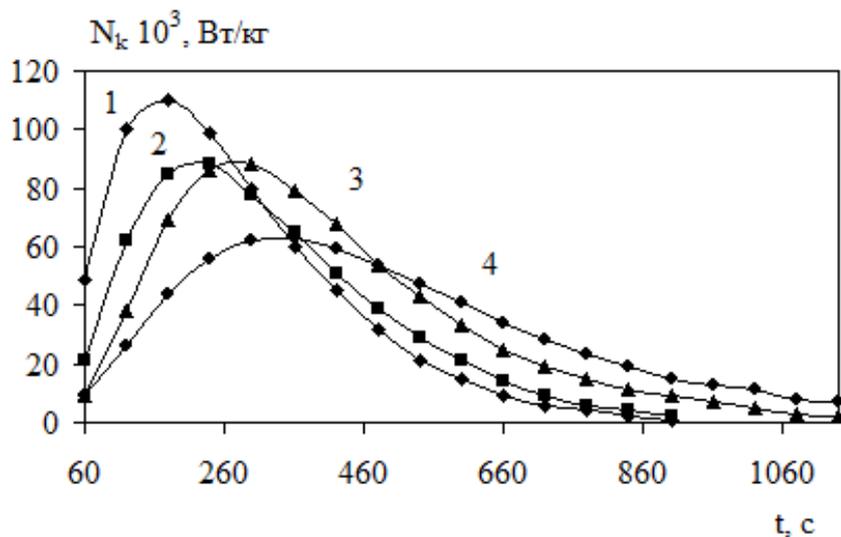

Рис.2. Зависимость удельной мощности тепловыделения при изотермической кристаллизации из расплава пентапласта от времени ($1 - T_{кр} = 394,5 \text{ K}$; $2 - T_{кр} = 400 \text{ K}$; $3 - T_{кр} = 402,5 \text{ K}$; $4 - T_{кр} = 406,5 \text{ K}$)

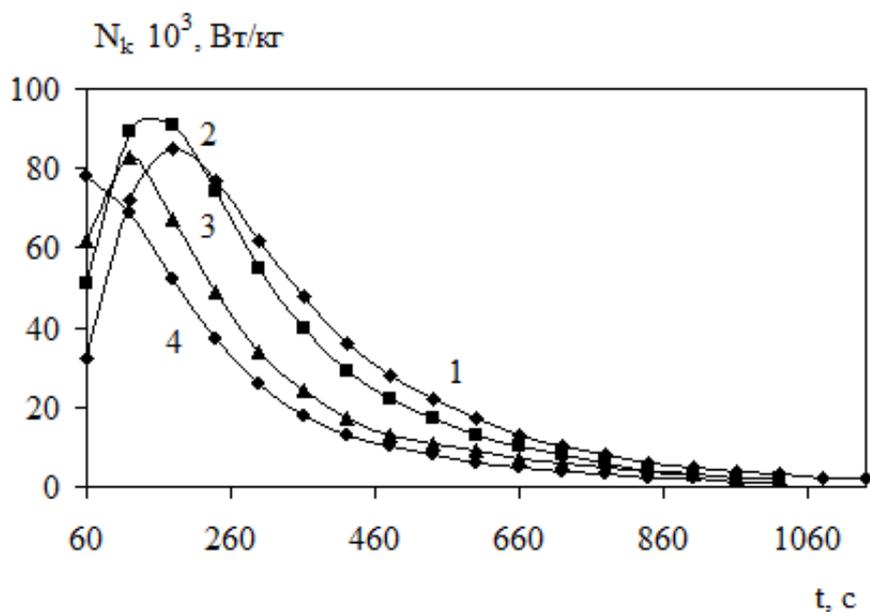

Рис.3. Зависимость удельной мощности тепловыделения при изотермической кристаллизации из закалённого состояния пентапласта от времени ($1 - T_{кр} = 314 \text{ K}$; $2 - T_{кр} = 319 \text{ K}$; $3 - T_{кр} = 325 \text{ K}$; $4 - T_{кр} = 331 \text{ K}$)

При кристаллизации ПТП из расплава максимумы удельной мощности тепловыделения смещаются вправо вдоль оси времени с увеличением температуры и их величина уменьшается. При кристаллизации ПТП из закалённого состояния характерно смещение максимумов удельной мощности тепловыделения влево вдоль оси времени.

Таким образом, анализ процесса изотермической кристаллизации пентапласта позволяет сделать вывод о том, что при кристаллизации образцов из закалённого состояния реализуется только кристаллическая β - модификация, что способствует уменьшению значений степени кристалличности по сравнению со значениями степени кристалличности образцов, закристаллизованных из расплава. Показано, что максимуму константы скорости валовой кристаллизации соответствует значение температуры кристаллизации $T_{кр} = 368$ К. Полученные параметры изотермической кристаллизации из расплава и закалённого состояния дают возможность определить оптимальные технологические параметры переработки ПТП в изделия, что способствует разработке энергосберегающих технологий переработки материалов.

Список литературы

1. **Байгалиев Б.Е.** Композиционные материалы на основе порошковых и гранулированных полимеров / Б.Е. Байгалиев, С.В. Темникова, А.В. Черноглазова // Известия Самарского научного центра РАН. – 2012. – №4(2). – С. 721–724.
2. **Байгалиев Б.Е.** Расчет и получение изделий из полимерных материалов / Б.Е. Байгалиев, С.В. Темникова, А.В. Черенков, А.В. Черноглазова. – Казань : КНИТУ-КАИ, 2016. – 288 с.
3. **Купфер А.В.** Пентапласт. Справочник по пластическим массам / под ред. М.И. Гарбара, В.М. Катаева, М.С. Акутина. – М. : Химия, 1969. – С. 148–154.
4. **Мулин Ю.А.** Пентапласт / Ю.А. Мулин, И.К. Ярцев. – Л. : Химия, 1975. – 120 с.

Temnikova S.V.

Some parameters of isothermal crystallization of pentaplast from the melt and quenched condition

The article studies the process of isothermal crystallization of pentaplast from the melt and from the quenched condition. The analysis of the results obtained was carried out in accordance with the Avrami equation.

Key words: *pentaplast, thermal analysis method, isothermal crystallization parameters, Avrami equation.*

Швыров Вячеслав Владимирович,
канд. физ.-мат. наук, доцент,
доцент кафедры информационных
образовательных технологий и систем
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
slsh@i.ua

Сентяй Роман Николаевич,
ст. преподаватель кафедры информационных
образовательных технологий и систем
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
sentayroman@yandex.ru

Использование латентно-семантического анализа в задачах автоматизации распределения учебной нагрузки

В условиях модернизации системы образования, обновления содержания, методов и форм организации учебного процесса в число приоритетных направлений создания образовательной информационной среды входит совершенствование управления образованием на основе современных интеллектуальных информационных технологий.

В работе рассматриваются возможности автоматизации ряда кафедральных задач с использованием латентно-семантических методов классификации.

Ключевые слова: автоматизация, латентно-семантический анализ, документооборот, python.

1. Введение

Специфика исследования в данной предметной области заключается в том, что заведующий кафедрой, учебная часть, преподаватели часто сталкиваются с задачей обработки больших объемов информации, связанной с учебной нагрузкой, в частности, кроме классических задач анализа учебных планов и дисциплин возникают еще и задачи распределения нагрузки с учетом квалификации профессорско-преподавательского состава, автоматизированного формирования документации по преподавателям, формирования листов анализа распределения и контроля.

Все это свидетельствует о том, что необходим предварительный интеллектуальный анализ данных учебного плана, критериев распределения нагрузки, анализ качественно-количественных показателей и параметров кафедры. Данная проблема актуальна в связи потребностью многих кафедр, необходимостью в систематизации и автоматической обработке специфических данных. Одним из самых перспективных подходов к решению задач автоматической обработки данных учебной нагрузки является подход, основанный на машинном обучении и методах латентно-семантического анализа.

Основные идеи метода латентно-семантического анализа текстов представлены в работах Ландауэра, Дервестера, Фольца [7-10], которые, в свою очередь, опираются на ряд работ по анализу данных и информационному поиску [5, 11, 13] и др.

В последние годы в различных задачах классификации документов успешно используются векторные модели представления информации, которые основаны на латентно-семантическом анализе данных. Латентно-семантический анализ (ЛСА) позволяет, используя статистические методы подсчета частот термов в корпусе текстов, в сочетании с сингулярным матричным разложением выявлять скрытые ассоциативно-семантические связи между исходными документами или терминами.

Соловьев в работе [2] применяет методы ЛСА для моделирования процессов понимания русской спонтанной речи и формирует модель с использованием метода ЛСА. Некрестьянов И. в работах [15, 16] исследует возможности классификации веб-документов и нахождения подобных документов с помощью ЛСА, Бондарчук Д. [1] в ряде своих работ также изучает возможности интеллектуальной классификации данных с использованием ЛСА. Данной тематике также посвящены работы А.Хомоненко и С. Краснова [3, 4], в частности, авторы используют скалярное произведение векторов и косинусоидальную меру для оценки их близости.

К настоящему времени в рамках исследования возможностей интеллектуального анализа данных развития методов автоматического распределения и кластеризации посвящен ряд работ, большинство из которых основаны на векторном представлении информации и использовании семантических сетей. Источником для проведения исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых по теории интеллектуального анализа данных: труды Т. Landauer, S. Deering, S. Streeter, И.С. Некрестьянова, А.Д. Хомоненко, И.А. Соловьева по методу латентно-семантического анализа и методу представления знаний с помощью терм-документной матрицы, труды М. Minsky и К.В. Воронцова по вероятностным алгоритмам, труды G. Salton, С.В. Моченова, А.М. Бледнова и Ю.А. Луговских по векторной модели представления знаний.

Значительное число работ по данной тематике свидетельствует о растущем интересе к методам ЛСА в самых различных областях науки. В частности, следует отметить именно прикладную направленность данных методов анализа документов в ряде гуманитарных направлений исследований – в психологии, филологии, истории, политологии, а также в технических науках – информационных технологиях, экономическом направлении, прикладной математике и др.

Целью работы является изучение возможностей использования методов латентно-семантического анализа для автоматизированного распределения учебной нагрузки.

Научная новизна работы заключается в разработке авторами оригинального способа решения задачи автоматического распределения учебной нагрузки путем формирования индекса соответствия на основе использования дисциплинарно-семантического пространства основанного на учебных пла-

нах, списках преподавателей и карточках учебных нагрузок за ряд предыдущих периодов распределения.

Методологической основой исследования являются методы линейной алгебры, в частности SVD разложение матриц, статистического и системного анализа, интеллектуального анализа текстов, семантического анализа.

2. Описание векторной модели

Для решения общей задачи по анализу учебной нагрузки преподавателей кафедры необходим инструмент автоматизированного определения скрытых межпредметных связей, в частности, решения задачи кластеризации нагрузки. Как правило, одной из наиболее важных проблем в области компьютерных алгоритмов считается задача извлечения «смысла» (или «значения») из текста на естественном языке и представления его в удобном для обработки на компьютере виде. Наиболее распространенным и простым способом представления знаний является векторный метод.

Векторные методы используют векторную модель представления текста. Представим учебную нагрузку каждого преподавателя в текстовом виде.

Эта идея заключается в том, чтобы представить каждую карточку нагрузочной нагрузки в текстовом виде, а затем получить набор документов. В каждом документе из коллекции есть точка в пространстве или вектор в векторном пространстве. Такие документы как точки являются семантически схожими. Это представление коллекции документов в информационном поиске с помощью векторных моделей, которые представляют собой наборы документов из одного общего для всей коллекции векторного пространства.

И в этом случае векторная модель предполагает сопоставления каждому документу частотного диапазона слов и соответственно вектора в лексической среде.

Терм-документная матрица – это математическая матрица, описывающая частоту терминов, которые встречаются в коллекции документов, в нашем случае, карточки преподавателей, которые переведены в текстовую форму.

Строки в матрице соответствуют терминам в коллекции, а карточкам преподавателей соответствуют терминам. К матрице применяется сингулярное разложение.

Сингулярное разложение – это математическая операция, раскладывающая матрицу на 3 составляющих. Сингулярное разложение можно представить в виде формулы:

$$A = U \cdot S \cdot VT,$$

где A – исходная матрица; U и VT – ортогональные матрицы; S – диагональная матрица, значения, на диагонали которой называются сингулярными коэффициентами матрицы A . Сингулярное разложение позволяет выделить ключевые составляющие исходной матрицы.

При этом основной идеей ЛСА является то, что если в качестве матрицы A использовалась терм-документная модель, то матрица A^* , состоящая из k первых линейно независимых компонентов, отражает основную структуру различных зависимостей, имеющихся в исходной матрице.

3. Определение индексов соответствия на основе векторного представления и скалярного произведения

Для выполнения исследования и решения задач автоматизации обработки карточек преподавателей будем использовать среду Python и систему Anaconda. Основной трудностью при распределении только на основании количественных показателей, т.е. ставок, часов, наличия ученой степени является невозможность учета личных предпочтений преподавателей и соответствия дисциплин преподавателю.

Для решения этой задачи необходим инструмент, который будет интеллектуально оценивать, насколько удачно будет назначение дисциплины преподавателю (естественно, что окончательно решение о назначении принимает заведующий кафедрой, и система может рассматриваться как рекомендательная и автоматизирующая рутинные операции). Например, если Иванов вел всегда дисциплину алгебру, то именно ему и следует назначать данную дисциплину по умолчанию. Кроме этого, если Петров был всегда ассистентом у Иванова, то его следует также назначать ассистентом именно у Иванова.

Рассмотрим схему вычислений, которая позволяет построить индекс соответствия дисциплины для преподавателей, на основании терм-документальной матрицы нагрузки преподавателей за предшествующий период.

Для реализации вычислений необходимо:

1. Построить терм-документальную матрицу для всех карточек преподавателей и всех строк дисциплин.
2. Выбрать столбец, который соответствует анализируемой дисциплине.
3. Вычислить скалярное произведение вектора столбца дисциплины на каждый из векторов столбцов карточек нагрузки преподавателей.
4. Ранжировать по убыванию показатели в строке результатов умножения.
5. Оценить ранги преподавателей с учетом факультета (института), где преподается дисциплина.
6. Назначить того преподавателя на дисциплину, который имеет максимальный ранг.
7. Повторить процедуру для каждой дисциплины в учебном плане (планах).

Выводы

Исследование процессов формирования и распределения учебной нагрузки позволило сделать вывод, что решение задачи распределения нагрузки может лежать в лингвистической плоскости. Рассматривая карточки учебной нагрузки преподавателей формально в виде «мешка слов», становится возможным применение к ним нестандартных форм анализа, в частности, латентно-семантического анализа. Такой вид анализа позволил выделить скрытые контексты и зависимости, которые возникают при статистических подсчетах терминов (слов), которые присутствуют в учебных карточках преподавателей и всей нагрузке в целом.

Сформированное семантическое ядро учебной нагрузки позволяет построить векторное представление нагрузки и фактически свести операцию сравнения нагрузки к операциям с векторами. Преподаватели, которые ведут

одинаковые предметы, будут иметь большие значения скалярного произведения своих векторов нагрузки и наоборот. Подобная мера оценки расстояния между учебными карточками нагрузки дает интеллектуальный инструмент для определения наилучшего претендента. В комбинации со стандартными критериями подсчета суммы количества часов этот инструмент может быть эффективен для решения поставленных задач.

Список литературы

1. **Бондарчук Д.В.** Использование латентно-семантического анализа в задачах классификации текстов по эмоциональной окраске / Д.В. Бондарчук // Бюллетень результатов научных исследований. – 2012. – № 2 (3). – С. 146–151.
2. **Соловьев А.Н.** Моделирование процессов понимания речи с использованием латентно-семантического анализа : дис. ... канд. физ.-мат. Наук / А.Н. Соловьев. – СПб. : СПбГУ, 2008.
3. **Хомоненко А.** Применение латентно-семантического анализа для автоматической рубрикации документов / А. Хомоненко, С. Краснов // Известия Петербургского университета путей сообщения, 2012. – № 2 (31). – С. 125–132.
4. **Хомоненко А.** Автоматическая рубрикация документов с помощью латентно-семантического анализа и алгоритма нечеткого вывода Мамдани / А. Хомоненко, С. Логашев, С. Краснов // Труды СПИИРАН. – 2016. – № 1 (44). – С. 5–19.
5. **Baker F.B.** Information retrieval based on latent class analysis. Journal of the ACM. (1962). No. 9. Pp. 512–521
6. **Berry M.W., Dumais S.T., O'Brien G.W.** Using Linear Algebra for Intelligent Information Retrieval // University of Tennessee Knoxville. TN. USA, 1994.
7. **Deerwester S., Duma S.T., Fumas G.W., Landauer T.K., Harshman R.** (1990). Indexing by Latent Semantic Analysis. Journal of the American Society for Information Science. Vol. 41. No. 391. – 407 p.
8. **Foltz P.W.** (1996). Latent Semantic Indexing for textbased research. Behavior Research Methods, Instruments, and Computers. Vol. 28. No. 197 – 202 p.
9. **Foltz P.W., Kintsch W. and Landauer T.K.** (1993). An analysis of textual coherence using latent semantic indexing. Paper presented at the Third Annual Conference of the Society for Text and Discourse, Boulder, CO.
10. **Landauer T.K., Foltz P.W. and Laham D.** (1998). An introduction to Latent Semantic Analysis. Discourse Processes. Vol. 25. No. 259. – 284 p.
11. **Lesk M.E. and Salton G.** Relevance assessments and retrieval system evaluation. Information Storage and Retrieval (1969). No. 4 (4). Pp. 343–359.
12. **Mashechkin I.V., Petrovskiy M.I., Popov D.S., Tsarev D.V.** Automatic text-summarization using latent semantic analysis // Programming and Computer Software (2011). Pp. 299–305.
13. **Salton G. and McGill M.J.** Introduction to Modern Information Retrieval. McGraw-Hill, 1983.
14. **Willett P.** The Porter stemming algorithm: then and now // Program: Electronic Library and Information Systems (2006). Vol. 40, No. 3. Pp. 219–223.

15. **Nekrestyanov I., Novikov B., Pavlova E.** An analysis of alternative methods for storing semistructured data in relations // Lecture Notes in Computer Science. (2000). Pp. 354–361.
16. **Nekrestyanov I., Panteleeva N.** Text retrieval systems for the web // Programming and Computer Software (2002). Vol. 28. No. 4. Pp. 207–225.

**Shvyrov V.V.,
Sentyay R.N.**

**Use of latent-semantic analysis in the tasks
of automation of training load distribution**

In the context of modernization of the education system, updating the content, methods and forms of organizing the educational process, among the priority areas for creating an educational information environment is the improvement of education management based on modern intelligent information technologies.

The paper discusses the possibilities of automating a number of department tasks using latent-semantic classification methods.

Key words: automation, latent semantic analysis, workflow, python.

Технические науки

УДК 662.757

Капустин Денис Алексеевич,

канд. техн. наук, доцент
и.о. зав. кафедрой информационных
образовательных технологий и систем
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
kap-kapchik@mail.ru

Гавриленко Петр Николаевич,

канд. техн. наук, доцент,
доцент кафедры информационных
образовательных технологий и систем
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
gavrilenko.luka@mail.ru

Повышение эффективности работы форсунок совершенствованием их проточной части

Рассмотрена задача распыливания водоугольного топлива для сжигания в теплогенерирующих устройствах. Установлена связь между качеством распыла и гидравлическими и конструктивными параметрами форсунки, с учетом реологической модели водоугольного топлива. Приведена схема оригинальной конструкции форсунки.

Ключевые слова: водоугольное топливо, форсунка, горелка, реологическая модель.

Введение

Экономическое развитие ЛНР неразрывно связано с развитием энергетики. Осуществить значительный прорыв в этой сфере деятельности возможно только при условии перехода к альтернативным видам топлива, обладающим значительным энергетическим потенциалом. А также легко воспроизводимым в нашей стране и оказывающим как можно меньше вреда окружающей среде.

Для эффективного сжигания такого вида топлива к горелочным устройствам должны быть предъявлены особые требования. Так, конструкция этих устройств должна предусматривать подвод не только самого топлива, но и специальные каналы для подачи воздуха как окислителя и распылителя и газа для воспламенения и поддержания горения в начальный период.

Наиболее совершенными устройствами распыливания для водоугольного топлива (ВУТ) на сегодняшний день являются пневматические форсунки с рассекателем на выходе из сопла для улучшения качества распыливания. Основным недостатком такой конструкции является быстрый износ рассекателя в условиях абразивной среды и высоких температур, и, как следствие, снижение качества распыливания. Это делает необходимым разработку оригинальных горелочных устройств для ВУТ.

Цель – разработка оригинального горелочного устройства для сжигания водоугольного топлива.

Анализ публикаций. Для решения поставленной задачи необходимо определить реологическую модель водоугольного топлива. Высококонцентрированные водоугольные суспензии проявляют свойства неньютоновских жидкостей. Экспериментальные исследования реологии высококонцентрированных водоугольных суспензий (водоугольное топливо) показали, что они могут описываться моделями псевдопластичной или низкопластичной жидкости со слабым проявлением тиксотропных свойств [1].

Связь касательных напряжений и скорости сдвига для такого типа неньютоновских жидкостей имеет вид:

$$\tau = k \cdot \dot{\gamma}^n (n < 1), \quad (1.1)$$

где $\dot{\gamma}$ – скорость сдвига; τ – напряжение сдвига; k – мера консистенции жидкости; n – параметр нелинейности (индекс течения).

Расход псевдопластической жидкости по каналу круглого сечения определяется зависимостью:

$$Q = \frac{n}{3n+1} \cdot \pi R^3 \cdot \left(\frac{\Delta p \cdot R}{2Lk} \right)^{1/n}, \quad (1.2)$$

где L – длина трубопровода; Δp – перепад давления; R – диаметр трубопровода.

Средняя скорость по сечению потока:

$$\omega = \frac{n}{3n+1} \cdot R \cdot \left(\frac{\Delta p \cdot R}{2Lk} \right)^{1/n}. \quad (1.3)$$

Перепад давления при течении псевдопластиков:

$$\Delta p = \left(\frac{6n+2}{n} \right)^n \cdot \frac{4\omega^n Lk}{D^{n+1}}, \quad (1.4)$$

где D – диаметр трубопровода.

Эффективное число Рейнольдса определяется зависимостью:

$$Re_3 = \frac{8D^n \omega^{2-n} \rho}{k \left(\frac{6n+2}{n} \right)^n}. \quad (1.5)$$

Эффективная динамическая вязкость:

$$\eta_3 = \frac{k \left(\frac{6n+2}{n} \right)^n D^{1-n}}{8\omega^{1-n}}. \quad (1.6)$$

Основные результаты. В устройствах, работающих по принципу распыливания жидких веществ, помимо свойств исходных веществ, решающее значение имеет качество распыла. Под качеством распыла понимается степень расщепления всей массы, вытекающей из форсунки жидкости, на возможно большее число капель [2].

При проектировании горелочных устройств приходится исходить из необходимости удовлетворения основных требований к качеству распыливания, используя при этом результаты исследований и опыт эксплуатации, а определение тонкости распыла производить либо методом подбора и размерности, либо по эмпирическим формулам, или по формулам, полученным в результате обобщения экспериментальных данных.

Расчетная зависимость для медианного диаметра капель для пневматических форсунок имеет вид [2]:

$$\frac{d_{\text{м}} \rho_{\text{г}} \omega_{\text{отн}}^2}{\sigma_{\text{ж}}} = C_{\kappa} \left(\frac{\omega_{\text{отн}} \eta_{\text{ж}}}{\sigma_{\text{ж}}} \right)^{2/3} \left(1 + \frac{10^3 \rho_{\text{г}}}{\rho_{\text{ж}}} \right) \left(\frac{m_{\text{ж}} \rho_{\text{ж}} \sigma_{\text{ж}} \eta_{\text{г}}}{\eta_{\text{ж}}^4} \right)^{1/12},$$

где $\omega_{\text{отн}}$ – скорость движения капли жидкости относительно газа в момент начала процесса распыливания; $\sigma_{\text{ж}}$ – коэффициент поверхностного натяжения жидкости; $\rho_{\text{г}}$, $\rho_{\text{ж}}$ – плотности газа и ВУТ соответственно; $\eta_{\text{г}}$, $\eta_{\text{ж}}$ – динамическая вязкость соответственно газа и ВУТ; $m_{\text{ж}}$ – массовый расход ВУТ; $C_{\kappa} = 1,65$ – коэффициент.

Относительная скорость движения $\omega_{\text{отн}}$ определяется как разность скоростей движения газа и ВУТ:

$$\omega_{\text{отн}} = \omega_{\text{г.н}} - \omega_0,$$

где $\omega_{\text{г.н}}$ – начальная скорость газа; ω_0 – осевая составляющая начальной скорости жидкости.

Плотность ВУТ $\rho_{\text{ж}}$ определяется как плотность смеси жидкой и твердой фаз:

$$\rho_{\text{ж}} = \frac{\rho_{\text{вод}}}{1 - C_{\text{уг}} \frac{\rho_{\text{уг}} - \rho_{\text{вод}}}{\rho_{\text{уг}}}},$$

где $C_{\text{уг}}$ – массовая доля угля в ВУТ соответственно; $\rho_{\text{уг}}$, $\rho_{\text{вод}}$ – плотности угля и воды соответственно.

Значение динамической вязкости ВУТ определяется с учетом реологической модели (1.6).

В качестве примера для типичных параметров работы форсунки величина медианного диаметра капель ВУТ (рис. 1 и 2) ($p_{вх.2} = 0,6$ МПа, $T_{вх.2} = 473$ К): $\omega_{отн} = 405$ м/с, $\sigma_{ж} = 0,0726$ Н/м; $\rho_{жс} = 1250$ кг/м³; $\rho_2 = 2,67$ кг/м³; $\eta_{жс} = 1,4$ Па·с; $\eta_2 = 40,05 \cdot 10^{-6}$ Па·с; $m_{жс} = 0,24$ кг/с; $C_k = 1,65$.

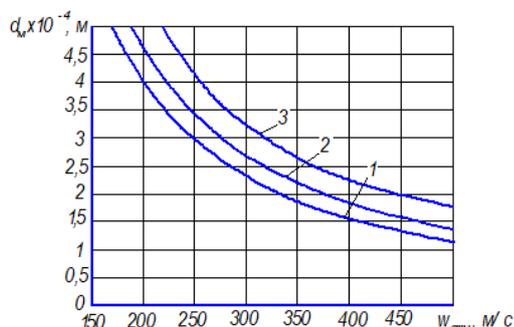

Рис.1. Зависимость медианного диаметра капель от относительной скорости $\omega_{отн}$ при различных значениях динамической вязкости топлива:
 1 – $\eta_{жс} = 1,0$ Па·с; 2 – $\eta_{жс} = 1,4$ Па·с; 3 – $\eta_{жс} = 2,5$ Па·с.

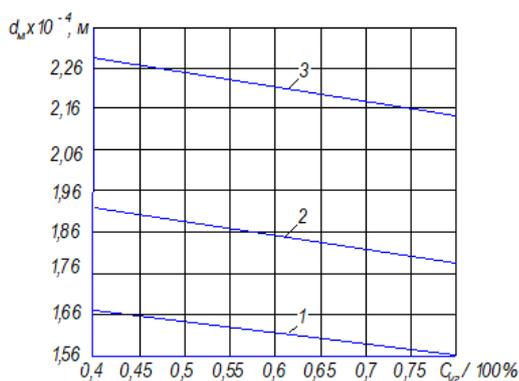

Рис. 2. Зависимость медианного диаметра капель от концентрации угля в ВУТ при различных значениях динамической вязкости топлива:
 1 – $\eta_{жс} = 1,0$ Па·с; 2 – $\eta_{жс} = 1,4$ Па·с; 3 – $\eta_{жс} = 2,5$ Па·с.

Исследование литературных источников показало, что устройства для распыла мазута имеют широкую номенклатуру и классификацию, удовлетворяющую практически всем требованиям. Однако непосредственно устройства для распыла мазута не могут использоваться для ВУТ из-за концентрации в нем твердой фазы (62–67%), так как происходит забивание и закоксовывание выходного сопла и топливных каналов и снижается качество распыливания. Поэтому в конструкции мазутных горелок вносят изменения, например, используется конусный винтовой завихритель, что дает возможность промы-

вать винтовой канал, вихревую камеру и выходное сопло потоком воздуха, периодически в ручную перемещая его во время работы форсунки [3, 5]. Такая форсунка представлена на рис. 3.

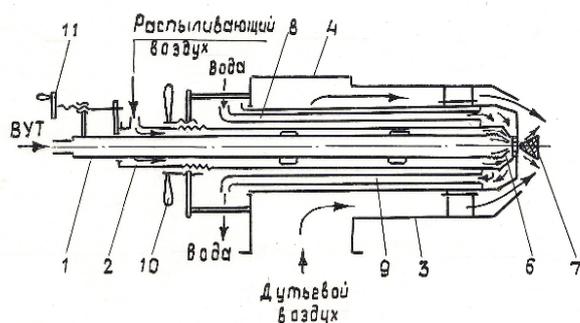

Рис.3. Форсунка для ВУТ: 1 – трубка для ВУТ, 2 – трубка для распыляющего воздуха, 3 – корпус, 4 – канал подвода дутьевого воздуха, 6 – винтовой завихритель, 7 – рассекатель, 8 – канал подвода охлаждающей воды, 9 – канал отвода охлаждающей воды, 10 – механизм перемещения винтового завихрителя, 11 – ограничительный винт

Основным недостатком предложенной конструкции является быстрый износ рассекателя под действием абразивных частиц ВУТ в условиях повышенных температур, что резко снижает качество распыливания топлива и требует частой замены рассекателя.

Для решения увеличения срока службы устройства была применена схема без рассекателя с соосным расположением форсунок, где распыливание осуществляется путем гидравлического соударения струй ВУТ (рис.4) [5, 6, 7, 8].

Принцип работы заключается в следующем: из двух соосно расположенных сопел форсунок навстречу друг другу подается жидкость (ВУТ). В результате столкновения струй образуется поверхность распыливания, в пределах которой происходит дробление струй на капли, т.о. отсутствие подверженного износу рассекателя увеличивает срок службы форсунок и обеспечивает стабильное качество распыла.

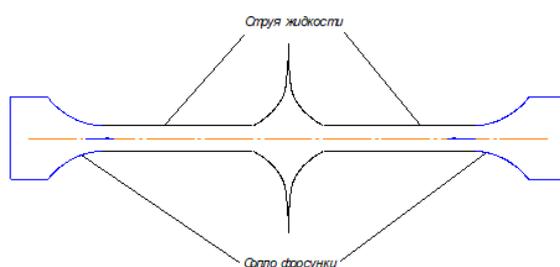

Рис.4. Форсунки с соосным расположением

Выводы

1. Установлено, что водоугольное топливо представляет собой неньютоновскую жидкость вязкопластического типа.

2. Установлена зависимость между качеством распыливания и входными параметрами. На качество распыливания значительно влияют относительная скорость движения ВУТ и распыливающего газа, концентрация твердой фазы угля в ВУТ оказывает на нее незначительное влияние.

3. Анализ отечественной и зарубежной литературы показал, что для увеличения долговечности горелочных устройств для ВУТ следует снижать долю механического взаимодействия струи ВУТ с элементами распыливающих устройств.

4. Предложена оригинальная конструкция форсунки для ВУТ с соосным расположением сопел, которая позволит повысить долговечность горелочных устройств для ВУТ.

Список литературы

1. **Кондратьев А.С.** Транспортирование водоугольных суспензий: гидродинамика и температурный режим / А.С. Кондратьев, В.М. Овсянников, Е.П. Олофинский и др. – М.: Недра, 1988. –213 с.
2. **Пажи Д.Г.** Форсунки в химической промышленности / Д.Г. Пажи, А.М. Прахов, Б.Б. Равикович. – М. : Химия, 1971. –224 с.
3. **Витман Л.А.** Распыливание жидкости форсунками / Л.А. Витман, Б.Д. Кацнельсон, И.И. Палеев. – М. : Госэнергоиздат, 1962. –265 с.
4. **Кулагин Л.В.** Форсунки для распыливания тяжелых топлив / Л.В. Кулагин, М.Я. Морошкин. – М. : Машиностроение, 1973. – 200 с.
5. **Пат. №52357 Україна**, МПК F17D 1/14. Пальник для спалювання водовугільного палива / Н.Б. Чернецька, А.О. Коваленко, Г.М. Шворнікова, Є.О. Варакута, Д.О. Капустін, В.І. Соколов, Л.І. Рисухін, М.Д. Андрійчук; Заявник та патентовласник Східноукраїнський національний університет імені Володимира Даля. – № u201001720; заявл. 18.02.2010 ; публік. 25.08.2010, Бюл. № 16.
6. **Пат. №65996 Україна**, МПК F17D 1/14. Пальник для спалювання водовугільного палива / Н.Б. Чернецька, А.О. Коваленко, Г.М. Шворнікова, Є.О. Варакута, Д.О. Капустін, В.І. Соколов, Л.І. Рисухін, М.Д. Андрійчук; Заявник та патентовласник Східноукраїнський національний університет імені Володимира Даля. – № u201105028 ; заявл. 20.04.2011; публік. 26.12.2011, Бюл. № 24.
7. **Пат. №69849 Україна**, МПК F17D 1/14. Пальник для спалювання водовугільного палива / М.В. Пілавов, А.О. Коваленко, Д.О. Капустін; Заявник та патентовласник Східноукраїнський національний університет імені Володимира Даля. – № u201114155 ; заявл. 30.11.2011 ; публік. 10.05.2012, Бюл. № 9.
8. **Пат. №78283 Україна**, МПК F17D 1/14. Пальник для спалювання водовугільного палива / М.В. Пілавов, А.О. Коваленко, Г.М. Шворнікова, Д.О. Капустін; Заявник та патентовласник Східноукраїнський національний університет імені Володимира Даля. – № u201211428 ; заявл. 12.10.2012 ; публік. 11.03.2013, Бюл. № 5.

**Капустин Д.А.,
Гавриленко П.Н.**

Increasing the efficiency of the injectors by improving their flow part

The problem of spraying coal-water fuel for combustion in heat-generating devices is considered. A relationship has been established between the spray quality and the hydraulic and design parameters of the nozzle, taking into account the rheological model of water-coal fuel. The diagram of the original design of the nozzle is shown.

Key words: *water-coal fuel, nozzle, burner, rheological model.*

УДК 37.075

Корнеева Анжелика Николаевна,
канд. пед. наук, доцент, и.о. заведующего
кафедрой безопасности жизнедеятельности
и охраны труда
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
korneeva_an@mail.ru

Калайдо Александр Витальевич,
канд. техн. наук, доцент,
доцент кафедры технологий производства
и профессионального образования
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
kalaydo18@mail.ru

Ключевые аспекты в организации работы по охране труда в педагогическом университете

Проблема обеспечения безопасных и комфортных условий труда в учреждениях высшего образования достаточно сложна и многогранна в силу специфики рабочего процесса. Ее успешное решение возможно при решении первоочередных задач, наиболее сильно влияющих на состояние охраны труда в целом. В статье показано, что приоритетными направлениями политики работодателя в данной сфере должно стать создание четко функционирующей системы управления охраной труда, обеспечение высокой профессиональной компетентности специалистов службы охраны труда, эффективность внутреннего обучения работников вопросам охраны труда и своевременная разработка локальных нормативных правовых актов.

Ключевые слова: охрана труда, обучение, система управления, педагогические работники.

Современный человек проводит на рабочем месте около 1 300 часов в год или порядка 15% своей жизни. На протяжении всего этого времени администрацией предприятия должны быть обеспечены безопасные и комфортные условия труда, с высокой вероятностью исключающие ущерб здоровью работников в любых проявлениях.

Профессия педагога не включена в Перечень работ с повышенной опасностью и даже не относится к производственной сфере, что, впрочем, не указывает на ее абсолютную безопасность. Согласно [1], в Российской Федерации ежегодно происходит около 900 несчастных случаев с работниками образовательных учреждений, из которых 10–15% с тяжелыми последствиями и еще 2–3% – со смертельным исходом. В этой статистике находит четкое подтверждение концепция потенциальной опасности любой человеческой деятельности.

Основные причины травматизма педагогических работников те же, что и в других сферах народного хозяйства: технические (движущиеся машины и механизмы, неисправность оборудования, электротравмы и т.д.), организаци-

онные (формальное проведение инструктажей или их отсутствие) и субъективные (человеческий фактор). Отличие проявляется в структуре травматизма – существенную роль в образовательной сфере играют психофизиологические причины травматизма, вызванные эмоциональным характером работы и отношениями в коллективе.

В педагогическом университете (как и в любом другом) вопросы охраны труда одновременно находятся в компетенции двух структурных подразделений – кафедры охраны труда и отдела (службы) охраны труда. Кафедра занимается исключительно подготовкой студентов образовательно-квалификационных уровней «бакалавр» и «магистр» по программам соответствующих дисциплин, тогда как задача обеспечения безопасности участников учебно-воспитательного процесса всецело возлагается на сотрудников отдела охраны труда.

Современный педагогический университет – это крупная организация с сотнями, а то и тысячами сотрудников и отделом охраны труда численностью в 3–4 человека. Достичь нулевого уровня травматизма в подобных учреждениях невозможно хотя бы в силу количественного фактора, однако реализация комплекса мероприятий в наиболее важных направлениях позволит существенно снизить частоту производственного травматизма и свести практически к нулю вероятность выявления грубых нарушений в процессе проверок надзорных органов, реализующих государственную политику в сфере охраны труда. Поэтому идентификация подобных направлений первоочередной профилактической работы представляет существенный прикладной интерес, особенно с учетом того факта, что вопросы охраны труда в высших учебных заведениях практически не нашли отражения в современной научной литературе.

Важнейшим, на наш взгляд, фактором достижения высокого уровня безопасности производственного процесса в образовательном учреждении является наличие эффективно функционирующей *системы управления охраной труда* (СУОТ). Данная система представляет собой иерархическую структуру, сходную с основной (должностной) системой управления организацией, из которой исключены звенья, не реализующие функций в охране труда. Совместно должностная система управления и СУОТ функционируют непротиворечиво и образуют единую интегрированную систему менеджмента в организации.

Понятие СУОТ достаточно многогранно, помимо сказанного выше это еще и единство:

- устанавливающей (локальные нормативные акты работодателя) и фиксирующей (журналы и другие записи) документации;
- процедур и порядков ее функционирования, включающих планирование и реализацию мероприятий по охране труда и улучшению условий на рабочих местах.

Разработка разветвленной СУОТ – достаточно трудоемкий процесс, но его результатом становится однозначное определение ответственных лиц и круга их обязанностей. На рис. 1 представлена схема СУОТ, функционирующей в Луганском государственном педагогическом университете.

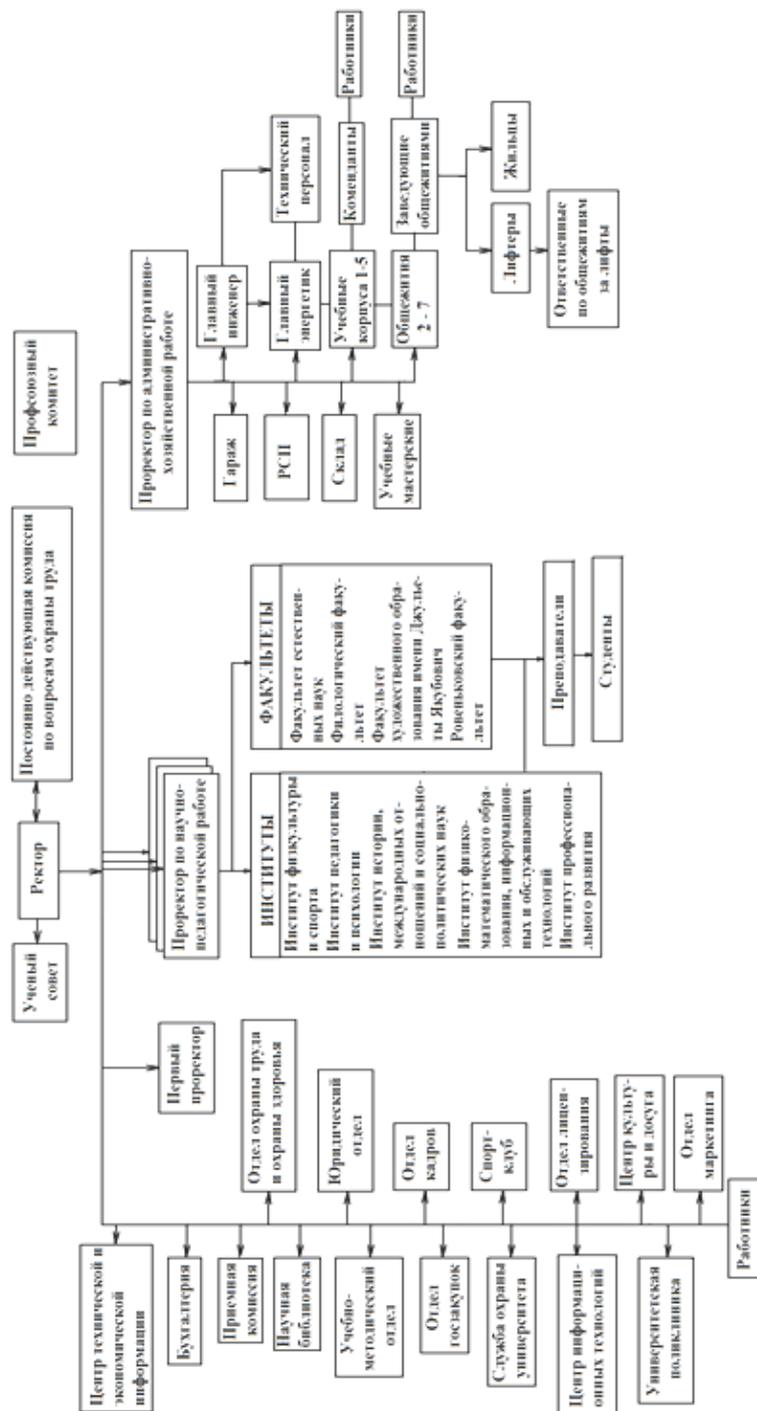

Рис. 1 Система управления охраной труда в ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»

Представленная на рис. 1 структура позволяет провести линию подчиненности в вопросах охраны труда от работодателя до работника любого структурного подразделения. Каждый уровень СУОТ контактирует только с двумя соседними уровнями – верхним (получение инструктажей и распоряжений) и нижним (проведение инструктажей, контроль исполнения требований инструкций по охране труда и т.д.).

Разработка и контроль функционирования СУОТ требуют от ответственного лица системных знаний и достаточного опыта работы в данной сфере. Поэтому вторым ключевым фактором производственной безопасности в вузе следует считать **профессиональную компетентность специалистов службы охраны труда** и в особенности – руководителя данной службы.

Приведенные в [2] результаты длительных исследований подтвердили связь высокого уровня профессиональной компетентности руководителя службы охраны труда с эффективностью функционирования СУОТ, приемлемо низкой частотой несчастных случаев производственного характера и рядом других показателей, характеризующих состояние охраны труда в вузе.

Основными факторами, формирующими профессиональную компетентность специалиста по охране труда, является образование, опыт профессиональной деятельности, а также непрерывное и эффективное повышение квалификации. Последнее особенно актуально в реалиях Луганской Народной Республики, где нормативная база охраны труда и промышленной безопасности находится в стадии непрерывного изменения и дополнения.

Для лица, на которое работодателем возложена ответственность за охрану труда в учреждении, крайне нежелательна работа по совместительству, а в крупных организациях она вовсе недопустима. Однако в вузах имеет место существенный разрыв в должностных окладах начальника отдела охраны труда и педагога (особенно с ученой степенью), поэтому зачастую единственным способом привлечения на данную должность высококвалифицированного специалиста является оформление по совместительству работника кафедры охраны труда. Но данная ситуация крайне нежелательна, поскольку частичная занятость противоречит требованию профессиональной компетентности руководителя службы ОТ, о котором говорилось выше. Повышение материальной заинтересованности специалистов по охране труда, несущих серьезную персональную ответственность, может и должно осуществляться работодателем под предлогом компенсаций за особые условия труда.

Однако высокой квалификации специалистов по охране труда в университете и грамотно разработанной СУОТ еще недостаточно для решения всех задач обеспечения безопасных условий труда. Многое зависит от уровня подготовки по вопросам охраны труда руководителей нижних и средних уровней СУОТ (заведующих кафедрами, лабораториями и мастерскими, директоров и деканов, начальников отделов и служб). Поэтому третий ключевой аспект данной проблемы – **эффективность обучения по вопросам охраны труда** в университете.

Все нюансы такого обучения работников университета должны быть отражены в Порядке обучения и проверки знаний по вопросам охраны труда в университете, который разрабатывается руководителем службы охраны

труда и утверждается приказом работодателя. В этом локальном акте определяется перечень лиц, обязанных не реже одного раза в три года подтверждать достаточность уровня теоретической и практической подготовки по охране труда в обучающей организации. К категории таких лиц традиционно относятся первые руководители университета, работники службы и кафедры охраны труда, руководители производственных участков (главный механик, энергетик) и т.д.

Все остальные работники проходят периодическое обучение и проверку знаний по охране труда на базе университета, но в разных формах. Целесообразно разделить их на две группы – профессии без повышенной опасности и профессии, включенные в перечень повышенной опасности. Обучение первой группы не требует обязательной проверки знаний по экзаменационным билетам в присутствии комиссии (или в форме компьютерного тестирования). В этом случае достаточным, на наш взгляд, является периодическое обучение подчиненных руководителем структурного подразделения по программе действующих инструкций по охране труда для соответствующих должностей (видов работ) и проверка знаний в форме устного собеседования с регистрацией факта проверки в Журнале учета проведения инструктажа на рабочем месте по охране труда.

Принципиально иная ситуация с обучением работников профессий повышенной опасности. Из них формируются группы численностью 5–10 человек одной или близких профессий, которые на протяжении нескольких (обычно трех) дней проходят теоретическое и практическое обучение под руководством ответственного за охрану труда и непосредственного руководителя работ. При организации такого обучения следует помнить, что подходы традиционной педагогики неэффективны при обучении взрослых людей [3], поэтому отношения между обучающим и обучающимся должны строиться на позициях партнерства и осознания ценности получаемых и транслируемых знаний. Завершается подобное ежегодное обучение сдачей квалификационного экзамена по экзаменационным билетам, которые формируются из перечня вопросов, составленного университетом и согласованного с надзорным органом (Госгорпромнадзор ЛНР). С ним же согласовываются и программы обучения и стажировки по каждой из профессий повышенной опасности.

Сказанное выше указывает на последний ключевой момент в организации работы по охране труда в университете – полное **обеспечение локальными нормативными правовыми актами по охране труда**. Должны быть разработаны, утверждены и введены в действие инструкции по охране труда для должностей (всех без исключения) и видов работ (по производственной необходимости). К примеру, общее количество действующих инструкций по ОТ в ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ» превышает 400. Кроме того, отделом охраны труда разрабатываются: Положение о СУОТ, Положение о порядке обучения и проверки знаний, Положение об отделе охраны труда, Программа вводного инструктажа, а также целый ряд других локальных актов. Данные документы не только регулируют различные аспекты функционирования системы управления охраной труда в университете, но и формируют положительный образ организации в глазах надзорных органов в процессе проведения пла-

новых проверок и расследования несчастных случаев с работниками университета.

Резюмируя сказанное выше, следует отметить, что задача обеспечения безопасных условий труда в педагогическом университете достаточно сложна и многогранна, но и в ней можно выделить первоочередные направления, наиболее сильно влияющие на состояние охраны труда в целом. На наш взгляд, это четко функционирующая система управления охраной труда, высокая профессиональная компетентность специалистов службы охраны труда, эффективность внутреннего обучения работников по вопросам охраны труда и полное обеспечение локальными нормативными правовыми актами по охране труда.

Список литературы

1. **Щемелев Ю.Г.** Первостепенные задачи в сфере образования / Ю.Г.Щемелев // Охрана труда и социальное страхование. – 2014. – №8. – С. 14–19.
2. **Бакико Е.В.** Влияние уровня компетентности специалистов по охране труда на обеспечение безопасных условий труда в образовательных учреждениях / Е.В. Бакико, В.С. Сердюк, А.Е. Смазной // Ученые Омска – региону : материалы II Регион. науч.-техн. конф., 6–7 июня 2017 г.; ОмГТУ. – Омск, 2017. – С. 214–220.
3. **Логинова Ю.Ю.** Психолого-педагогические аспекты проведения обучения по охране труда / Ю.Ю. Логинова, А.А. Слепов // Охрана и экономика труда – 2016. – № 2 (23). – С. 75–81.

**Korneeva A.N.,
Kalaydo A.V.**

Key aspects in the organization of labor protection work at the Pedagogical University

The problem of ensuring safe and comfortable working conditions in modern university is quite complex and multifaceted due to the specifics of the pedagogical activity. Its successful solution is possible when solving priority tasks which has the most strongly influence on the labor protection state at the university. The paper shows the priority directions of the employer's policy in this area should be the creation of a well-functioning labour protection management system, ensuring high professional competence of labour protection specialists, the effectiveness of internal labour protection training of workers and the timely development of local regulatory legal acts.

Key words: labor protection, training, management system, teaching staff.

УДК 331.45

Сидельникова Ольга Петровна,
д-р техн. наук, профессор
профессор кафедры безопасности жизнедеятельности
в строительстве и городском хозяйстве
Института архитектуры и строительства
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
технический университет»
sidelnikova-volg@mail.ru

Кружилин Владислав Витальевич,
студент Института архитектуры и строительства
ФГБОУ ВО «Волгоградский
государственный технический университет»
vl.cru@yandex.ru

Анализ обеспечения безопасности в строительстве

Обеспечение безопасности в строительстве является важной проблемой в строительной отрасли. Несмотря на программы, реализуемые государственными органами, и меры, введенные в самих компаниях, количество аварий по-прежнему остается тревожно высоким. В статье представлен анализ уровня производственного травматизма в строительной отрасли Волгоградской области. Выявлены основные проблемы и причины производственного травматизма. Даны рекомендации по совершенствованию управления охраной труда.

Ключевые слова: *безопасность в строительстве, травмоопасность, охрана труда, производственный фактор.*

Данные современной статистики производственного травматизма в строительстве прямо обосновывают актуальность снижения травмоопасности в данной отрасли. При этом ведущее направление состоит в приоритете профилактической работы, выявлении предпосылок к производственному травматизму и их своевременном предупреждении. Из ряда исследований следует [1], что частота возникновения последовательности событий, связанных с травматизмом, подчиняется закономерности, напоминающей пирамиду (рис. 1). В ее основании лежат именно предпосылки к несчастным случаям, далее нарушения, выше – лёгкие травмы, ещё выше – травмы с временной утратой трудоспособности, и ближе к вершине пирамиды – несчастные случаи с тяжёлыми последствиями. При этом несчастный случай со смертельным исходом – закономерное завершение указанной пирамиды, её вершина.

Вариант подобной пирамиды был предложен американским специалистом Г.У. Гейнрихом [2].

Рис.1. Пирамида происшествий

Большое значение имеет установление соотношений между предпосылками и реальными несчастными случаями. Г.У. Гейнрихом получены следующие соотношения между количеством опасных производственных факторов и степенью тяжести их проявления: в результате действия 300–330 потенциально опасных производственных факторов происходит 29–30 несчастных случаев с потерей трудоспособности, один из которых с тяжёлым исходом. Таким образом, между предпосылками к несчастным случаям и лёгкими несчастными случаями наблюдается соотношение 1/10, между лёгкими и тяжёлыми 1/30.

Анализ типологии несчастных случаев с тяжёлыми последствиями, происшедших в 2019 году в строительных организациях Волгоградской области [3], свидетельствует о том, что каждый второй несчастный случай произошёл в результате падения пострадавшего с высоты; каждый пятый несчастный случай произошёл в результате воздействия движущихся, разлетающихся, вращающихся предметов, деталей машин и механизмов.

В общей структуре причин несчастных случаев на производстве с тяжёлыми последствиями типичные причины организационного характера занимают почти 60%, к ним относятся: неудовлетворительная организация производства работ, нарушение работником трудового распорядка и дисциплины труда. Только по причине нарушения работником трудового распорядка и дисциплины труда в 2019 году произошёл каждый третий несчастный случай, а по причине неудовлетворительной организации производства работ произошел практически каждый пятый несчастный случай на производстве с тяжёлыми последствиями.

Нарушения работником трудового распорядка и дисциплины труда, как правило, сводились к тому, что работающие допускали неоправданное сокращение технологических операций и другие действия для ускорения своей работы.

Неудовлетворительная организация производства работ выражается, прежде всего, в несогласованности выполнения работ, в применении опасных приемов, в нарушении правил охраны труда при эксплуатации оборудования.

Основные причины несчастных случаев на производстве с тяжелыми последствиями

Рис.2. Основные причины несчастных случаев на производстве с тяжелыми последствиями

Таким образом, внедрение мероприятий по безопасности в охране труда должно относиться, в первую очередь, к организационным моментам, так как высокий уровень несчастных случаев с тяжелым исходом зависит от организационных причин, вызванных низким качеством организации работ административно-техническим персоналом, а также отсутствием контроля за работниками. В соответствии с анализом типологии несчастных случаев с тяжелыми последствиями, решениями по производственному травматизму организационного характера будут следующие:

1. Совершенствование нормативно-правовой базы системы управления охраной труда Волгоградской области на основе законодательства Российской Федерации.
2. Обеспечение реализации мероприятий по улучшению условий и охраны труда на основе результатов специальной оценки условий труда.
3. Обеспечение распространения передового опыта работы по охране труда и повышение уровня правовой и экономической грамотности работников и работодателей в области охраны труда.
4. Принятие мер по устранению нарушений требований трудового законодательства, выявленных в ходе проведения государственного и ведомственного контроля.
5. Обеспечение обучения по охране труда руководителей, специалистов и других работников организаций.
6. Организация обеспечения работников, занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, а также на работах, связанных с загрязнением, специальной одеждой, специальной обувью и другими средствами индивидуальной защиты

Список литературы

1. **Муртонен М.** Оценка рисков на рабочем месте / М. Муртонен. – М. : МОТ, 2011. – 63 с. – Вып. 1 : Опыт Финляндии.
2. **Heinrich, H. V.** Heinrich Industrial Accident Prevention: A Scientific Approach [Text] / H. V. Heinrich // New York: McGraw-Hill Book Company, 1931.
3. **Локтионов Д.П.** Доклад о реализации на территории Волгоградской области государственной политики в сфере охраны труда в строительстве. – Волгоград, 2020 [Электронный ресурс] URL: <https://ktzn.volgograd.ru/upload/iblock/373/Doklad-O-realizatsii-gospolitiki-v-sfere-OT-za-2019g.pdf>

**Sidelnikova O.P.,
Kruzhilin V.V.**

Construction Safety Analysis

Safety in construction has always been an important problem in the construction industry. Construction is the leading industry in terms of injury criteria. Despite the programmes implemented by the public authorities and the measures introduced in the companies themselves, the number of accidents remains alarmingly high.

The article presents an analysis of the level of industrial injuries in the construction industry of the Volgograd region. The main problems and causes of industrial injuries were identified. Recommendations on improvement of labor protection management are given.

With the help of compliance with the established safety standards, the state fulfils one of the most important labor guarantees - labor protection. In production, safety is nothing more than a system of organizational and technical measures aimed at reducing or completely eliminating the impact of dangerous and harmful factors on employees of a particular enterprise. The most relevant observance of safety rules by builders and maintenance personnel at the construction site, during repair or construction and installation works is in organizations providing construction services.

Key words: *safety in construction, injury hazard, labor safety measures in construction, labor safety, production factor, accident, disability.*

Экономические науки

УДК 330.131.52

Куделя Лариса Владимировна,
канд. эконом. наук, доцент,
доцент кафедры экономики
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
vip.larisa545@mail.ru

Сущность и основные составляющие организационно-экономического механизма управления экономической безопасностью сельскохозяйственных предприятий

В данной статье автором раскрыты сущность, принципы, цели и составные элементы организационно-экономического механизма управления экономической безопасностью сельскохозяйственных предприятий. В частности, автором предложен методологический аппарат и ключевые аспекты функционирования данного механизма управления экономической безопасностью сельскохозяйственных предприятий. В статье рассмотрены основные свойства механизма управления экономической безопасностью сельскохозяйственных предприятий, такие как: открытость, идентифицируемость, целостность и динамизм.

Ключевые слова: механизм, управление, экономическая безопасность, сельскохозяйственные предприятия, элементы, структура, принцип, свойства, подходы, этапы, цель, методологический аппарат.

В современных условиях хозяйствования аграрные товаропроизводители должны учитывать вероятность возникновения неопределенности в условиях осуществления предпринимательской деятельности, наличие рисков и угроз и их экономической безопасности. Для оценки уровня рисков и возможных угроз на сельскохозяйственном предприятии должен быть разработан комплекс мер, направленный на минимизацию возможных рисков, противодействие угрозам и повышение уровня экономической безопасности экономического субъекта хозяйствования. Специфика деятельности сельскохозяйственных предприятий требует налаживания механизма двойной адаптации к рыночным и природно-климатическим условиям. Повышенная рискованность связана с сезонностью и относительно низкой технологичностью производства, использованием природных ресурсов, низкой неэластичностью спроса на сельскохозяйственную продукцию и ее способностью быстро портиться, природно-климатическими факторами и использованием земли как основного средства производства. Постоянное существование таких угроз обуславливает актуальность исследований проблемы сущности и основных составляющих формирования механизма управления экономической безопасностью сельскохозяйственных предприятий. Исследованием проблем формирования и функционирования механизма управления экономической безопасностью предприятий занимались такие известные учёные-экономисты, как: Гапоненко В.Ф., Беспалько А.Л., Власков А.С. [1], Каракеян В.И. [2],

Касперович С.А., Дербинская Е.А. [3], Кеворкова Ж.А. [4], Коломышцева О.Ю., Плотников В.А. [5], Мельников А.Б. [6], Пименов Н. А. [7], Одинцов А.А. [8], Уразгалиев В.Ш. [9]. Однако проблемы сущности и содержания основных элементов организационно-экономического механизма управления экономической безопасностью сельскохозяйственных предприятий требуют дальнейших исследований.

Целью написания статьи является теоретико-методологическое обоснование формирования основных элементов функционирования организационно-экономического механизма управления экономической безопасностью сельскохозяйственных предприятий. Функционирование организационно-экономического механизма управления экономической безопасностью на предприятии должно предусматривать взаимосвязь целей и задач каждого уровня развития предприятия в целом, при этом выбираются оптимальные пути реализации управленческих решений. Основным назначением функционирования организационно-экономического механизма управления экономической безопасностью предприятий является обеспечение финансово-хозяйственного равновесия, достижения эффективности деятельности и поставленных целей и задач дальнейшего развития предприятия, создание, а также реализация условий, обеспечивающих экономическую безопасность предприятия.

Одним из самых значительных элементов системы экономической безопасности предприятия является механизм ее обеспечения, представляющий собой совокупность законодательных актов, правовых норм, побудительных мотивов и стимулов, методов, средств и сил, при помощи которых обеспечивается достижение целей безопасности и решения задач. Структура организационно-экономического механизма обеспечения экономической безопасности предприятий состоит из таких элементов, одновременно действия, которых призваны обеспечить достаточную для расширенного воспроизводства капитала предприятия прибыль, которую получают в результате соблюдения интересов предприятия, что является результатом взаимодействия предприятия с субъектами внешней среды.

Сущность организационно-экономического механизма управления экономической безопасностью предприятий призвана обеспечить управление экономической безопасностью предприятий в интегрированности и осуществлении экономической стабильности субъектов хозяйствования и реализации их интересов в организации. Механизм управления экономической безопасностью предприятий целесообразно формулировать как подсистему общей системы управления, тесно связанную с решением предприятием других проблем, а потому она должна иметь подчиненный характер. В целом организационно-экономический механизм управления экономической безопасностью предприятий можно рассмотреть с помощью схемы, основные параметры, которой описывают содержание управленческих действий, их ведущие функции и варианты возможных решений. Функционирование организационно-экономического механизма обеспечения и управления экономической безопасностью предприятия происходит путем совершения определенных действий над ее объектами. Этими объектами выступают следующие: прибыль,

источники и объемы финансовых ресурсов, структура капитала, структура денежных потоков, структура активов и инвестиций предприятия, финансовые риски, система финансовых инноваций и др. В состав инструментов обеспечения экономической безопасности предприятий входят: аудит, мониторинг, контроль и контроллинг, финансовое планирование и бюджетирование, а также финансовый менеджмент.

Методологический аппарат обеспечения экономической безопасности предприятия в составе организационно-экономического механизма управления экономической безопасностью сельскохозяйственных предприятий, включает такие методы, как: технико-экономические расчеты, балансовый, экономико-статистический, экономико-математический, экспертных оценок, амортизации активов, аудита, оптимизации налогообложения и др. Основными методами обеспечения экономической безопасности предприятий являются: инвестирование, кредитование, финансовое регулирование и планирование, страхование и пр. Важным элементом функционирования организационно-экономического механизма управления экономической безопасностью предприятий является информационно-аналитическая подсистема управления экономической безопасностью предприятия, которая содержит следующие данные: качественные и количественные значения индикаторов экономико-финансовой безопасности, наличие или потенциальность рисков и угроз, формализованные финансовые интересы и состояние их реализации, стратегический план (стратегия) обеспечения экономико-финансовой безопасности предприятия, финансовый план (бюджет).

Система информационно-аналитического обеспечения экономической безопасности формулируется на базе: данных бухгалтерского, управленческого, оперативного и статистического учета и отчетности; отраслевых показателей деятельности предприятий – аналогов; отчетов и планов, и прогнозов; оценки угроз экономико-финансовой безопасности предпринимательской деятельности и т.п. Организационная деятельность на предприятии предусматривает создание организационной структуры управления предприятием с помощью, которой осуществляется анализ и разработка мер по обеспечению экономической безопасности на сельскохозяйственном предприятии в целом. Структурная схема механизма управления экономической безопасностью предприятия дает общее представление о том, как работает и от чего зависит. Организационно-экономический механизм функционирования экономической безопасности сельскохозяйственных предприятий представлен в таком виде на Рис. 1.

Практически каждое предприятие решает проблему выбора стратегии своего дальнейшего развития, и этот выбор чаще всего связывают с поддержанием жизнедеятельности и очень редко – со стремлением достичь качественных изменений. Из вышеизложенного следует сделать вывод, что обоснование выбора стратегии на данных сельскохозяйственных предприятиях необходимо осуществлять в контексте обеспечения экономической безопасности предприятий в целом. Организационно-экономический механизм управления экономической безопасностью предприятиями направлен на оптимизацию использования всех видов ресурсов (информацию, время, персонал, финансы

и т.д.) по определенным принципам и критериям. Совокупное взаимодействие взаимосвязей механизма управления экономической безопасностью предприятия способствует оптимизации системы управления предприятием. Данный механизм основывается на использовании: ситуативного, оптимизационного, интеграционного, системного, комплексного и других подходов. Такие подходы являются взаимодополняющими. Системный подход управления предприятием предполагает рассмотрение элементов его системы в их взаимосвязи. При использовании системного подхода взаимосвязанными элементами является реализация целей и задач организационно-экономического механизма управления экономической безопасностью предприятия в целом, а также его элементов и принципов, которые являются составляющими эффективной работы предприятия.

Системный подход является главным условием действенности организационно-экономического механизма управления экономической безопасностью предприятия. Основными составляющими организационно-экономического механизма управления экономической безопасностью сельскохозяйственных предприятий являются: цели, критерии, инструменты, ресурсы и функциональные подсистемы. Целенаправленность системы является основным принципом формирования цели организационно-экономического механизма управления экономической безопасностью предприятия. Локальные, тактические цели достижения экономической безопасности сельскохозяйственных предприятий формируются на основе стратегических планов. Обязательными составляющими их достижения являются: внутренний аудит, комплекс диагностических процедур, учета факторов влияния и система предупреждения рисков. Конкретизация целей обеспечит более эффективное их выполнение.

Управление ресурсами представлено совокупностью источников влияния на состояние системы и факторов управления. Результатом такого воздействия будет использование управления экономической безопасностью сельскохозяйственных предприятий при поставленных целях. Открытость, идентифицируемость, целостность, динамизм можно считать основными свойствами организационно-экономического механизма управления экономической безопасностью предприятий. Свойство целостности данного механизма предполагает взаимное влияние элементов подсистемы друг на друга. Причиной нарушения свойства целостности является система изменений, которая обусловлена взаимосвязанными задачами и балансом интересов. Идентифицируемость придает уникальности каждому элементу системы, определяет его отличительные особенности, которые позволяют выделить его среди других частей подсистемы механизма в целом. Открытость демонстрирует возможность свободного взаимодействия не только в рамках механизма, но и в системе отношений с внешними сторонами. Открытость позволяет оценить взаимную реакцию внутренней среды на внешнюю. Динамизм в современных постоянных изменениях обуславливает необходимость в быстрых и адаптивных решениях по взаимодействию и связи с внешней средой.

Свойство открытости организационно-экономического механизма управления экономической безопасностью предприятий предполагает его адаптацию к изменениям и условиям внешней и внутренней среды организации.

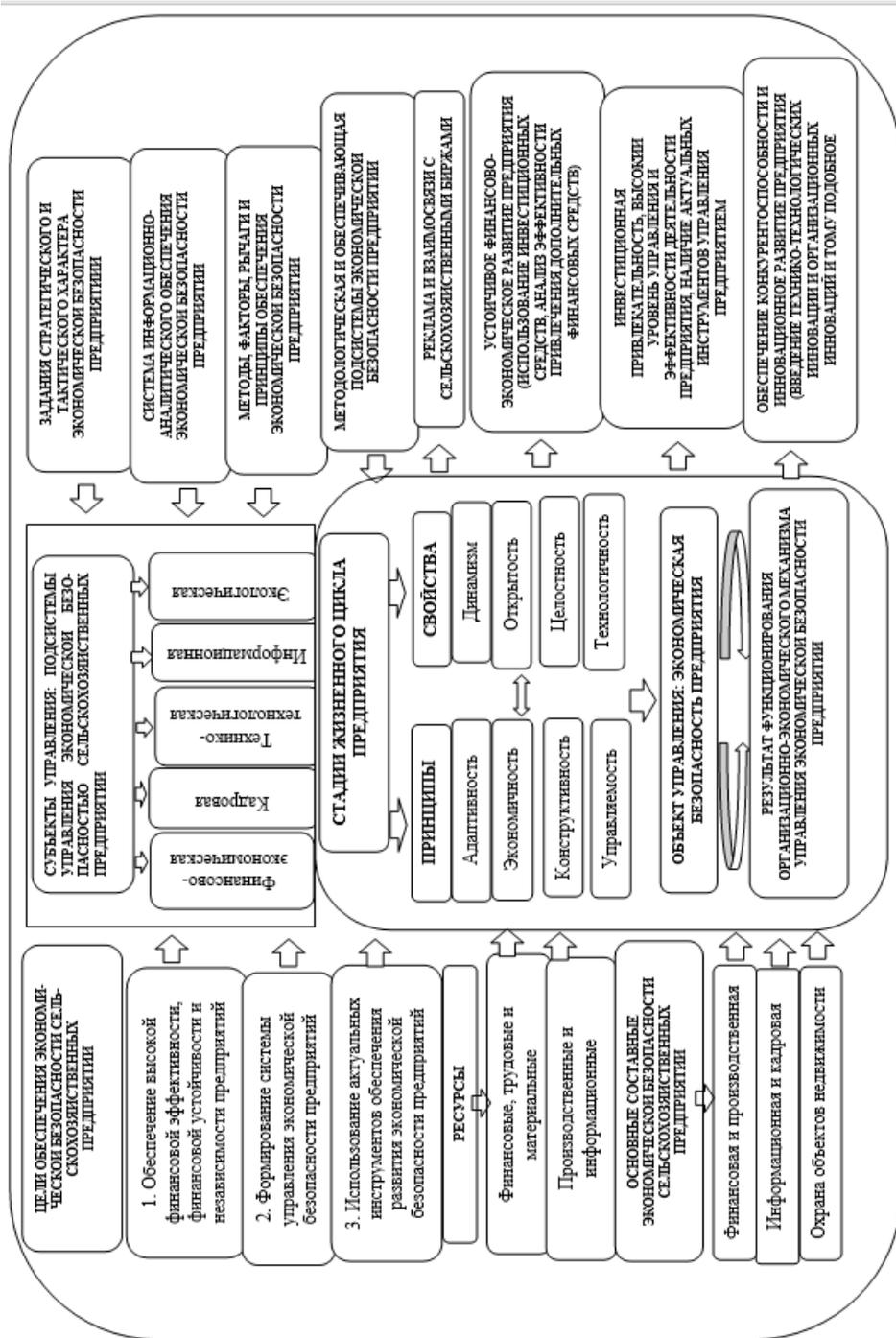

Рис. 1. Организационно-экономический механизм управления экономической безопасностью сельскохозяйственных предприятий
*усовершенствовано автором

Принцип управляемости предполагает наличие определенного инструментария воздействия и управления. Управляемый организационно-экономический механизм обеспечения экономической безопасности предприятий требует наличия инструментов управления и влияния, которые определены в работе подсистемы. Инструментарий управления распространяется на все уровни управления предприятием. При таких условиях каждый элемент структуры находится под сознательным воздействием, является частью управляемой системы, подчиненной единой общей цели. Поэтому элементы и системы управления должны иметь соответствующее мотивационное, правовое и ресурсное обеспечение. Функциональные элементы и задачи целесообразны во всех подсистемах управления. При наличии ресурсов и методов управления механизм сможет реально влиять на формирование и развитие управления экономической безопасностью предприятия.

Разработанный нами организационно-экономический механизм управления экономической безопасностью сельскохозяйственных предприятий, его структура и составляющие, инструменты поддержки и развития являются отдельными объектами внимания в теории и практике управления системами и процессами. Основой функционирования организационно-экономического механизма управления экономической безопасностью сельскохозяйственных предприятий является его комплексность. Принятие решений по формированию и развитию управления экономической безопасностью предприятий предполагает использование различных инструментов. В частности, такими инструментами являются: оценка состояния управления экономической безопасностью сельскохозяйственных предприятий, внутренний аудит и мониторинг управления экономической безопасностью сельскохозяйственных предприятий, система предупреждения финансовых рисков и т.п. Ресурсами управления можно считать совокупность источника влияния на общее состояние системы и факторов управления экономической безопасностью сельскохозяйственных предприятий. Совершенствование организационно-экономического механизма управления экономической безопасностью осуществляется на основе принципа адаптивности во взаимосвязи со всеми подсистемами управления.

Согласно принципу адекватности, организационно-экономический механизм управления экономической безопасностью должен меняться и трансформироваться по сущности и структуре в связи с целями предприятия, ситуацией на рынке, а также условиями существования. Организационно-экономический механизм управления экономической безопасностью сельскохозяйственных предприятий, который предложен нами, соответствует критериям целесообразности. Его реализация должна способствовать экономическому развитию предприятия. Экономичность организационно-экономического механизма управления экономической безопасностью предприятий основывается на эффективности управления, рациональном и экономном использовании ресурсов, минимизации рисков и затрат. Такой подход к формированию организационно-экономического механизма управления экономической безопасностью предприятием обеспечит эффективность функционирования предприятия в целом.

Данный механизм управления экономической безопасностью сельскохозяйственных предприятий должен развиваться с развитием системы в целом,

иначе он перестанет ей соответствовать. Структура и подходы к формированию организационно-экономического механизма зависят от целевых установок системы, ее не касаются изменения отдельных частей и элементов организационно-экономического механизма управления экономической безопасностью сельскохозяйственных предприятий.

Основными элементами организационно-экономического механизма управления экономической безопасностью сельскохозяйственных предприятий являются:

- 1) правовой – вследствие необходимости соблюдения действующих нормативных актов и работы в правовом поле;
- 2) мотивационный – вследствие потребности в мотивации внутренних структур и ресурсов (в том числе персонала) для достижения высоких экономических результатов;
- 3) аналитический – вследствие потребности в качественной обработке информации и получении основательной информации для принятия эффективных решений;
- 4) организационная структура – вследствие необходимости в определенной архитектурной структуризации формальных отношений;
- 5) коммуникативный – вследствие необходимости структуризации внутренних отношений, в частности, внутреннего аудита для формализации функциональных отношений.

Согласно реализации правовых норм и обязанностей, на любом предприятии функционирует такая составляющая механизма, как правовая. Она обеспечивает соблюдение учтенных действующих нормативных актов и положений. Ее задачами является регулирование внутренних отношений и отношений сельскохозяйственного предприятия с внешней средой в соответствии с действующим законодательством. Функционирование аналитической составляющей организационно-экономического механизма управления экономической безопасностью предприятий способствует принятию фундаментальных управленческих решений на основе данных внутреннего аудита.

Аналитическая информация является основой стратегического планирования предприятия. Заинтересованность сотрудников предприятия осуществляется мотивационной составляющей, которая направлена на создание творческой атмосферы и реализации поставленной стратегии. Мотивационный элемент способствует рационализации использования всех видов ресурсов. К его достоинствам можно отнести снижение уровня рискованности процессов управления, благодаря высокой самоорганизации персонала. Важной составляющей организационно-экономического механизма управления экономической безопасностью сельскохозяйственных предприятий является его ресурсный элемент. С его помощью на предприятии обеспечивается контроль качества сельскохозяйственной продукции, соответствие и обработка ресурсов, а также рациональность и использование всех видов ресурсов на предприятии.

На организационную структуру сельскохозяйственного предприятия влияют факторы внешней и внутренней среды. Следовательно, на предприятиях возникает проблема необходимости в адаптации их к современным внутренним потребностям и требованиям внешней среды с целью своевременного и адек-

ватного реагирования на изменения и достижения устойчивых преимуществ предприятия на рынке. Эффективные управленческие решения формируются на основе глубокого и основательного анализа положительных характеристик и недостатков существующей организационной структуры предприятия, а также других сельскохозяйственных предприятий. Обмен аналитической, управленческой и другой информации производственного и непроизводственного характера, координация подразделений предприятия осуществляется с помощью коммуникативного элемента. Он позволяет осуществлять сбор информации, ее обработку и анализ полученных данных, с помощью чего принимаются управленческие решения о деятельности предприятия. Экономическая безопасность субъектов хозяйствования зависит, в первую очередь, от скорости передаваемых данных и качественной обработки информации.

Именно поэтому коммуникации являются необходимой составляющей формирования экономической безопасности предприятий отрасли сельского хозяйства. Аналитический элемент организационно-экономического механизма управления экономической безопасностью является одним из самых содержательных и многогранных. Он является составной всех функций управления экономической безопасностью сельскохозяйственных предприятий.

Организация аналитического процесса в рамках данного механизма обеспечивается соответствующими статистическими и финансовыми документами работы сельскохозяйственных предприятий, посредством чего обеспечивается более тщательный финансово-экономический анализ подсистем управления сельскохозяйственными предприятиями. Так, экономический анализ обеспечения предприятия финансовыми ресурсами и источниками их формирования позволяет исследовать имеющиеся потенциальные финансовые возможности, необходимые для осуществления производственной, кадровой, финансовой и инвестиционной деятельности предприятия.

Проведение оценки состояния управления экономической безопасностью предприятий обнаруживает слабые и сильные стороны в производственно-хозяйственной деятельности предприятий, что позволяет осуществлять своевременные корректировки по различным направлениям деятельности сельскохозяйственных предприятий. Рациональное использование имеющихся ресурсов предприятий и принятие качественных управленческих решений осуществляется на основе комплексного анализа предложенных направлений развития организаций.

Для усовершенствования и улучшения функционирования организационно-экономического механизма управления экономической безопасностью сельскохозяйственных предприятий важное значение имеют следующие меры:

1. Изучение показателей, которые повышают уровень рентабельности сельскохозяйственного производства, особенно на товары повышенного спроса, расчёт этих показателей, что будет способствовать повышению уровня цены реализации и роста показателей рентабельности сельскохозяйственного производства.
2. Повышение материальной заинтересованности в улучшении результатов хозяйственной деятельности наёмных рабочих и специалистов хозяйств.

Список литературы:

1. Гапоненко В.Ф. Экономическая безопасность предприятий: подходы и принципы : учебник / В.Ф. Гапоненко, А.Л. Беспалько, А.С. Власков. – М. : Ось-89, 2015. – 473 с.
2. Каракеян В.И. Экономическая безопасность : учебник и практикум для СПО / В.И. Каракеян, И.М. Никулина. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2018. – 313с.
3. Касперович С.А. Экономическая безопасность предприятия: сущность, цели и направления обеспечения / С.А. Касперович, Е.А. Дербинская // Труды БГТУ. –2018. – №7. – С.278–282.
4. Кеворкова Ж.А. Развитие методического инструментария обеспечения экономической безопасности организации / Ж.А. Кеворкова // Учет. Анализ. Аудит. – 2016. – №3. – С. 65–73.
5. Коломышцева О.Ю. Специфика обеспечения экономической безопасности предприятий в условиях цифровизации экономики / О.Ю. Коломышцева, В.А. Плотников // Экономика предприятий, регионов и отраслей. – 2018. – № 2.– С. 75–83.
6. Мельников А. Б. Формирование концепции продовольственной безопасности России [Текст] / А.Б. Мельников, В.В. Сидоренко, И.В. Снимщикова [и др.] // Экономика сельского хозяйства России. – 2016. – № 12. – С. 2–7.
7. Пименов Н.А. Управление финансовыми рисками в системе экономической безопасности : учебник и практикум для академического бакалавриата / Н.А. Пименов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2018. – 326 с.
8. Одинцов А.А. Экономическая и информационная безопасность: справочник / А.А. Одинцов. – М. : Экзамен, 2020. – 575 с.
9. Уразгалиев В.Ш. Экономическая безопасность : учебник и практикум для вузов / В.Ш. Уразгалиев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2019. – 675 с.

Kudelya L.V.

Essence and main components of the organizational and economic mechanism of management of economic security of agricultural enterprises

In this article the author reveals the essence, principles, goals and components of the organizational and economic mechanism for managing the economic security of agricultural enterprises. In particular, the author proposes the methodological apparatus and key aspects of the functioning of this mechanism for managing the economic security of agricultural enterprises. The article considers the main properties of mechanism for managing the economic security of agricultural enterprises, such as: openness, identifiability, integrity and dynamism.

Key words: *mechanism, management, economic security, agricultural enterprises, elements, structure, principle, properties, approaches, stages, purpose, methodological apparatus.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Барышева Елена Ивановна, профессор, заведующий кафедрой психологии ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат психологических наук, доцент (Луганская Народная Республика)

Гавриленко Петр Николаевич, доцент кафедры информационных образовательных технологий и систем ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат технических наук, доцент (Луганская Народная Республика)

Даренская Вера Николаевна, и.о. заведующего кафедрой философии ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат философских наук, доцент (Луганская Народная Республика)

Даренский Виталий Юрьевич, профессор кафедры философии ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», доктор философских наук, доцент (Луганская Народная Республика)

Делянченко Виталий Николаевич, доцент кафедры политических наук и регионалистики ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат педагогических наук (Луганская Народная Республика)

Дибас Оксана Андреевна, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат исторических наук, доцент (Луганская Народная Республика)

Ищенко Валентина Владимировна, доцент кафедры конституционного права и историко-правовых дисциплин ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», кандидат исторических наук (Луганская Народная Республика)

Калайдо Александр Витальевич, доцент кафедры технологий производства и профессионального образования ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат технических наук, доцент (Луганская Народная Республика)

Капустин Денис Алексеевич, и.о. заведующего кафедрой информационных образовательных технологий и систем ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат технических наук, доцент (Луганская Народная Республика)

Ковшарь Мария Константиновна, аспирант кафедры всемирной истории и международных отношений ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (Луганская Народная Республика)

Корнеева Анжелика Николаевна, и.о. заведующего кафедрой безопасности жизнедеятельности и охраны труда ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат педагогических наук, доцент (Луганская Народная Республика)

Кривуля Роман Евгеньевич, старший преподаватель кафедры профессионального мастерства, дизайна имиджа и стиля ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (Луганская Народная Республика)

Кружилин Владислав Витальевич, студент Института архитектуры и строительства ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет (Российская Федерация)

Куделя Лариса Владимировна, доцент кафедры экономики ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат экономических наук, доцент (Луганская Народная Республика)

Милокост Любовь Сергеевна, и.о. заведующего кафедрой всемирной истории и международных отношений ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат исторических наук, доцент (Луганская Народная Республика)

Мохамед Али Санаа Омер Абдель Баги, аспирант кафедры всемирной истории и международных отношений ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (Луганская Народная Республика)

Муртузалиев Сергей Ибрагимович, профессор кафедры всемирной истории и международных отношений ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», доктор исторических наук, профессор (Луганская Народная Республика)

Сентяй Роман Николаевич, старший преподаватель кафедры информационных образовательных технологий и систем ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» (Луганская Народная Республика)

Сидельникова Ольга Петровна, профессор кафедры безопасности жизнедеятельности в строительстве и городском хозяйстве ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет», доктор технических наук, профессор (Российская Федерация)

Темникова Светлана Владимировна, и.о. заведующего кафедрой фундаментальной математики ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат технических наук, доцент (Луганская Народная Республика)

Швыров Вячеслав Владимирович, доцент кафедры информационных образовательных технологий и систем ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат физико-математических наук, доцент (Луганская Народная Республика)

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Сборник научных трудов «Вестник Луганского государственного педагогического университета» (Свидетельство № ПИ 000196 от 22 июня 2021 г.) основан в 2015 г.

Учредитель и издатель сборника – ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ».

Научный сборник является периодическим печатным научным рецензируемым изданием, имеющим сериальную структуру. На страницах сборника публикуются научные работы, освещающие актуальные проблемы отраслей знания и относящиеся к отдельным группам научных специальностей. С 2016 г. издаются серии: «Педагогические науки. Образование», «Физическое воспитание и спорт», «Филологические науки. Медиакommunikации», «Биология. Медицина. Химия» «Гуманитарные науки. Технические науки».

Редакция сборника публикует научные работы, отвечающие правилам оформления статей и других авторских материалов, принятых в издании.

Авторские рукописи, подаваемые для публикации в выпусках серий, должны соответствовать их научному направлению и отличаться высокой степенью научной новизны.

Материалы могут подаваться на русском языке. Допускается публикация на английском языке. В таком случае авторы должны предоставлять развернутую русскоязычную аннотацию (до 2 тыс. знаков). Статьи публикуются на языке оригинала.

Публикация научных материалов осуществляется при условии предоставления авторами следующих документов:

1. Авторская заявка/согласие на публикацию авторских материалов.
2. Текст научной статьи (научного обзора, научного сообщения, открытой научной рецензии, публикация по материалам научных событий, информация об отечественных и зарубежных научных школах, персоналиях), соответствующий тематике серии сборника.
3. Рецензия на статью, подготовленную аспирантом или соискателем ученой степени кандидата наук, подписанная научным руководителем или заведующим кафедрой, на которой выполняется диссертационное исследование. Рецензия должна объективно оценивать научную статью и содержать всесторонний анализ ее научных достоинств и недостатков.

Заявка и научная статья или другие авторские материалы направляются в редакцию серии в электронном виде. Электронный вариант статьи представляется вложением в электронное письмо. Авторская заявка с подписью автора(-ов), рецензия на статью подаются в отсканированном виде. Названия предоставляемых файлов должны соответствовать фамилии автора(-ов) и названию документов.

Рукописи статей проходят процедуру макетирования. Все элементы статьи должны быть доступны для технического редактирования и отвечать техническими требованиями, принятым в издании.

Материал для опубликования предоставляется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется в текстовом формате, полностью совместимом с Word 97-2003. Рукопись должна иметь ограниченный объем 7–12 страниц машинописного текста (0,3–0,5 авторского листа; 12–20 тыс. печатных знаков с пробелами) включая аннотацию, иллюстративный и графический материал, список литературы.

Формат страницы А4; книжная ориентация; поля: левое 3 см, верхнее 2 см, правое 1,5 см, нижнее 2 см; гарнитура Times New Roman; цвет текста – черный; размер шрифта 14 кегль; интервал 1,5; выравнивание по ширине текста. Абзац выделяется красной строкой, отступ 1,25. Текст печатается без переносов, соблюдается постановка знаков дефиса (-) и тире (–), а также типографских кавычек (« »), в случае использования двойных кавычек внешними являются кавычки (« ») «елочки», внутренними – („“) «лапки».

Выравнивание отступа с помощью табуляции и пропусков не допускается. Уплотнение интервалов, набор заголовка в режиме Caps Lock, использование макросов и стилевых оформлений Microsoft Word запрещено.

В тексте статьи ссылки нумеруются в квадратных скобках, где первый номер указывает на источник в списке литературы, последующие – на страницы источника или другие источники, в таком случае номера источников отбиваются знаком (;). Например, [3, с. 65]; [4; 7; 9]; [2, т. 3, с. 41–44]; [1, с. 65; 3, с. 341–351]. Размещение в тексте прямых цитат без сносок не допускается. Сноски вниз страницы не выносятся.

При написании фамилий и инициалов используется следующее правило: инициалы печатаются через точку без пробела, инициалы от фамилии отбиваются неразрывным пробелом (Ctrl + Shift + «пробел»). Например, М.А. Крутовой. Согласно стилю оформления научной публикации предпочтительнее сначала указывать инициалы ученого, а затем его фамилию.

В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте должна иметься ссылка на конкретный рисунок, например, (Рис. 2). Каждый рисунок следует создавать в отдельном файле, а затем вставлять в статью с помощью функции «вставка» с обтеканием текстом. Не допускается выход рисунков за границы текста на поля. Все рисунки должны обеспечивать простое масштабирование с сохранением взаимного расположения всех элементов и внутренних надписей. Не допускается составление рисунка из разрозненных элементов. Запрещены рисунки, имеющие залитые цветом области.

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунков следует сохранять в форматах jpg, tif.

Каждую таблицу необходимо снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы следует предоставлять в текстовом редакторе Microsoft Word, располагать в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи необходимо давать ссылку на конкретную таблицу, например, (Табл. 2). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. В таблицах допускается использование меньшего кегля, но не менее 10.

Текст научной статьи должен иметь следующую структуру:

1. Индекс УДК (универсальной десятичной классификации публикуемых материалов) выставляется без абзаца.

2. Фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, звание, должность автора(-ов), название учебного заведения или научной организации, в которой выполняется диссертационное исследование, электронный адрес автора(-ов).

3. Заголовок статьи. Заголовок должен быть информативным и содержать только общепринятые сокращения; набираться строчными буквами жирным шрифтом, без разбиения слов переносами, с выравниванием по центру строки, без абзацного отступа, без точки в конце.

4. Аннотация. Описывает цели и задачи проводимого исследования, а также возможности его практического применения. Аннотация на русском языке помещается в начале статьи, на украинском и английском – в конце. Аннотация должна быть написана от третьего лица и содержать фамилию и инициалы автора(-ов), заголовок статьи, ее краткую характеристику. Рекомендуемый объем аннотации 3–4 предложения; 40–60 слов; 500 знаков. Англоязычная аннотация должна выполняться на профессиональном английском языке.

5. Ключевые слова (5–7 слов / словосочетаний, определяющих предметную область научной статьи) на русском языке (располагаются после аннотации на русском языке), на украинском языке (после аннотации на украинском языке) и английском (размещаются после аннотации на английском языке). В перечне ключевых слов должны быть представлены общенаучные или профильные термины, упорядоченные от наиболее общих к более конкретным.

6. Вводная часть статьи, постановка проблемы, цель статьи, представление новизны излагаемых в статье материалов.

7. Данные о методике проводимого исследования.

8. Экспериментальная часть, анализ, обобщение, описание и объяснение полученных данных. По объему – занимает центральное место в статье.

9. Выводы и рекомендации, перспективы развития поставленной проблемы.

10. Список литературы, представленный в алфавитном порядке в виде нумерованного списка. В статье рекомендуется использовать не более 10 литературных источников. Заголовок «Список литературы» набирается

строчными буквами, с выравниванием по центру строки, без абзацного отступа, без точки в конце и ниже с выравниванием по ширине приводится пристатейный нумерованный список литературы. Фамилии и инициалы авторов набираются полужирным шрифтом, библиографическое описание источника обычным.

Каждый новый структурный элемент статьи не нужно нумеровать, выделять, называть. Изложение материала статьи должно быть последовательным, логически завершенным, с четкими формулировками, исключая двойное толкование или неправильное понимание информации. Оформление текста должно соответствовать литературным нормам, быть лаконичным, тщательно выверенным.

К публикации принимаются научные статьи, выполненные в строгом соответствии с техническими требованиями к оформлению статей и других авторских материалов. Текстовые принципы построения научной статьи могут варьироваться в зависимости от тематики и особенностей проводимого исследования. Материалы, не отвечающие основным предъявляемым требованиям, к рассмотрению не принимаются. Рукописи статей, сопроводительные документы как опубликованных, так и отклоненных авторских материалов авторам не возвращаются.

Авторы научных статей несут всю полноту ответственности за достоверность сведений, авторскую принадлежность представленного материала, точность цитирования и ссылок на официальные документы и другие источники, приведенные инициальные сокращения.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора присланных материалов, их рецензирования и редактирования без изменения научного содержания авторского варианта. Принятые к публикации научные статьи включаются в очередной номер журнала в порядке поступления.

Редакция не принимает к публикации статьи, опубликованные ранее в других изданиях. Публикация статьи в сборнике не исключает ее последующего переиздания, однако, в таком случае необходимо приводить ссылку на «Вестник Луганского государственного педагогического университета» как на первоисточник.

После выхода в свет печатной версии научного сборника, его полнотекстовые электронные копии размещаются в базе данных Научной библиотеки, а также на официальном сайте Луганского государственного педагогического университета в формате pdf. Электронные материалы могут копироваться по электронным сетям и распечатываться авторами для индивидуального пользования с указанием выходных данных сборника.

Согласие автора на публикацию статьи, данное в заявке, рассматривается и принимается редакцией сборника как его согласие на размещение предоставленных авторских материалов в свободном электронном доступе.

В заявке авторы должны подать следующую информацию:

1	Полное название статьи	
<i>Заполняется каждым автором</i>		
	ФИО (полностью)	
2	Учёная степень, звание	
3	Название организации (вуз, кафедра, лаборатория, отдел), которую представляет автор (в именительном падеже), должность	
4	Страна, город	
5	Контактный номер телефона	
6	Почтовый адрес, индекс	
7	Адрес электронной почты	
8	Авторское согласие на печать и размещение рукописи в электронных базах свободного доступа	Подпись автора

Редакция Вестника Луганского государственного педагогического университета

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

Коллектив авторов

ВЕСТНИК

ЛУГАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Сборник научных трудов

Серия 5

Гуманитарные науки

Технические науки

Главный редактор – *Л.А. Черных*
Выпускающий редактор – *Г.Г. Калинина*
Редактор серии – *С.В. Темникова*
Корректор – *О.И. Письменская*
Дизайн обложки – *Р.В. Жила*
Компьютерная верстка – *Р.В. Жила*

Подписано в печать 31.01.2022. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Печать ризографическая. Формат 70×100 1/16. Усл. печ. л. 9,75.

Тираж 100 экз. Заказ № 7

Издатель

ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет»

«Книга»

ул. Оборонная, 2, г. Луганск, 91011. Т/ф: (0642) 58-03-20

e-mail: knitaizd@mail.ru